32 5/67

325
67

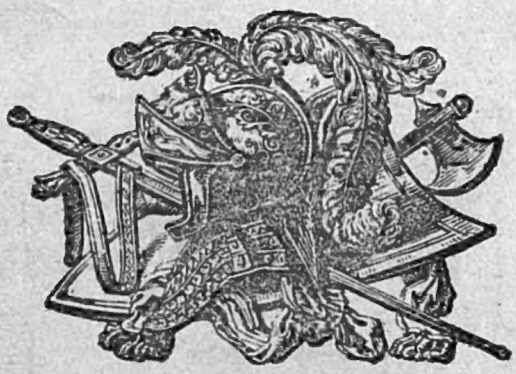
ПОХОДНЫЯ ЗАПИСКИ

АРТИЛЛЕРИСТА,

СЪ 1812 ПО 1816 ГОДЪ.

АРТИЛЛЕРІИ ПОДПОЛКОВНИКА

И..... Р.....



МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. СТЕПАНОВА.

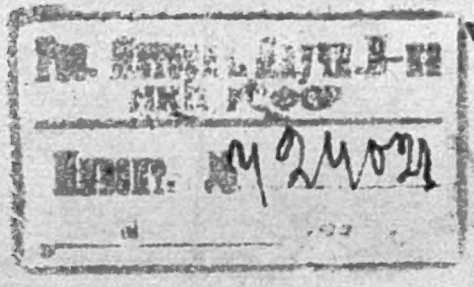
1835.

БИБЛІОТ. КН. АЛЕКСАНД. НИКОЛ. ГОЛИЦЫНА

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ три экземпляра. Москва, Апрѣля 9 дня, 1835 года.

Цензоръ М. Каченовскій.



ПОХОДНЫЯ ЗАПИСКИ

АРТИЛЛЕРИСТА.

ЧАСТЬ IV.

1815 ГОДЪ И НАЧАЛО 1816-го.

ВТОРИЧНЫЙ ПОХОДЪ

ВО ФРАНЦІЮ.

Tout homme doit au public le tribut de son activité, et devrait s'efforcer de laisser quelque trace honorable de son existence.

Weiss.

ГЛАВА I.

ОТЪ БѢЛОСТОКА ДО КАЛИША.

Начало новой кампании. — Походъ. — Тыкочинъ. — Остроленка. — Прасницы. — Замѣшательство на маршѣ. — Цихановъ. — Плоцкъ. — Переправа черезъ Вислу. — Кутно. — Газетныя извѣстія. — Хвастунъ. — Калишъ. — Разныя встрѣчи.

По отъѣздѣ Наполеона на островъ Эльбу, союзные Монархи, съѣхавшіеся въ Вѣну на Конгрессъ, дѣлили Европу. Главнѣйшими предметами раздѣла были Польша и Саксонія. Австрія, Англія, Баварія и Князья Германскіе не соглашались на уничтоженіе Саксонскаго Королевства, хотя оно дѣйствительно было завоевано большею частію Русскими и Прусскими войсками. Состязанія дипломатовъ объ этомъ предметѣ продолжались до тѣхъ поръ, покуда не узнали, что Наполеонъ ушелъ съ острова Эльбы и вторгнулся во Францію. Но какъ Союзники, въ обезпеченіе своихъ требованій, оставили войски въ завоеванныхъ областяхъ, а именно, Пруссаки на Рейнѣ, Англичане въ Нидерландахъ, Австрійцы въ

Италіи, и Русскіе на Вислѣ, то для нихъ легко было двинуть свои силы снова во Францію, для окончательной гибели Наполеона и ограниченія Франціи.

Рѣшеніе Вѣнскаго Конгресса не прежде кончилось, какъ въ Маѣ мѣсяцѣ. Вслѣдствіе его, большая часть Герцогства Варшавскаго, съ 2,500,000 жителей, присоединена къ Россіи, подъ именемъ Царства Польскаго, причемъ Познанскій, Бромбергскій и Торнскій округи оставлены Пруссіи, а старая Галлиція Австріи. Краковъ преобразованъ въ республику, подъ покровительствомъ трехъ союзныхъ Державъ. Пруссія получила болѣе всѣхъ: почти половину Саксоніи и столькоже на обоихъ берегахъ Рейна.

Не смотря на то, что Французскій Король объявилъ Наполеона измѣнникомъ и приказывалъ всѣмъ вѣрноподданнымъ своимъ ловить его и казнить, старый Императоръ Французовъ, съ горстію своей Эльбинской Гвардіи, безпрепятственно, въ половинѣ Февраля, вышелъ на берегъ Франціи. Хотя въ первомъ предпріятіи, авангардъ его, состоящій изъ 25 человѣкъ, посланный занять крѣпость Антибу, былъ взятъ въ плѣнъ Королевскимъ Комендантомъ, однако Наполеонъ, не встрѣчая далѣе препятствія, сошелся съ 6,000-мъ отрядомъ Королевскихъ войскъ,

подъ начальствомъ Генерала Маршана, котораго, будучи не въ состояніи одолѣть силою оружія, успѣлъ одолѣть силою своего краснорѣчія и двадцатилѣтнею славою. Армія его увеличилась до 10,000, и 26 числа Наполеонъ торжественно вступилъ въ Ліонъ. Едва Французскій Король оставилъ, ночью 7-го Марта, Парижъ, какъ въ слѣдующій день вошелъ въ него Императоръ. Если-бы Король, по повелѣнію Наполеона, былъ задержанъ въ Лиллѣ Маршаломъ Мортье, то прежній Императоръ могъ-бы ожидать счастливаго переворота дѣлъ въ свою пользу; но Мортье, измѣняя Королю, предаваясь Наполеону, измѣнилъ и ему, уговоривши Короля оставить Лилль. Въ Гентѣ Король распустилъ провожавшую его Гвардію. Маршалы Бертье, Мармонъ и Викторъ остались при немъ; Макдональдъ и Удино не хотѣли служить ни Королю, ни Наполеону; а Ней, первый, съ авангардомъ Королевской арміи, предался прежнему повелителю. Такимъ образомъ, въ шесть недѣль, старый Императоръ покорилъ Францію для ея бѣдствій.

Императоры Россійскій и Австрійскій, 13-го Марта, заключили между собою союзъ, къ которому присоединились Короли Прусскій и Англійскій, чтобы воспротивиться Наполеону, и не прежде прекратить съ нимъ

войну, покуда онъ не будетъ вовсе сверженъ съ престола. Немедленно Англичане въ Нидерландахъ, а Пруссаки на Рейнѣ были двинуты; они поступили подъ начальство Лорда Веллингтона. Австрійцы, Баварцы и Виртембергцы, подъ предводительствомъ Князя Шварценберга, тронулись съ верхняго Рейна. Россійская армія, подъ начальствомъ Фельдмаршала Барклая-де-Толли, составляла, съ частію Австрійцевъ, шедшихъ изъ Италіи, большой резервъ.

Наполеонъ употребилъ всѣ усилія, чтобы собрать значительную армію, вооружая Французовъ отъ 20 до 60 лѣтъ, и едва могъ сформировать 150,000 войска, между тѣмъ какъ ему угрожали до 500,000 союзныхъ войскъ. Борьба неравная—гибель неизбѣжная. Такъ судьба опредѣлила еще разъ блеснуть этому страшному феномену человѣковъ, потомъ угаснуть, и жить въ преданіяхъ потомства.

Въ Бѣлостокѣ узнали мы о предстоящей войнѣ, въ половинѣ Марта. 21 числа приказано было войскамъ приготовиться. Нашъ 3-й Корпусъ, подъ начальствомъ Генерала отъ инфантеріи Дохтурова, съ двумя гренадерскими дивизіями, составлялъ третью, или правую колонну всей арміи. Выступить назначено было въ послѣднихъ числахъ

Марша, въ половинѣ Апрѣля быть въ Калишѣ, а въ половинѣ Мая въ Баваріи.

Я, въ 7-й пѣхотной дивизіи, наконецъ въ чинѣ Штабсъ-Капитана Артиллеріи за взятіе Парижа, прикомандированъ былъ къ Дивизіонному Оберъ-Кварширмейстеру, Подполковнику М***, который съ недѣлю только какъ женился на прекрасной Нѣмочкѣ, и потому весьма не равнодушно оставлялъ Бѣлостокъ; но я чрезвычайно радовался новому путешествію за границу.

22 Марша весь день провелъ я въ заботахъ: приготовлялъ маршруты и собирался въ походъ. Подполковникъ М*** остался еще на недѣлю, при молодой супругѣ своей, и поручилъ мнѣ вести войски; тогда честолюбіе мое польстилось тѣмъ, что я первый открывалъ путь въ Европу 40,000-ной колоннѣ Русскихъ войскъ. 7-я дивизія Генерала Капцевича выступала прежде всѣхъ.

Въ слѣдующій день я бѣгалъ по городу, какъ угорѣлый: занималъ деньги, укладывался, добывалъ себѣ верховую лошадь, прощался съ знакомыми, и не безъ зазнобушки въ сердцѣ оставилъ Бѣлостокъ. Но дурачества въ сторону: надобно было заняться службою. Къ вечеру пріѣхалъ въ Тыкочинъ, съ трудомъ нашелъ себѣ квартиру, и выпивши бутылку меду уснулъ сладко

Бывши нѣсколько дней на ногахъ, въ безпрестанной дѣятельности чувствъ и мыслей, я почувствовалъ недугъ. Составлять дислокацію, или расписаніе кварширъ на каждый переходъ для войскъ одной дивизіи дѣло не трудное, но весьма хлопотливое, по многимъ обстоятельствамъ: малочисленность деревень, отдаленіе ихъ, бѣдность жителей, дурныя дороги, дурныя переправы, и прочее, все надлежало распросить и сообразить, прежде нежели возмешься за перо, чтобы дать направленіе полкамъ и удобное квартированіе, чтобы не дать одному полку кварширъ больше другаго, чтобы полковые штабы ставить въ центрѣ расположенія ротъ, и вести ихъ чрезъ дороги и переправы, надежныя для обозовъ.

Въ Тыкочинѣ съ трудомъ я могъ размѣнять двѣ пятидесяти рублевыя ассигнаціи на ходячую монету. Одинъ Жидъ, изъ сотни ихъ, по убѣдительной моей просьбѣ, согласился наконецъ дать мнѣ шесть червонцевъ съ полтинникомъ серебра; то есть вмѣсто ста рублей на монету я получилъ 77, а 23 пошли на промѣнъ.—Въ Тыкочинѣ, кромѣ суконъ средией доброты, нѣтъ товаровъ.

На ночь пріѣхалъ я въ Менжининъ, слѣ-

дуя данному мнѣ маршруту отъ Корпуснаго Оберъ-Кварширмейстера.

Еще въ два дни проѣхалъ я чрезъ гор. Ломзу и м. Мясцково, безъ всякихъ замѣчаній, занявшись составленіемъ дислокацій, которыя съ каждымъ переходомъ отсылалъ назадъ, къ командиру первой бригады.—Въ Остроленкѣ я передневалъ.

Около Остроленки деревушки малыя, по причинѣ безплодной, лѣсистой страны и потерпѣннаго отъ прошедшей войны разоренія; а потому я старался распространять этапное квартированіе войскъ, имѣя въ виду, чтобы помѣщенія было достаточно, и будучи увѣренъ, что солдатъ нашъ согласенъ лучше сдѣлать переходъ въ 30 верстъ, только-бы на квартирѣ встрѣтили его горячій борщъ и привѣтливая хозяйка, нежели прошедши десять верстъ дожидаться черствыхъ сухарей изъ этапнаго магазина.

Отъ Остроленки проѣхавши къ м. Ружаны, я не нашелъ въ немъ этапнаго магазина, а также и въ м. Маковѣ его не было; потому вздумалось мнѣ, соображаясь съ инструкціею отъ Фельдмаршала, попытаться взять правѣе Макова, куда и дорога отъ Остроленки вышла-бы прямѣе. Отъ Ружанъ черезъ Маковъ поѣхалъ я въ Прасницы, ку-

да едва домащился ночью. Къ счастію, скоро нашелъ я шамъ Подпрефектова Секретаря, который объявилъ мнѣ, что весь магазинъ изъ Прасницъ перевезенъ въ Цихановъ, и что въ Прасницахъ кварширует Польскаго войска линейный полкъ.—Ночевать здѣсь не льзя мнѣ было остаться для того, чтобы не упустить времени, котораго оставалось одинъ слѣдующій день, а я еще ничего не предпринималъ для расписанія кварширъ; ѣхать-же назадъ было не на чемъ.

Тогда я пошелъ на почту, попытаться достать какъ нибудь лошадей; долго говорилъ съ почтмейстеромъ, и ничего не могъ отъ него добиться. На мое счастіе пріѣхала изъ Варшавы экстра-почта; почтмейстеръ раскупорилъ ее, причемъ дожидавшіеся тутъ политики, полупьяные шляхтичи, расхватали мигомъ газеты, и читали, одинъ другаго перебивая, вслухъ, разныя новости: что Австрійскаго и Прусскаго войска собралось на Рейнѣ до 200,000, что Наполеонъ въѣхалъ торжественно 8 Марта въ Парижъ, а Король едва успѣлъ наканунѣ ночью уѣхать въ Лилль. Послѣ того всѣ чтецы, поправляя усы, охриплыми голосами предлагали свое сужденіе. Я не могъ не разсмѣяться и наконецъ рѣшительно сказалъ почтмейстеру: »Вотъ тебѣ ду-

капъ, вели шолько сей часъ везши меня!»— Заразъ, пане! экспра гошова, запакована! Эй! почшарь, сядай, и везь пана!...— Я выпилъ рюмку водки, сѣлъ съ экспрою—и рожокъ запрещалъ.

Выѣхавши въ 12 часовъ ночи изъ Прасницъ, я пріѣхалъ въ Маковъ въ 2 часа до свѣша: шри мили. Размышляя, какъ лучше посшавишь войски, я не чувсшвовалъ шолчковъ и качки въ почшовой бричкѣ, по дурной дорогѣ. Еще кой-гдѣ свѣшился сквозь окна огонёкъ, и шолько въ одной корчмѣ брянчали жидовскія цимбалы, акомпанируя козлиному шенору Жидка. Я переходилъ опъ одного дома къ другому, спучался: нигдѣ меня не впускали; наконецъ въ корчмѣ балъ кончился, и я едва выпросилъ для себя въ ней мѣспечко. Тупъ за два злошыхъ (30 коп. серебра) получилъ себѣ пукъ соломы, на копорую разосплалъ свой сюрпукъ; чемоданчикъ положилъ въ головы, шинелью покрылся, и проспалъ сладко до восхожденія солнца. Эпо былъ мой первый военный ночлегъ въ новомъ походѣ.

Маковъ полонъ Жидами; дома чепыре есшь каменныхъ и коспелъ; все прочее черныя, жидовскія хижины. Здѣсь нашелъ военную коммисію раціоновъ и порціоновъ До полудни сосшавлялъ расписаніе кварширъ для

ночлега войскамъ. Узнавши, что около Ружанъ изъ деревень разбѣжались всѣ поселяне, я упустилъ этотъ этапъ, и назначивъ полкамъ кратчайшій путь къ Макову, выгадалъ имъ здѣсь дневку. Хотя деревни и путь въ окрестности небольшія, но многочисленнѣе, и жители постояннѣе. Къ несчастію, мое расписаніе, съ рапортомъ въ бригаду, вмѣсто того чтобы поспѣть въ тотъ-же день ввечеру, дошло на другой день поутру. Полки, не дожидаясь моего назначенія къ Макову, пошли на Ружаны; но не нашедъ тамъ ничего для себя, разсѣялись, и блуждали по лѣсамъ. Квартиргеры, узнавъ, что я намѣренъ былъ сдѣлать этапъ въ Прасницахъ, поѣхали туда, и тамъ не нашли меня; тогда всѣ войски дивизіи такъ перемѣшались, какъ будто самъ лѣшій водилъ ихъ.

Въ слѣдующій день я остался въ Маковѣ; но узнавъ о разсѣяніи войскъ, поѣхалъ назадъ, и указывалъ путь заблудшимся. Отъ чего-же вышло это чародѣйство? Наканунѣ въ полдень послалъ я курьеръ свой съ избраннымъ десятникомъ, за 15 верстъ, въ 9-ю мушкетерскую роту Московскаго полка, квартировавшую ближе всѣхъ; оттуда послали его далѣе, не съ мушкетеромъ, а съ мужикомъ, безъ строгаго внушенія доста-

вишь въ полковую шшабъ-кварширу со всею скоростію. Мужикъ, по своей натурѣ, сперва на пуши выспался, а потомъ уже поупру явился съ кувертомъ къ Полковнику Н***. Этотъ Полковникъ, не ожидая, будетъ-ли что либо отъ меня, повелъ бригаду, по маршруту къ Ружанамъ, и отъ того большая часть ротъ должны были сворачивать и пройдти, вмѣсто 25, около 40 верстъ. При первой встрѣчѣ Полковникъ сдѣлалъ мнѣ выговоръ; но потомъ извинилъ меня, и чтобы впредь не было подобной экстра-почты чрезъ мужиковъ, прикомандировалъ ко мнѣ двухъ Казаковъ.— Вскорѣ за тѣмъ пріѣхалъ изъ Пультуска толстый Подпрефектъ съ двумя жандармами, и сталъ угрожать мнѣ, какъ я смѣлъ сокращить маршъ, отъ чего магазинъ въ Маковѣ скоро опустѣетъ, и не достанетъ для войскъ продовольствія. На это я отвѣчалъ ему, что почитаю всегда обязанностію соблюдать пользу войскъ сокращеніемъ утомительной для нихъ ходьбы; что войски никогда не будутъ ходить за магазинами, а напротивъ того, магазины должны двигаться за ними и предъ ними.

Послѣ глухаго полѣсья отъ Менжинина до Макова, на пространствѣ 120 верстъ по р. Наревѣ, къ Цыханову являют-

ся хлѣбородныя поля и жители зажиточные; а потому, пріѣхавши въ Цихановъ, я безъ труда составилъ квартирное расписаніе; но только что послалъ его къ Полковнику N***, какъ явились квартиргеры. Я долженъ былъ снова писать имъ то-же, и они должны были снова разъѣзжаться.

Цихановъ хотя плохое мѣстечко, однако въ немъ есть трактиръ, гдѣ взяли съ меня за одну колбасу на завтракѣ $2\frac{1}{2}$ злотыхъ. Ужаснувшись такой дороговизны, я не рѣшился въ немъ обѣдать, а заказалъ себѣ обѣдъ на квартирѣ; тутъ, за гульшайскій бикосъ, за пареную рѣпу и за два стакана кислаго пива, заплатилъ я только два злота.—Послѣ обѣда пошелъ я прогуляться въ окрестность мѣстечка; посмотрѣлъ за рѣчкою на красивыя развалины древняго замка; взошелъ на такъ называемую костельную горку, откуда мѣстечко съ окрестностями представилось какъ на ладони. Тутъ, развалившись, съ часъ лежалъ я, и призывая весну, любовался мѣстоположеніемъ.

На этой горкѣ стоитъ одинъ памятникъ надъ прахомъ погребеннаго здѣсь Артиллеріи Штабсъ-Капитана Долгова, умершаго въ 1814-го году, Сентября 14-го дня. Надгробіе написано очень просто по-Русски и по-Польски. Простая эпитафія не произво-

дишъ никакого впечатлѣнія; надобно, чтобы она прогала сердце, а не увѣдомляла о приключившейся смерти такого-то и тогда-то. Когда я буду умирать, то попрошу влепить самую нѣжную эпитафію въ могильный камень мой.

На ночь пріѣхалъ я въ д. Глиновецъ, на р. Вкрѣ, и остановился, по отводу, въ полуразвалившемся домѣ, который когда-то былъ красивъ, потому что и теперь надъ оборванною софою виситъ замасленый портретъ послѣдняго Польскаго Короля Станислава.

На квартиру ко мнѣ явился панъ комиссаръ, любившій потягивать водку. По мѣрѣ того, какъ я составлялъ квартирное расписаніе, онъ величалъ меня, сперва паномъ Поручникомъ, потомъ паномъ Капитаномъ, наконецъ паномъ Полкувникомъ, и если-бы я долѣе занимался, то конечно произвелъ-бы онъ меня въ паны Генералы, потому что удивлялся моей мнимой власти, по которой войски должны были двигаться на назначенныя имъ отъ меня мѣста.

Обывательскія лошади здѣсь такъ изнурены, что пѣшкомъ можно скорѣе придти на станцію. Земля кажется хлѣбородная, но жители бѣдны. Я проѣхалъ черезъ плохое мѣстечко Раценжъ, которое однако

есть лучшее изъ многихъ Плоцкаго округа. Ночевалъ въ м. Дробинахъ, у Жида. Не смотря на шабашъ, сѣдой Жидъ и толстая супруга его были довольно услужливы. Они накормили меня бурмистерскою яичницею и запеканымъ кушелемъ, а для запиванія перечнаго вкуса ихъ кушанья поставили полкварты вишняка. Я первый разъ въ жизни встрѣтилъ отъ Жидовъ такое гостепріимство.

Плоцкъ видѣнъ за 12 верстъ. Онъ превосходитъ Бѣлостокъ своею обширностію и строеніями; домъ Префектуры, на площадкѣ съ булеваромъ, есть лучшее зданіе. Висла придаетъ много величія городу и доставляетъ жителямъ средства для промышленности. Жидовъ здѣсь не такъ много, какъ въ Бѣлостокѣ. Я пріѣхалъ передъ вечеромъ, успѣлъ занять себѣ квартиру и явиться къ Коменданту; остальное время до ночи употребилъ для осмотра города. Здѣсь я съ удовольствіемъ воображалъ себя за границею, между иностранцами. Многіе домики новой архитектуры весьма красивы; лавки, судя по вывѣскамъ, должны быть разнообразны и богаты. На большихъ домахъ, передъ входомъ, надписано золотыми литерами: Hôtel de Varsovie—Hôtel de Londres—а близъ моей квартиры: Poznany snia-

dania i cava. Два древніе костела съ охриплыми колоколами возвышали достоинство города. Я не рѣшался войдти въ какой ибудь Hôtel, или трактиръ, опасаясь тамъ встрѣчи съ Парижскими элегантами и задорными патріотами, а потому предпочелъ лучше прогуляться по крутому берегу Вислы. Отсюда любовался я быстротою водъ ея и мѣлкими судами подъ бѣлыми парусами, которыя, обходя островъ, рисовались въ рѣкѣ, теряющейся, по теченію, на горизонтѣ. Противоположный берегъ отлогій. Сильный порывъ вѣтра чуть не сбросилъ меня съ берега на стоявшую внизу хижину, и я ушелъ. Проходя мимо одного большаго дома, увидѣлъ я на углу стѣны афишку: *Краковяки, Опера* — и побѣжалъ, спрашивая гдѣ театръ? По указаніямъ дошедши до него, я еще спросилъ: гдѣ?—Тутъ!—сказалъ проходящій:—только сегодня не играютъ.—Напрасно-же торопился я посмотрѣть здѣшнихъ акперовъ и жаждалъ утолить страсть свою къ музыкѣ; но когда я взглянулъ на театральное зданіе, у меня жаръ остылъ къ Польскому спектаклю: не льзя было ожидать, чтобы здѣсь играли лучше, нежели въ Бѣлостокѣ!

Отъ ѣзды и ходьбы у меня пробудился сильный аппетитъ. Я зашелъ въ Hôtel de Varsovie; еще передъ дверьми скинулъ шап-

ку и поправилъ свой хохолъ, въ ожиданіи ресторацiоннаго блеска; но — билліардъ, четыре каршинки на стѣнѣ, въ одномъ углу шкафъ съ посудою, а въ другомъ печка, да три тусклыхъ свѣчи — вотъ и весь Варшавскій Отель. У мадамъ Минхенъ въ Бѣлостокѣ трактиръ великолѣпнѣе, только нѣтъ такой пышной, золотой надписи передъ входомъ. Я насилу могъ дождаться заказнаго ужина, за который въ другой горницѣ бранился съ маркёромъ проѣзжій гость.

На другой день цѣлое утро, до 2 часовъ пополудни, былъ я занятъ дѣломъ: ходилъ къ Коменданту, хлопоталъ о фуражѣ своей лошади, и составлялъ дислокацію. Но я обманулся въ городѣ. Онъ даже не стоилъ того, чтобы мундиръ надѣвать для него, а я облекся въ полную форму и обвязался шарфомъ. Комендантъ вовсе не Полковникъ, какъ мнѣ сказали вчера, а армейскій Капитанъ; вмѣсто Подпрефекта явился ко мнѣ Секретарь съ пьяною рожею, отъ котораго несло виномъ какъ изъ Гейдельбергской бочки; Подпрефектура въ нижнемъ этажѣ огромнаго дома Юстицъ-Коллегіи, какъ будто въ погребѣ. Однимъ словомъ, Плоцкъ обманулъ меня своею наружностію, и Бѣлостокъ, съ своимъ замкомъ и липовою улицею, казался мнѣ иногда важнѣе. Изъ множе-

ства Опелей мнѣ опрекомендовали *Май*; шутъ я по-Майски отобѣдалъ, выпилъ стаканъ вина, потомъ чашку кофе, и за все заплатилъ довольно сносно: 6 злотыхъ. Этотъ Май для армейскихъ рай: шутъ биллiардъ, хорошiй столъ, кофе, и вино, и толпа нимфъ прислужницъ, съ кошачьими личиками. Признаться, этого товара здѣсь по всѣмъ улицамъ много бѣгаетъ, въ красныхъ, голубыхъ, оранжевыхъ платочкахъ, но я не замѣтилъ ни одной, на которой могъ-бы съ пріятностiю остановиться взоръ.

Выпивши въ *Маiѣ* два стакана кофе, я пошелъ на Вислу переправляться. Погода была прекрасная. Рѣка тихая, ровная, но быстрая, и для матросовъ много представляла труда отчаливаться съ паромомъ противъ теченiя; ширина ея 400 сажень, глубина посрединѣ 15 футовъ; есть острова и отмѣли. Мой богатырскiй конь, сорвавшись съ парома, поплылъ черезъ рѣку вкось, дiагонально: лишь только ушки были видны надъ водою. Не сводя глазъ съ его ушей и морды, я страшился гибели своего единственнаго товарища въ походѣ, который, хотя съ разбитыми ногами, носилъ меня терпѣливо; но вдругъ онъ вышелъ на берегъ, ко всеобщему удивленiю и къ моей великой радости, такъ, что приведшему его матросу я далъ черво-

нецъ. Къ такому коню не льзя было не имѣть должнаго уваженія и довѣрія.

Дорога до м. Гумбина, 15 верстъ, песчаная, идетъ почти около Вислы. Жители по лѣвую сторону этой рѣки живутъ лучше и достаточнѣе. Ввечеру, когда я пріѣхалъ въ мѣстечко и думалъ о своемъ Дивизіонномъ Оберъ-Квартирмейстерѣ, воображая, что̀ будетъ, если я прежде него поспѣю въ Калишъ и явлюсь къ Начальнику Главнаго Штаба— приходитъ жандармъ и зоветъ меня къ Полковнику Красинскому. Я думалъ, что этотъ Полковникъ, оставленный здѣсь по обязанностямъ службы, намѣренъ сдѣлать мнѣ выговоръ, зачѣмъ къ нему не являюсь, и приготовилъ отвѣтъ. Вхожу, и вижу своего Подполковника М*** съ колонновожатымъ. Тогда всѣ заботы о составленіи дислокацій я сдалъ ему.

Отъ Гумбина до Купно около 30 верстъ; дорога, болѣе песчаная, идетъ черезъ лѣсъ; видовъ никакихъ нѣтъ. Жители здѣсь зажиточны. Купно было-бы хорошее мѣстечко, если-бы до половины не сгорѣло. При немъ есть замокъ одного помѣщика: это зданіе возвышаетъ красоту мѣстечка. Впрочемъ мы съ колонновожатымъ не могли ничего найдти здѣсь для уполенія своего аппетита: въ трактирѣ цѣлый часъ ожида-

ли яичницы, и въ той намъ отказали. Вмѣсто обержи нашли корчму! Но когда я съ товарищемъ, проклиная скупость, или скудость жителей, возвратился на квартиру, то моя хозяйка Нѣмка уже приготовила обѣдъ. Не зная объ этомъ, я только открылъ ротъ, чтобы спросить.... Fertig! fertig! сказала она, мигомъ накрыла столъ, и мы отобѣдали по-Нѣмецки, прославляя ее догадливость и доброхотство. Здѣсь квартируетъ Польскаго войска новоформирующійся Конно-Егерскій полкъ. Офицеры имѣютъ прекрасныхъ лошадей; одна вороная меня плѣнила, какъ молодая брюнетка.

На другой день я былъ догадливъ, и у доброхотной Нѣмки позавтракалъ хорошенько, а потомъ безстрашно пустился въ четырехъмильный путь; лошади попались мнѣ хорошія и я обогналъ своего Подполковника.

Уже земля начинала покрываться зеленью и деревья открывали свои почки. М. Клодава, куда мы пріѣхали для ночлега, хуже Кутно; но здѣсь Комендантомъ Маіоръ. Насъ съ колонновожатымъ поставили вмѣстѣ у Аптмана, или прикащика-Нѣмца, холоднаго политика. Комнаты у него были пусты и холодны; онъ потчасъ поподчивалъ насъ ячменнымъ кофеемъ и газетами. Европейскія вѣсти разглашали, что Наполеона приняли

Парижане съ восторгомъ; Генералы и офицеры присягали ему снова въ вѣрности; истуканъ его снова поставили на тріумфальную колонну Вандомской площади. Французскій Король скрылся въ Гентъ; но Франція окружена со всѣхъ сторонъ враждебными силами: Англичане въ Бельгіи, Лордъ Веллингтонъ въ Голландіи, Пруссаки заняли Люксембургъ, Кельнъ и Майнцъ. Вся Пруссія снова вооружается. Россійскую Гвардію ожидаютъ въ Любекъ черезъ море. Нашъ Императоръ поѣхалъ въ Прагу для смотра войскъ которыя въ концѣ Апрѣля должны проходить тамъ. Австрійцы всѣ на Рейнѣ. Союзники дали взаимное обязательство истребить Наполеона, и не принимать никакихъ переговоровъ, почитая его нарушителемъ правилъ общежитія и подвергая власти всѣхъ уголовныхъ мѣстъ, то есть: кто хотѣлъ, тотъ могъ убить Наполеона; но еще нашлись многія тысячи защитниковъ этого бича грѣшнаго рода человѣческаго.—Столько прекрасныхъ новостей, по мнѣнію нашего хозяина, конечно стоили обѣда; но молодой колонновожатый безпрестанно поглядывалъ въ окно, не пріѣхалъ-ли съ человѣкомъ его ключъ отъ ящика съ колбасами. Хозяинъ продолжалъ заговаривать насъ политикою; но узнавши, что мы пріѣхали расписывать

кварширы для войскъ цѣлой дивизіи, немножко оробѣлъ и пригоповилъ ужинъ. Жена у него довольно хороша и шакже довольно полна; но дочь шопорной работы, особенно когда стала играшь на коспочкахъ, по есшь на фортепьяно гусельнаго звука. Впрочемъ эша кварширa у холоднаго Нѣмца разогрѣлась, и сполько намъ понравилась, что мы расположились въ ней передневашь. Однако ошиблись въ хозяинѣ: онъ вовсе не Нѣмецъ, хотя и говорилъ по-Нѣмецки, а Полякъ, и служилъ 13 лѣшъ, до Капишанскаго чина, у славнаго Коспюшки.

Въ м. Коло заспали мы поспой новоформирующихся Польскихъ войскъ, а пошому намъ шремъ показали кварширу въ Бернардинскомъ монасшырѣ, гдѣ веселый панъ Викарій угосшилъ насъ по брашски. Сверхъ шого Жиды цѣлымъ кагаломъ принесли намъ индюка и пару бушылокъ Венгерскаго вина, въ даръ за шо, что Подполковникъ не посшавилъ къ нимъ пѣхошы Москалей; онъ на эшо имѣлъ свои причины, а они почли милосшію, происходящею ошъ насъ.

Въ Коло переправились мы черезъ р. Варшу. Дорога песчаная, черезъ лѣсъ. На эшапѣ Громбковѣ не нашли ни магазина, ни чиновниковъ для расписанія кварширъ. Ночевали въ господскомъ дворѣ. Хозяйка, хотя не весь-

ма достаточная, но услужливая, имѣла множество дѣтей; мужъ ея былъ въ Калишѣ.

Калишъ долго не видѣнъ; надобно подъѣхать подъ самый городъ, чтобы увидѣть его. Онъ расположенъ на долинѣ, при болотной рѣчкѣ Проснѣ. Городъ вдвое менѣе Плоцка, но въ немъ много каменныхъ домовъ, и на площади они въ три этажа. Это первый городъ пройденнаго нами пространства, похожій на заграничные Нѣмецкіе города. Здѣсь болѣе живетъ Пруссаковъ, нежели Поляковъ; Жидовъ весьма не много. Мы пріѣхали сюда въ Понедѣльникъ, на самый торгъ, или сельскій базаръ, гдѣ множество народа торговали курами, гусями, свиньями, горшками, и проч. Подполковникъ получилъ себѣ квартиру во второмъ этажѣ дома на площади; отсюда изъ оконъ мы съ колонновожатымъ любовались разными картинами и сценами базара. Въ полдень пошелъ дождь, и чистенькая мостовая покрылась грязью.

Здѣсь Корпусный Оберъ-Квартирмейстеръ, Полковникъ Ф***, жилъ десять дней, и перевелъ Громбковскій этапъ въ Пршесполевъ. М***, не знавши этого, послалъ со мною къ Подпрефекту грозный запросъ, какъ онъ смѣлъ не выѣхать къ нему въ Громбково и не приготовилъ тамъ вовсе ни магазина, ни

подводъ? Развязка была довольно комическая.

Въ Калишѣ я надѣялся много встрѣтишь хорошаго, и во многомъ обманулся. Во-первыхъ, надобно было мнѣ встрѣтишься съ своею ротою артиллеріи, гдѣ остались всѣ аттестаты о моемъ довольствіи, которыхъ Капитанъ прислать ко мнѣ не хотѣлъ: 24-я дивизія пошла не чрезъ Калишъ, а чрезъ Грабовъ, и мнѣ надобно было догнать роту въ Глогау, гдѣ предполагался общій смотръ нашему Корпусу войскъ отъ Фельдмаршала. Во-вторыхъ, я думалъ, что Оберъ-Квартирмейстеръ, Полковникъ Ф***, чѣмъ нибудь обрадуетъ меня за рекогносцировку Кобринскаго Уѣзда, и за рисовку большой карты Гродненской губерніи; но онъ сказалъ только, что Баронъ Дибичъ и Фельдмаршалъ весьма довольны картою, и надобно ожидать перваго дѣла съ непріятелемъ, чтобъ быть мнѣ переведеннымъ въ Свиту Его Величества по Квартирмейстерской части.

Калишъ очень не нравился моему Подполковнику; онъ даже сталъ постишься, чтобъ избѣгать трактирныхъ обѣдовъ. Я одобрялъ его намѣреніе и воздержность. Онъ мучился, часа три, сочиняя дислокацію съ пьянымъ, толстымъ Подпрефектомъ, который безпре-

валъ и садился, говоря: Mir ist es ganz ega! (для меня это все равно).

Моя квартира была у хлѣбника. Госпожа хлѣбница обѣщала приготовить обѣдъ, и я въ ожиданіи легъ спать; черезъ два часа проснулся, спросилъ: гдѣ обѣдъ? — и получилъ въ отвѣтъ: Noch nicht fertig! (еще не готовъ). Тогда я увидѣлъ разницу между этимъ фертигомъ и тѣмъ-же своимъ въ Кутно, отъ доброхотной Нѣмки. »Одной націи,« думалъ я, »да не одной матки дѣтки!« и съ досады пошелъ въ трактиръ.

Тутъ ушѣшили меня два Ихъ Мосця въ куншушахъ, съ закрученными усами. Они по реестру перебирали всѣ блюда, и наконецъ выборъ ихъ остановился на однѣхъ — *зразахъ* (*). Только за два злота они нашумѣли больше, нежели нашъ Гвардейскій Прапорщикъ за наполеондоръ въ Парижскомъ Café aux Mille colonnes.

Погода спала несносная: грибной дождь хуже ливня.

(*) Битое и завитое съ фаршемъ мясо, въ красномъ соусѣ.

ГЛАВА II.

ОТЪ КАЛИША ДО АЛЬТЕНБУРГА.

Островъ. — Познанскій округъ. — Равичъ. — Романическія картины. — Христосъ воскресъ! — Силезія. — Гурау. — Мѣсто поединка. — Глогау. — Театръ. — Заганъ. — Замокъ его. — Плясунъ. — Разговоръ женатаго съ холостымъ. — Венды. — Котбусъ. — Прогулка по кладбищу. — Пѣшій курьеръ. — Мильбергъ. — Путь за Эльбою. — Гримма. — Грозный шпіонъ. — Ночные трубачи. — Борна. — Пріѣздъ въ Альтенбургъ.

Мѣстечко Островъ, Калишскаго Воеводства, въ формѣ мѣстечко, маленькое, чистенькое, опрятное, правильное, какъ нашъ Свислочь; только разница въ томъ, что здѣсь всѣ домики снаружи оштукатуренные, бѣленькіе. Въѣзжая на площадь, я вспомнилъ Рейхенбахъ въ Силезіи, потому что и здѣсь увидѣлъ зеленый домъ, точно такой какъ тамъ, гдѣ квартировалъ нашъ Главнокомандующій. Сначала мнѣ показали квартиру въ шинкѣ, куда люди приходили покупать водку; но я потребовалъ другой, и поста-

вленъ былъ въ домъ старой прачки, которая, впрочемъ, оказалась весьма услужливою. При отъѣздѣ она поднесла мнѣ прекрасный душистый цвѣшокъ, съ желаніемъ благополучнаго пути.

14-го Апрѣля цѣлое утро занимались мы составленіемъ дислокаціи для своей дивизіи. Подполковникъ уже въ другой разъ сочиняетъ самъ потому, что досталъ себѣ подробную топографическую карту Польши, по которой весьма легко двигать и располагать войски. Колонновожатый заболѣлъ, и мнѣ должно было при Подполковникѣ быть переписчикомъ его дислокацій.

На ночь пріѣхали въ д. Сульмержицы, гдѣ не нашли для себя ни одного порядочнаго дома. Войтъ сказалъ намъ, что въ часъ Прусскій (во время Пруссаковъ) начали было строить здѣсь костелъ, но въ немъ теперь магазинъ.

Отъ Сульмержицъ отъѣхали двѣ мили до мѣст. Здуны, Познанскаго округа. Мѣстечко большое, кварширы хорошія. Познанскій округъ весьма разнится отъ Калишскаго: гдѣ больше Нѣмцевъ, тамъ все лучше, а гдѣ больше Жидовъ, тамъ все хуже.

На другой день проѣхали мы двѣ мили до Кобелина; ночевали въ пустой мызѣ и имѣ-

ли сельскую трапезу. Кажется, Познанскій и Бромбергскій округи лучшіе во всей Польшѣ, и Пруссаки весьма догадливы были, что при раздѣлѣ на Вѣнскомъ Конгрессѣ удержали ихъ за собою.

По мебели въ домѣ, по украшеніямъ въ комнатахъ, можно заключать о хозяинѣ, не видавши его. Наша комната въ пустомъ домѣ представляла родъ пещеры, и я сказалъ: Тутъ жилъ, конечно, задумчивый, уединенный старикъ.... »Нѣтъ, старуха! « отвѣчалъ дворникъ.

Отъ пустой мызы, гдѣ не было предметовъ ни для поэзіи, ни для живописи, мы съ Подполковникомъ поѣхали въ Равичъ. Четыре лошади *цугомъ*, управляемыя однимъ мальчикомъ, везли насъ очень лѣниво; онѣ прибавляли рыси иногда столько, когда, навостривъ уши, замѣчали впереди красныя крыши домовъ въ мѣстечкахъ Герхенъ и Сарновъ, черезъ которыя ихъ погоняли далѣе. Погода была прекрасная и весеннее солнце оживляло природу; земля уже ярко покрывалась зеленью, а деревья молодыми листьями. Чѣмъ далѣе, тѣмъ пріятнѣе: уже влѣво виднѣлась Силезія; вдали показывались вершины Исполинскихъ горъ.—Отъ мѣст. Здуны стали являться намъ во множествѣ вѣтреныя мѣльницы, которыя, махая безпрестанно крыльями, представля-

ли ужасную армію движущихся Донъ-Кихотовыхъ великановъ. При каждомъ мѣстечкѣ было отъ 30 до 70 мѣльницъ.

Городъ Равичъ кажется незначительнымъ потому, что въ окрестности много большихъ и хорошихъ деревень, которыя сливаются вмѣстѣ посредствомъ ивовыхъ аллей. Городъ окруженъ земляннымъ валомъ и рвомъ. Площадь обширнѣе, чѣмъ въ Калишѣ; около нея стоятъ хорошіе, хотя старые двухъ-этажные домы; всего ихъ въ городѣ до 600. Равичъ красивъ отъ правильности улицъ и кажется выстроенъ по плану. Кварширы у насъ хорошія; обѣды хотя порціонные, однако съ виномъ. Жители болѣе Пруссаки; Поляковъ не много. Комендантъ, почтенный, сѣдой Капитанъ Прусской службы, сдѣлалъ честь моему Подполковнику, явился къ нему и представилъ вѣстоваго. Онъ сказывалъ, что въ городѣ жители по политическимъ мнѣніямъ раздѣлены на двѣ партіи: Нѣмцы желаютъ остаться подъ Прусскимъ правительствомъ, а Поляки желаютъ независимаго Королевства; что онъ нѣсколькихъ патріотовъ уже послалъ въ Варшаву, перехвативши ихъ сношенія съ Французами; что Прусскія войски на Рейнѣ нетерпѣливо насъ ожидаютъ, какъ старыхъ товарищей побѣдъ и славы.

У иностранцевъ мы всегда болѣе видимъ странностей, нежели у себя; если-бы записывать все, что здѣсь встрѣчается, то въ два часа наблюденій можно-бы собрать цѣлый томъ романическихъ картинъ. Вотъ, напримѣръ, на этой площади три раскладныя лавочки, съ шесемками, нитками, ленточками. Сколько тутъ пестроты и разнообразія! У первой сидитъ молодая дѣвушка; съ нею шутитъ другая, еще моложе ея, румяная сестрица; сама лавочница кушаетъ что-то изъ маленькаго горшечка. Къ ней приходятъ то-же молодыя дѣвушки, одна другой лучше и опрятнѣе. Взявши моточекъ нитокъ, или аршинъ ленты, онѣ смѣются вмѣстѣ съ веселою лавочницею. Вотъ сама она подшучиваетъ надъ деревенскою старушкою, которая не знаетъ разсчета въ деньгахъ; но добрая лавочница не хочетъ пользоваться ея простотою, и толкуетъ ей сама, сколько слѣдуетъ сдачи. У второй лавочки сидитъ старая Нѣмка и мотаетъ нитки; у нея и старый товаръ, къ ней и приходятъ старыя. Вотъ уже часъ разговариваетъ съ нею другая старая пріятельница; при нихъ мальчикъ играетъ бумажкою, привязанною на нитку. Онъ бѣгаетъ съ нею взадъ и впередъ, часто по вѣтру, воображая также

много, какъ и мы теперь. Старухи любуются имъ. Но вотъ приходитъ мама его съ корзиною и останавливается. Мальчикъ поднялъ головку и смотритъ на корзину: ахъ! тамъ сладкіе крендели. »Мама купила для меня,« думалъ онъ, и получаетъ одинъ крендель; но этого мало, онъ еще смотритъ: что въ рукахъ у насъ, по наше, а намъ-бы все хотѣлось имѣть. Приходитъ еще старуха и беретъ крендель для другаго мальчика. Вотъ маленькіе соперники косятся другъ на друга, и хотѣли-бы такъ же подраться за крендели, какъ мы теперь за Европу; но послѣдній, видя грозную осанку перваго, ретируется. — Ахъ! бѣдная дѣвочка, съ корзинкою! она босикомъ: ея бѣлыя ножки едва могутъ переступать по холоднымъ камнямъ мостовой; ручки она прячетъ подъ фартукъ. »Милая блондиночка! что тебя заставило такъ мучиться?« сказалъ я про себя, и хотѣлъ-бы все, что̀ есть у нея въ корзинѣ, купить, только-бы она ходила въ башмачкахъ. Но, кажется, эта дѣвочка забываетъ суровость холода увидѣвши идущаго на встрѣчу къ ней, равныхъ съ нею лѣтъ, мальчика, конечно знакомаго, потому что онъ тащитъ за плечами ящикъ съ булками, которыми когда нибудь ее подчивалъ; или, можетъ быть, она увидѣла друга, потому

что они, остановясь, теперь такъ ласково разговариваютъ, и пошли тихонько вмѣстѣ. Дѣвочка смѣется и стучитъ рукою по карманчику, гдѣ бренчатъ гроши; она почти уже все продала; въ корзинкѣ не много чего осталось, и она уже намѣрена идти домой; но мальчикъ остался.—Вотъ третья лавочка. Въ ней сидитъ женщина среднихъ лѣтъ и, кажется, бѣдная; однако у нея свой кавалеръ. Горбатый Нѣмецъ, въ черномъ каршузѣ, въ замасленомъ камзолѣ и въ лосинной исподницѣ, очень мило забавляетъ ее; онъ тросточкою прикасается къ товарамъ, конечно сравнивая красоту ихъ съ ея красотою, или ушѣшаетъ ее—музыкою своего носа. Позади его сидитъ пудель съ перчаткою во рту, въ строгой субординаціи. Но вотъ Нѣмецъ взглянулъ нечаянно на мое окно, и рука съ платкомъ остановилась у его носа, и лукавый глазъ его изъ подъ каршуза смотритъ на меня — я хохочу.... »Пенёнзы! пенёнзы!« кричитъ мнѣ снизу сумасшедшій. — Сколько странностей въ Равичѣ!—сказалъ я, и кинулъ ему пять грошей. Но вотъ еще ползутъ мальчики въ голубыхъ огромныхъ шапкахъ; няня переноситъ младшаго черезъ канавку, а старшій, размахнувшись, самъ перепрыгнулъ. Они крѣпко держатся за руки, и тащатъ другъ друга

въ разныя стороны, чуть не падаютъ. . . . Сколько порхаетъ милыхъ, стройныхъ дѣвушекъ мимо меня! Даже простыя служанки, идущія съ кувшинами за водой, привлекательны свѣжестію своего румянца и ловкостію. Сегодня шабашъ, и Жиды въ сюртукахъ, въ круглыхъ шляпахъ, съ бородами, разгуливаютъ по улицѣ. Эту націю подъ всякою наружностію можно узнать: всегда каррикатуры. Жидовки одѣваются здѣсь иначе, противъ обыкновеннаго: вмѣсто жемчужныхъ наушниковъ, онѣ носятъ позолоченные, а вмѣсто красныхъ повязокъ на головной макушкѣ бѣлыя. Старыя Жидовки ходятъ въ капотахъ гороховаго цвѣта, а молоденькія въ бѣлыхъ шабашныхъ плащъ-ицахъ, которыя поддерживаютъ руками до колѣнъ, чтобы сберечь ихъ еще на тысячу шабашей.

Не занимательны-ли еще тѣ пятеро Испанцевъ, сидящихъ на крыльцѣ дома? Всѣ въ одинаковомъ костюмѣ: на нихъ коротkія епанчи кофейнаго цвѣта, круглыя шляпы; у нихъ длинныя трости и босыя ноги.—Что это за люди? спросилъ я.—»Это здѣшніе хлопы изъ дальнихъ весей!«. . . Не занимателенъ-ли также этотъ бюргеръ-капралъ Національной Гвардіи, въ цирюльничьемъ, до пятъ, сюртукѣ, ведущій на смѣну часоваго къ Комен-

данпской кварширѣ? Тутъ они стали другъ противъ друга. Часовые въ синихъ длинныхъ сюршукахъ и въ треугольныхъ шляпахъ, подвязанныхъ желтыми ремнями, при сабляхъ, одинъ другаго смѣняютъ, одинъ другому толкуютъ приказаніе, изъясняя то пальцами; другой кивнулъ головою, значитъ: s'gut! (хорошо), понялъ и сталъ на его мѣсто. Бюргеръ-капралъ повелъ синяго назадъ, къ рашгаузу. Тутъ, подъ высокими капшанами, стоитъ будка, стоятъ пустыя сошки для ружей; пришедшіе спрятали свои сабли въ ножны и скрылись въ двери. — Вотъ сколько картинъ въ нѣсколько минутъ!

Подо мною, въ нижнемъ этажѣ, будитъ шарманъ-катеринка и мѣшаетъ мнѣ спать. Національная Гвардія бьетъ зорю въ барабанное лукошко, по своему. Adieu, adieu! Всѣ съ площади разбѣгаются и спѣшатъ домой. Такъ во всемъ видна здѣсь жизнь; все движется, мыслитъ и говоритъ. Но есть страны, гдѣ все нѣмѣетъ, дурѣетъ и молчитъ! . . .

18-е Апрѣля. Христосъ воскресъ! Новое зрѣлище. Въ 4 часа утра громъ пушекъ возвѣстилъ Воскресеніе Христово, которое у Каѳоликовъ совершается двѣнадцатью днями прежде нежели у насъ. Барабанъ от-

билъ зорю, а въ 5 часовъ на рашушѣ заиграли шрубы съ липаврами. Восходящее солнце, бросая первые лучи свои на рашушу, позлащало ея вершину и музыкашовъ; на площади, мало по малу, спали являшься дѣйспвующія лица; черезъ часъ она наполнилась жишелями и пріѣзжими изъ деревень поселянами со всякими продукшами. Нѣмки-поселянки мило одѣваюшся: шапки или чепчики у нихъ плошно лежашъ на головѣ; шѣсныя кофшы и бѣлые фаршучки обшягиваюшъ спройный спанъ; въ рукахъ соломенныя шляпки съ голубымъ или краснымъ банпомъ.

Въ 9 часовъ я увидѣлъ въ коспелѣ множесшво народа, внимающаго громкой проповѣди Бернардинскаго ксенза о Воскресеніи Іисуса. Я пошелъ въ Люшеранскую кирху, но служба въ ней опошла; шогда и мнѣ надлежало идши къ Коменданшу, гдѣ былъ мой Подполковникъ. Здѣсь я разговѣлся по Каполически, хошя никогда не думалъ посшничашь.

Погода была прекрасная. Опъ Коменданша съ Подполковникомъ пошли мы прогуляшься вокругъ вала городскаго: каждый фасъ его длиною на полверспы. При въѣздѣ, на лѣво видны развалины древняго зàмка, принадле-

жащаго Графу Милецкому; со стороны сада онѣ представляютъ хорошую каршину.

Въ Равичѣ есшь суконная фабрика. Жишели, шри шреши Пруссаковъ, весьма досшаточны; большею часшію купцы или ремесленники. У нихъ есшь экипажи и хорошія лошади.

Какъ все весело здѣсь и мирно! На площади гуляюшъ скромно одѣшыя женщины, нарядныя дѣвушки, молодые ремесленники во фракахъ; между шѣмъ въ одномъ углу гудишъ шарманъ-кашеринка, передъ Комендантскою кварширою ревушъ шрубачи, а подъ рашушею спучишъ барабанное лукошко; но за шо нѣшъ ни качелей, ни красныхъ яичекъ, какъ у насъ въ благословенной Россіи.

Равичъ сшолько мнѣ понравился, чшо я пожаловалъ-бы его въ почешные города; онъ лучше Калиша.

Прощай Польша! Опъѣхавши опъ Равича пяшь верспъ, мы вспрѣшили передъ дер. Кенигсдорфъ чернаго Прусскаго орла. Въѣзжая въ Силезію и увидѣвши на лѣво синѣющіяся Исполинскія горы, я вспомнилъ о прошедшихъ пріяшносшяхъ въ эшомъ счасшливомъ краю, и предался душевной радосши. Я привѣшсшвовалъ Силезію, какъ сшараго друга, съ коширымъ долго не ви-

дался; съ удовольствіемъ глядѣлъ на кусты и деревья, на зеленыя поля, на опрятные домики, на добродушныхъ Нѣмцевъ и на милыхъ Нѣмочекъ. Здѣсь весна встрѣчала насъ въ полуобнаженной красотѣ: земля, хотя песчаная и мѣстами болотная, но трудолюбіемъ жителей обрабошанная уже, представляла живописные виды и манила къ будущему. Чѣмъ далѣе проѣзжали мы, тѣмъ болѣе являлось красотъ природы, возвышенныхъ искусствомъ: вездѣ дорожки съ аллеями молодыхъ ивъ; деревеньки прячутся въ сады, или за пригорки; красныя крыши на сельскихъ домахъ, или не рѣдко бѣлокаменныя палаты господскихъ мызъ, окруженныя тополями, и при нихъ вѣтреныя мѣльницы, заставляли невольно собою любоваться. По нимъ взоръ угадывалъ внутреннее благосостояніе, и сердце радовалось благоденствію человѣчества, и благодарная мысль стремилась къ Королю, благодѣтелю своего народа! Яркая зелень полей, журчащіе ручьи и шумящія листьями дерева, своимъ разнообразіемъ пищали воображеніе. А жаворонки?... Одинъ покушалъ и поднимается: онъ долго трепещетъ крыльями въ воздухѣ, разливая сладостную мелодію; другой кончаетъ пѣсню и спускается кушать, или гоняется за подругою. Такимъ образомъ,

въ первый день проѣзда черезъ Силезію отъ Равича до Гурау, три мили показались мнѣ за одну.

Гурау спрятался между садами; семьдесятъ двѣ мѣльницы передъ нимъ являютъ могучую стражу великановъ. Въ городѣ все живо и на военной ногѣ. На площади учились ландверы, и встрѣтили насъ ландверы. Чиновники приняли насъ съ удовольствіемъ, говорили съ пріятностію, и тотчасъ показали квартиры, гдѣ нашли мы доброе гостепріимство. Кажется, Русскій скорѣе можетъ подружиться съ Пруссакомъ, нежели со всякимъ другимъ Нѣмцемъ, особенно съ Австрійцемъ. Пруссаки, точно, грубы; но Фридрихъ Великій столько далъ имъ духа, что они и теперь исполнены національной гордости. Почитая Русскихъ, какъ близкихъ сосѣдей, вѣрнѣйшими союзниками, они къ намъ всегда привѣтливы.

Гурау менѣе Равича, однако имѣетъ до 400 домовъ. Примѣчательнѣйшее въ немъ зданіе Католическій древній костелъ, основанный еще при Польскомъ Королѣ Болеславѣ въ 966-мъ году по Р. Х., существуетъ 848 лѣтъ, и есть древнѣйшій изъ всѣхъ, основанныхъ Католиками въ Саксоніи, Баваріи и въ прочихъ Германскихъ

Княжествахъ. Отъ этого костела проведенъ прекрасный булеваръ къ церкви Благочестія (Frommenkirche), куда мы подъ вечеръ ходили съ паспоромъ. На право, не доходя церкви, являются роща и лугъ съ цвѣтами; на лѣво поле съ яркою зеленью. У рощи насъ встрѣтили соловьи; мы остановились на нѣсколько минутъ, и восхищались мелодіею дикой Филомелы. На холмѣ, передъ церковью, воздвигнута группа фигуръ, изсѣченныхъ изъ камня во весь ростъ: Марія Магдалина и Іоаннъ Крестителъ при распятіи Іисуса; отдѣлка выразительна, съ большимъ искуствомъ и правильностію. Погулявши вокругъ храма Благочестія и надышавшись весеннимъ воздухомъ, мы возвратились домой съ пріятными мыслями.

Прусскіе ландверы завтра выступаютъ въ походъ, и на прощанье долго ввечеру трубили и дудили. Музыка у нихъ высокотонная, а потому очень рѣзка для слуха; новоформирующіеся играютъ еще какъ неучи; только и есть одинъ хорошій трубачъ и кларнетистъ. Барабанную зорю они били по нашему.

На другой день поутру, съ Подполковникомъ ходили мы въ древній костелъ: онъ построенъ во имя св. Екатерины, которой изображеніе, изсѣченное изъ мрамора, стоитъ

надъ престоломъ. Строитель этого храма конечно помышлялъ болѣе о вѣчности: зданіе высоко, но узко, или сжато, и отъ того своды очень прочны и долговѣчны; за то въ цѣломъ нѣтъ величія и красоты.

Изъ Гурау выѣхали мы парадно, въ шезѣ, или въ почтовой коляскѣ, запряженной четырьмя лошадьми, изъ которыхъ три были долговязые Нѣмецкіе мерены, а четвертая Русская, маленькая, пузатая кобыла, которая насъ весьма забавляла; она одна, бѣдная, тянула за трехъ лѣнивыхъ товарищей своихъ Нѣмцевъ, которые, приложа уши назадъ, подъ тактъ бича плясали променадъ.

На пространствѣ четырехъ миль пути до Глогау, намъ представлялись разнообразныя картины. На первой милѣ видѣли мы часто большія, длинныя деревни, укутанныя зеленью садовъ, и между ними, иногда, красивыя мызы, осѣненныя высокими тополями. День отъ дня весна развивала болѣе своихъ прелестей; фруктовыя деревья, вишни, яблони, черешни, сливы, облитыя млечнымъ и розовымъ цвѣтомъ, разливали въ воздухѣ благоуханіе и обѣщали изобиліе плодовъ. На второй милѣ показались пески и сосны; на третьей колючія иглистыя дерева стали чаще, и пески тяжеле; деревни рѣдки, и то по нѣскольку домиковъ.

Однако и здѣсь трудолюбіе съ искусствомъ пересиливаютъ своенравіе природы: въ самомъ глубокомъ пескѣ посажены ивы и березки, которыя зеленѣютъ, и со временемъ составятъ рощи и аллеи.

Верстъ за десять до Глогау, при тяжелыхъ пескахъ, на право далеко простирается угрюмый сосновый лѣсъ, а на лѣво топкое болото отъ устья р. Баршчь, впадающей въ Одеръ. У дороги, на рубежѣ древней Польши и Силезіи, стоитъ домикъ; при немъ, изсѣченное изъ камня, на крестѣ распятіе Іисуса и два небольшіе камня, одинъ отъ другаго на близкій пистолетный выстрѣлъ. Это памятникъ двухъ соперниковъ въ любви, Поляка и Нѣмца, которые, пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, на поединкѣ здѣсь застрѣлили другъ друга. Какое мѣсто избрали несчастные! дикое, романическое, согласное съ пылкими чувствами ихъ и мрачностію мыслей. О любовь! До какого безумія доводишь ты иногда разумное существо!...

Мы долго ѣхали этимъ мрачнымъ лѣсомъ по тяжелому песку, погруженные въ мрачную думу. На послѣдней милѣ является опять равнина; но дорога идетъ по крутому берегу, надъ разливами р. Баршчь и Одера. На лѣво, по ту сторону, открывается

пріятнѣйшая, плодоносная долина Силезіи. Я не могъ налюбоваться разнообразіемъ прелестныхъ видовъ по берегамъ Одера. Въ предохраненіе отъ разлитія водъ, здѣсь выведена насыпная плотина до самой крѣпости Глогау. По правильнымъ изгибамъ этой плотины, я почелъ ее за репранпаментъ, и удивлялся, какъ можно такъ отдалять наружныя пристройки отъ крѣпости; но, разсмотрѣвъ хорошенько, узналъ свою ошибку. За четыре версты до Глогау ничего не открывается; подъ самою крѣпостью видѣнъ выженный форштатъ. При насъ, на разстояніи пушечнаго выстрѣла отъ крѣпости, чиновники размѣряли поле для новаго заселенія, къ чему уже и лѣсъ былъ свезенъ. Отъ моста, при самой крѣпости, выженъ ближайшій домъ, и костелъ израненъ нашими ядрами. Въ одной улицѣ, на выѣздѣ къ Бреславлю, и теперь есть большое черное ядро, которое вбилось до половины въ самый уголъ дома; на немъ бѣлая надпись: 1806 года 11-го Декабря.

Глогау, старый, обширный городъ, окруженъ правильною крѣпостью Вобановой системы: ее можно взять не иначе, какъ траншеями съ осадною артиллеріею, *или Голландскими червонцами*, или тѣсною и продолжительною блокадою. Улицы узкія, домы вы-

сокіе, почернѣвшіе, тяжелой архитекшуры. Въ гарнизонѣ при насъ было 3,000 ландверовъ. Здѣсь военное депо, а пошому съ шрудомъ добились мы до кварширъ. Въ молодыхъ ландверахъ много живосши и воинскаго духа: эшо не Пензенскіе и не Вяшскіе кацапы, а Ярославскіе молодцы. Передъ нами ландверы сшановяшся во фронш, снимаюшъ шапки, и для Подполковника на гаушвахшѣ кричашъ: heraus! — Какъ военные, шакъ и обывашели, оказываюшъ намъ опличное уваженіе.

Вошъ пришли городскіе чиновники: молодой Ландрашъ съ генеральскими серебряными эполешами, и при немъ два секрешаря. Но за расписаніемъ кварширъ не много было у насъ работы; мы скоро опдѣлались и разошлись по кварширамъ.

Въ шеашрѣ, для сшараго города играли и сшарую оперу: *Іеронимусъ Кникеръ*. Въ ней молодой племянникъ съ племянницею обманываюшъ скупаго опекуна, прельспивши его фальшивымъ кладомъ. Пьеса и музыка очень проспы. Акшеры порядочные, полько для комедій: пѣли почши безъ голоса; сверхъ шого они слишкомъ мажушся румянами и сажею, и часпо оборачиваюпся къ зришелямъ спиною, за недосшашкомъ лучшихъ панпомимъ. Впрочемъ, я былъ доволенъ и посредспвенною

музыкою и сценою, которыхъ давно не видалъ. Театръ тѣсенъ и, кажется, не помѣщаетъ въ себѣ болѣе пяти сотъ зрителей. За первое мѣсто платится три злотыхъ, или 45 коп. серебромъ. Это уже слишкомъ дешево; но и тутъ мало было зрителей.

Нейштетель, старое мѣстечко, на дурной, песчаной землѣ; однако въ немъ довольно садовъ, и поля вокругъ обрабошаны. Оно стоитъ на долинѣ, при окончаніи отрасли высотъ, идущихъ отъ Исполинскихъ горъ. За 4 версты до мѣстечка, есть гора, съ которой видны не только Глогау, но и Фраустатъ, Нейзальцъ, Фрейбергъ, и проч. — Весна даритъ насъ теперь многими пріятностями.

Отъ Нейштетеля до Загана 28 верстъ; путь весьма дурной, по пескамъ и камнямъ, черезъ угрюмые лѣса и пустыри. На дурномъ крестьянскомъ форштанѣ меня такъ растрясло, что голова заболѣла.

Мы съ Подполковникомъ вошли въ Заганъ пѣшкомъ, и встрѣтили много народа, выходившаго изъ кирхи. Сегодня у нихъ Вознесеніе. Бабы одѣты какъ можно пестрѣе: юпки широкополосныя, передники бѣлые, кофты разноцвѣтныя, шеи прикрыты платками, а на головахъ чернобархатные кокошники: одна дама была одѣта сизой букаш-

кою, другая Божіей коровкою, а третья шпанской мухою; Нѣмцы-же ползли, какъ жуки, въ шемносинихъ кафшанахъ. Квартиры намъ отвели лучшія въ городѣ. Мнѣ досталось стать въ домѣ Аптекаря, гдѣ прислуживала за столомъ довольно привлекательная дѣвушка.

Городъ не малъ, но строенія въ немъ ветхи и площадь тѣсная; домы окрашены разноцвѣтными красками: одинъ синій, другой розовый, третій желтый, при чемъ ставни и корнизы черные или зеленые. Городъ древній, и весьма похожъ на Бунцлау; но преимущественно отличаетъ его замокъ бывшаго Герцога Курляндскаго Бирона, принадлежащій нынѣ внучкѣ его, которая за мужемъ за Герцогомъ Роганомъ, служащимъ при Вѣнскомъ Дворѣ. Замокъ, положеніемъ, величиною и фигурою своею, похожъ на Радзивиловскій, въ Несвижѣ; только безъ землянаго вала, а окруженъ однимъ широкимъ рвомъ. Во внутренность замка насъ не впустили; за то мы погуляли въ саду. Надъ самою рѣкою Боберомъ стоитъ красивая оранжерея; далѣе очень красивые виды при мѣльницѣ и на противоположномъ берегу при фермѣ. Въ оранжереѣ нашли мы довольно иностранныхъ деревъ, изъ которыхъ особенно рекомендовалъ намъ садовникъ: Lebensbaum и Lerchen-

baum. — Время уже склонялось къ вечеру, и въ саду гуляло много миленькихъ Нѣмочекъ съ ласковыми взорами и улыбками. Однимъ словомъ, въ Заганскомъ саду весна, въ полнотѣ развившихся прелестей своихъ, восхитила меня чрезвычайно. Завидуя счастію владѣльца, не вкушающаго этихъ благъ природы, я нѐ-хотя разстался съ ними.

Мы въ Заганѣ передневали. Танцмейстеръ на канатѣ, Геръ Маркъ, посреди площади удивилъ меня своимъ искуствомъ. Этотъ отчаянный, сильный эквилибристъ прыгалъ на канатѣ съ шестомъ и безъ шеста, какъ манежная лошадь; привязывалъ къ ногамъ корзины, острыя сабли остріями вверхъ, и съ ними танцовалъ; потомъ поставилъ на канатѣ стулъ, сѣлъ на него, поставилъ на канатѣ-же передъ собою столъ, бутылку съ виномъ, наливалъ въ стаканъ, и пилъ за здоровье почтенной публики, собравшейся на площадь къ нему съ цѣлаго города. Онъ взлѣзъ между двумя столбами на канатъ, и тамъ вертѣлся, какъ голубь, или качался головою внизъ, уцѣпившись одной ногой за канатъ, и повиснувъ игралъ на трубѣ. Когда онъ висѣлъ въ такомъ положеніи и бросилъ трубу, то сверху спустился на него сынъ его, лѣтъ шести мальчикъ, ко-

шораго онъ сажалъ на другую свободную ногу, и бралъ на руки; наконецъ взялъ его за ногу, и шакимъ образомъ оба они, головами внизъ, качались шакъ долго, что зрители ахали и кричали, опасаясь чтобы они оба не сорвались съ ужасной высоты и не разможжили себѣ головы о мостовую; но сильный Геръ Маркъ вскарабкалъ сперва сына на канатъ, а потомъ самъ, согнувшись, какъ змѣй, пустилъ ноги, и уцѣпившись на лету руками за веревку, сдѣлалъ послѣдній отчаянный вольтъ на воздухѣ.... Между шѣмъ, какъ я смотрѣлъ на него, содрагаясь сердцемъ, мадамъ, его супруга, въ черномъ плашьѣ, тихонько подошла ко мнѣ съ шарелкою, наполненною деньгами, къ которымъ я охотно приложилъ своихъ два гульдена. — До чего не доводитъ нужда! Какими отчаянными средствами человѣкъ снискиваетъ себѣ пропитаніе!

За милю отъ Загана кончается благословенная Силезія и начинается безплодная часть Саксоніи. Мы проѣхали болѣе тридцати верстъ до м. Трибеля, по дурной дорогѣ. Мѣстоположеніе некрасивое, земля неблагодарная, и жители бѣднѣе нежели въ Силезіи. Въ селеніяхъ деревянныя хижины похожи на наши Литовскія. На половинѣ

пути проѣхали мы чрезъ городъ Зорау; тутъ видѣли Прусскихъ ландверовъ и Саксонскую милицію.

Трибель хуже Зорау. Насъ приняли здѣсь уже не съ такимъ доброхотствомъ, какъ въ Силезіи, но болѣе со страхомъ и недовѣрчивостію.

Между занятіями по службѣ, мы съ Подполковникомъ часто бесѣдуемъ о прошедшемъ, или философствуемъ о настоящемъ. Онъ восхищенъ своимъ семействомъ, съ которымъ недавно разстался въ Бѣлостокѣ, и не можетъ нахвалиться добрымъ согласіемъ съ супругою. Сегодня, разсматривая на стѣнахъ картины въ его квартирѣ, я замѣтилъ на одной миленькое личико женское, и сказалъ: »Посмотрите, какъ это похоже на вашу Генріетту!« Онъ вдругъ обернулся, какъ будто думая видѣть ее передъ собой, и, замѣтивъ шутку, сказалъ мнѣ: »Какъ можно такъ шутить и часто напоминать!« — Развѣ вы хотите забыть ее? — »Вы еще не знаете, что жена не такая вещь, которою можно столько шутить: это другъ единственный. То-то и есть: худо не знать, что̀ значитъ быть женатымъ. Вотъ посмотримъ на васъ, когда вы женитесь.« —О, я никогда не женюсь!

*

—»Почему такъ?«—Что̀ можетъ быть пріятнѣе холостой жизни! Супружество, по моему мнѣнію, тяжкій плѣнъ, въ которомъ надобно много терпѣть отъ своенравія жены, чтобъ жить съ нею въ согласіи; особливо если, по несчастію, случится сдѣлать ошибку въ выборѣ!.. Я скорѣе-бы застрѣлился, нежели захотѣлъ жить съ злою, ревнивою, упрямою женою. Правду сказалъ одинъ мудрецъ: кто выдумалъ сочетаться неразрывными узами брака, тотъ нашелъ весьма хорошее средство мстить роду человѣческому. Женишься разсудительному человѣку на дурѣ, или глупцу на умницѣ, значитъ связаться живому съ мертвымъ. Что можетъ быть мучительнѣе для человѣка, влачить цѣлую жизнь съ такимъ мертвецомъ! Женитьба останавливаетъ стремленіе великихъ умовъ, если только мужъ слишкомъ привяжется къ своей дражайшей половинѣ и будетъ имѣть болѣе склонности къ чувственнымъ наслажденіямъ, нежели къ умственнымъ занятіямъ; при томъ дѣти, домашнія заботы, умноженіе семейства, слишкомъ отвлекаютъ его отъ существеннѣйшей пользы для наукъ и философіи. Самсонъ чуть не потерялъ головы отъ того, что позволилъ остричь себѣ волосы любимой женѣ, уснувши на ея колѣнахъ;

Соломонъ потерялъ премудрость отъ того, что имѣлъ 300 женъ и 700 наложницъ; Антоній потерялъ Имперію для Клеопатры; Генрихъ VII, Король Англійскій, всегда мучимый ревностію, отъ семи женъ былъ тираномъ; нѣкоторые строгіе судіи нарушали справедливость, и кривили душой въ угодность своимъ милымъ женамъ. Женатый воинъ, почти не воинъ; онъ не вдается въ опасность, потому что въ мысляхъ и въ сердцѣ у него жена и дѣти; отъ того великіе воины, покорившіе родъ человѣческій, никогда не были женаты, такъ-же какъ и философы, просвѣтившіе міръ. Наконецъ, вы, Подполковникъ, согласитесь со мной, что изъ тысячи женатыхъ, едва-ли найдется десять въ совершенномъ согласіи, безъ своенравія со стороны жены или мужа, безъ ссоры между ними, довольныхъ всегда другъ другомъ, и такихъ, которые-бы сказали: мы совершенно счастливы! — »Вы мнѣ прочли цѣлую проповѣдь, на которую я, какъ женатый, могу отвѣчать только, что супружество есть законъ природы: для него человѣкъ родится и безъ него онъ не могъ-бы существовать. Вы меня понимаете?« — Да, то есть, если-бы мой батюшка не женился на матушкѣ, то мнѣ-бы не имѣть удовольствія теперь бесѣдо-

ваши съ вами? — »Ну, то-то. Вотъ первое и необходимое условіе, для котораго человѣку непремѣнно надобно женишься. Но чтобы не сдѣлать ошибки въ выборѣ, или вмѣсто жены не взять мертвеца, какъ вы говорите, то не надобно слѣдовать сердечной страсти, или, лучше сказать, не женишься въ молодыхъ лѣтахъ, то есть до тридцати лѣтъ, когда еще чувственность имѣетъ перевѣсъ надъ разсудкомъ; во-первыхъ потому, что слишкомъ молодые супруги, какъ дѣти, могутъ скорѣе поссорится и разлюбить другъ друга; во-вторыхъ чтобы выбрать себѣ невѣсту, сколько можно равнаго съ своимъ состоянія и образованія; иначе, если жена будетъ знатнѣе, богаче и образованнѣе, то она скоро станетъ презирать васъ, своевольничать, и какъ уже не вы будете главою въ домѣ, то и ни какого порядка въ немъ не будетъ. Тогда самолюбіе ваше не переживетъ огорченія, если вы, не имѣя своего куска хлѣба, позволите ей принимать любовниковъ, а сами будете носить только имя мужа-дворецкаго.« — Я бы скорѣе удушилъ ее, нежели позволилъ это. — »Ну, да, такъ говорится для примѣра. Наконецъ не надобно прельщаться, слѣпо, мнимыми достоинствами дѣвушки. Этого

мало, что она хорошо выправлена, какъ ваши солдаты, ходишъ какъ пляшешъ, лепечешъ по-сорочьи, разыгрываешъ концертъ на фортепіано и по молвѣ имѣешъ наличныхъ тысячь сто; этого мало, говорю вамъ, чтобъ имѣть истиннаго друга, добрую жену. Со всѣми этими достоинствами можно навязать себѣ мертвеца. Образованныя дѣвушки всѣ кажутся миленькими, добренькими, ангелами, когда взорами и вздохами обворожаютъ васъ; но чтобы узнать ихъ будущій характеръ — взгляните на батюшку и матушку. Если батюшка мотъ, картежникъ, несчастный прожектёръ, бездушный откупщикъ, безсовѣстный скряга, а матушка ханжа, щеголиха, кокетка, имѣетъ обожателей, посѣщаетъ часто театры и часто даетъ оплеухи дѣвкамъ, то—бѣгите опрометью отъ обворожающаго васъ ангела, потому что всѣ достоинства батюшки и матушки напечатлѣваются неизгладимо въ дѣткахъ, вкореняются въ нихъ съ привычкою, и развиваются послѣ, со зрѣлостію возраста. Еще правило: при женитьбѣ не слишкомъ полагайтесь на молву о приданомъ, которое растетъ, какъ безсрочный капиталъ на процентахъ, но при повѣркѣ не оказывается въ наличности; а потому гораздо лучше имѣть въ запасѣ

свои проценты, или жениться по условію. « —Покорно васъ благодарю за наставленія; но вы столько представили мнѣ затрудненій къ женитьбѣ, что я точно никогда ихъ не преодолѣю.—» Это говорится только для примѣра, чтобы вы, какъ молодой человѣкъ, когда нибудь не обожглись. Историческіе примѣры ваши довольно убѣдительны: не надобно поддаваться сладострастію; но почему вовсе не жениться? Вы говорите, что великіе воины и Философы ни когда не были женаты. Это не потому, чтобы они не хотѣли жениться: рѣдкій изъ нихъ не имѣлъ у себя любовницы; но имъ нѣкогда было этимъ заниматься: воинъ всегда въ полѣ, подъ шапромъ, а Философъ въ кабинетѣ за книгами. Это значитъ однако, что у нихъ честолюбіе, или страсть къ наукамъ, превозмогали склонность къ сладострастію. — Но счастливыя супружества? — На это я вамъ скажу вашими словами: изъ тысячи молодыхъ супруговъ, едва-ли найдется десять, которые въ первые дни своего блаженства сказали-бы, что они несчастливы; а что послѣ случается, то это зависитъ болѣе отъ постороннихъ обстоятельствъ, нежели отъ нихъ самихъ. Но и тутъ благоразуміе, или необходимость заставитъ уважать слабости, снисходить

взаимно недостаткамъ, уступать другъ другу, и тѣмъ сохранишь согласіе для мирной и спокойной жизни. Дѣти тутъ не почитаются бременемъ; они, напротивъ, услаждаютъ иногда скучное одиночество брачныхъ и служатъ къ утвержденію и продолженію благополучнаго союза. Вотъ, какъ сами женитесь, такъ все узнаете. «—Я убѣждаюсь вашими истинами; но еще не хочу женишься, дорожу свободою и занятіями; желаю, чтобы они доставили мнѣ болѣе средствъ, или возможности послѣдовать, подобно вамъ, закону природы. — »Ну, это такъ говорится; я то-же думалъ прежде! «

Въ пяти верстахъ отъ Трибеля переѣхали мы р. Нейссе; она не широка, только при разливѣ водъ берега ея очень топки. До Котбуса, четыре мили, дорога песчаная идетъ черезъ угрюмый, сосновый лѣсъ. Жители Венды говорятъ по-Славянски, и довольно бѣдны; домы строятъ деревянными срубами, точно какъ у насъ въ полѣсьяхъ; а потому, проѣзжая здѣсь, мы думали, что волшебнымъ образомъ перенеслись въ Литву. На половинѣ пути нашъ погонщикъ сбился съ дороги; одинъ крестьянинъ, узнавши, что мы Русскіе, сталъ говорить

съ нами роднымъ языкомъ, и добровольно прошелъ нѣсколько верстъ лишнихъ, чтобъ вывести на настоящій путь.

Котбусъ большой, старый городъ, обширнѣе Альтенбурга, которому подобенъ какъ формою Готическихъ, тяжелыхъ зданій, такъ и древностію; онъ принадлежитъ Герцогству Ней-Маркскому. Стѣна вокругъ города красная, со многими башнями и широкимъ рвомъ; окружность его съ небольшимъ двѣ версты; за тѣмъ форштаты обширные. Въ городѣ есть нѣсколько суконныхъ фабрикъ. Передъ нимъ протекаетъ р. Шпре, не широкая, но быстрая; она отдѣляетъ восточное предмѣстіе отъ города; по набережной ея весьма пріятная прогулка. Я любовался рыбками, которыя часто прыгали изъ воды и блестѣли какъ искры. По ту сторону рѣки, въ садахъ предмѣстія, видны были бесѣдки, и въ нихъ сидѣли женскія пріятныя фигуры; лодки съ молодыми пловцами быстро переносились съ одного берега на другой; мальчики съ удочками бродили по колѣни около берега. Рѣка, кажется, незначительна, но мостъ очень высокъ. Городъ, по опредѣленію Вѣнскаго Конгресса, принадлежитъ Пруссакамъ; тутъ ихъ цѣлый батальонъ. Мнѣ, во время прогулки, встрѣчались дѣ-

вушки все старообразныя, и даже нѣтъ у нихъ обычайнаго въ одеждѣ опрятства. Простыя женщины носятъ коротнкія, до колѣнъ, черныя юпки со множествомъ складокъ, передники и кофты съ гусарскою шнуровкою; рукава съ манжетами только до локтей, а на головѣ бѣлыя, низкія шапки или кокошники.

По дурной и скучной дорогѣ, черезъ три мили пріѣхали мы въ гор. Куплау, Нижняго Лаузица. Я не могъ ничего замѣтишь здѣсь любопытнаго. Въ полночь обезпокоила насъ нескладная музыка и разноголосные пѣвчіе какой-то свадьбы.

Потомъ, черезъ $3\frac{1}{2}$ мили, пріѣхали въ м. Добрилюкъ; дѣйствительно добрый лугъ, или лучшая часть Вандальской земли, которую мы проѣзжали отъ Загана. Въ мѣстечкѣ одна широкая улица съ булеваромъ; при выѣздѣ, вправо, стоитъ старый замокъ, а влѣво кладбище.

Ввечеру, съ Подполковникомъ пошли мы прогуляться къ замку; потомъ я звалъ его на кладбище; но какъ уже смеркалось, то онъ не захотѣлъ идти со мной, отговариваясь тѣмъ, что не должно будить мертвыхъ приходомъ не во время.—А я пойду!—

» Ну, смотри, чтобъ не выскочилъ изъ могилы безносый вампиръ и не укусилъ тебя. « — Они только тѣхъ пугаютъ и кусаютъ, кто ихъ боится. — » Вотъ какой смѣльчакъ! Ну, поди, поди; только не дальше ограды. «—Я буду на могилахъ и принесу вамъ голову мертвеца, если найду, или что другое въ доказательство. — Подполковникъ смѣялся и не хотѣлъ вѣрить, чтобы я въ сумерки пошелъ прогуляться одинъ по обширному кладбищу. Мое самолюбіе было тронуто; но вызвавшись добровольно, надлежало исполнить обѣщаніе. — Я вступилъ въ мирную обитель отшедшихъ гостей живаго міра, вступилъ безъ страха и предразсудковъ, съ нѣкоторымъ благоговѣніемъ; только вспомнилъ разные анекдоты о разбойникахъ и змѣяхъ, гнѣздящихся въ подобныхъ мѣстахъ, и сталъ осторожнѣе осматриваться. Надгробные камни и кресты были такъ-же мертвы, какъ кости умершихъ, которыя кой-гдѣ валялись подлѣ разрушенныхъ могилъ; но головы или руки я не могъ отыскать, чтобы взять съ собою и потому старался, при изчезавшемъ свѣтѣ разобрать надгробныя надписи. Слѣдующая, отчаяннаго отца на кончину его дочерей:

Ich liebte sie mehr wie dich,
O Gott! Du liebtest sie mehr wie ich;
Drum nahmst du mir sie (1).

Вотъ послѣднія слова Христіанина:

Iesus hier! Iesus dort!
Und Iesus sey mein letztes Wort! (2).

Вотъ эпитафія наскучившаго жизнію:

Ich bange mich dem Tod, nicht,
Drum bin ich des Lebens satt (3).

Или желающаго царства небеснаго:

Ich sehne mich nach Sterben,
Und will den Himmel erben (4).

Или гласъ самого Бога:

Lasst die Kinderlein zu mir kommen,
Und wehret sie nicht (5).

Наконецъ эпитафія отчаяннаго:

Nur lauter Mühe und Sorgen,
Nur lauter Gram und Noth,

---

(1) Я любилъ ихъ, больше чѣмъ Тебя, о Боже! Ты любилъ ихъ больше чѣмъ я, а потому и взялъ Ты ихъ отъ меня.

(2) Іисусъ здѣсь! Іисусъ тамъ! Да будетъ послѣднимъ моимъ словомъ Іисусъ!

(3) Я не робѣю смерти, такъ полно жить!

(4) Я желаю умереть и наслѣдовать небо!

(5) Пустите дѣтей ко мнѣ, и не задерживайте ихъ!

Den Abend als den Morgen;
Drum lasst mir lieber Tod! (6).

Списавши карандашемъ въ бумажникъ эпитафіи, я принесъ ихъ къ Подполковнику, который едва повѣрилъ, что онѣ были взяты мною съ кладбища.

Теперь мы на Эльбѣ, въ м. Мильбергѣ, которое отъ Торгау за три мили, отъ Мейссена за четыре. Земля здѣсь немного лучше, однако безплодна. Нижняя Саксонія не хороша; Верхній Лаузицъ есть лучшая часть ея.

При выѣздѣ изъ м. Добрилюкъ провожалъ насъ пѣшій курьеръ съ эстафетою, посланный въ Эльстерверду, четыре мили. Онъ былъ одѣтъ весьма легко, въ куртκѣ, съ обнаженными до колѣнъ ногами, съ сумкою на шеѣ, и въ рукѣ держалъ дубинку; человѣкъ былъ немолодой, сухощавый, веселый. Покуда мы ѣхали рысью, онъ не отставалъ отъ насъ, и на бѣгу разговаривалъ весьма свободно. На вопросъ: не трудно-ли ему это? Отвѣчалъ: Alles kommt von Gewohnheit! (все дѣлается отъ привычки).

---

(6) Все труды и заботы,
Все скорбь и нужда,
Съ утра до вечера;
Такъ дайте лучше умереть!

Мильбергъ небольшое мѣстечко. Эльба здѣсь не шире 60 сажень и сильно подмываетъ правый берегъ, такъ что черезъ нѣсколько лѣтъ должна будетъ перемѣнить свое теченіе; она уже поглотила увеселительный домикъ паспора и обрушила набережную дорогу. Я съ удовольствіемъ освѣжился въ ея волнахъ. Здѣсь весьма удобно дѣлать военную переправу съ праваго берега на лѣвый, потому что первый возвышенъ и закрытъ, а второй низокъ и открытъ. Въ запрошломъ году, говорятъ, Блюхеръ намѣревался здѣсь переправить Силезскую армію, но это былъ ложный слухъ: тогда крѣпость Торгау раздѣлила бы его отъ арміи Кронпринца Шведскаго, съ которымъ онъ искалъ соединенія.

Отъѣзжая отъ Мильберга, по лѣвую сторону Эльбы, мы встрѣчали лучшіе виды и плодороднѣйшую землю. Здѣсь начинаются возвышенія, пересѣкаемыя рѣчками, съ пріятными долинами, по которымъ разстилаются многолюдныя и богатыя деревни, большею частію съ каменными домами, садами, и съ обширными хозяйственными пристройками.

Въ трехъ верстахъ отъ Эльбы переѣхали прежнее русло ея, отъ котораго она безпрестанно отдаляется, подмывая пра-

вый берегъ; со временемъ она снесетъ весь Мильбергъ и прорвется на безплодную землю, которую мы проѣхали. Она оставляетъ на своемъ мѣстѣ плодоносный илъ, отъ котораго, какъ можно было замѣтить, являются хорошіе луга для пастьбища, разсѣявается молодой лѣсокъ и раждается болѣе живости. По этому, для оплодотворенія дурной земли, хорошо было-бы иногда искуственнымъ образомъ перемѣнять теченіе рѣкъ.

Въ нынѣшнемъ году военное путешествіе для меня гораздо пріятнѣе, нежели въ прошедшихъ. Тогда я большею частію тащился пѣшкомъ, съ своею артиллеріею, и былъ много озабоченъ службой; а теперь разъѣзжаю на форшпанахъ, или въ шезахъ, получаю на просторѣ вездѣ лучшія квартиры, гдѣ кормятъ и поятъ хорошо. Составленіе дислокацій для насъ не стоитъ труда, потому что Корпусный Оберъ-Квартирмейстеръ присылаетъ ихъ къ намъ готовыя; мы только переписываемъ и отсылаемъ въ полки.

1-е Мая, или первый день Русской весны; но она здѣсь двѣнадцатью днями ушла впередъ, такъ что завтра уже св. Троица, которую сегодня на рашушѣ, въ г.

Ошацѣ, встрѣчали при захожденіи солнца музыкою.

Ошацъ былъ когда-то хорошій городъ, что̀ можно видѣть по высокимъ, каменнымъ, отъ древности почернѣвшимъ домамъ. Онъ не менѣе Герлица; имѣетъ вокругъ двойную, полуразвалившуюся каменную стѣну, окруженную тополевымъ булеваромъ; стоитъ на возвышеніи, и теряетъ много отъ того, что нѣтъ при немъ хорошей воды, или рѣки.

Что за прелестныя мѣста около Гриммы! Вотъ тутъ-бы встрѣчать весну. Крутые берега Мульды представляютъ разнообразные ландшафты. На одной *Пивной горкѣ* (Bierberg), между зеленью, стоитъ храмъ, и въ немъ — пиво! Это луспгаузъ, или увеселительное мѣсто Гриммайской публики; здѣсь, каждое Воскресенье, или каждый праздникъ скрипитъ Lieber Augustchn, и Нѣмцы, подъ его очаровательный звукъ, представляютъ въ тихомъ вальсѣ perpetuum mobile; между тѣмъ поклонники пивнаго божества обильно наливаются хмѣльнымъ некшаромъ. Какое блаженство для Нѣмца, который можетъ свободно отъ glas Bier (стакана пива) перейдти къ Pfeif-tobac (трубкѣ табаку), и съ нею пройдти нѣсколь-

ко круговъ Walz-langsam (тихій вальсъ), по грошу за шуръ! . .

Городъ Гримма лежитъ спрятавшись въ садахъ, какъ во Франціи Линьи. Квартира у насъ съ Подполковникомъ была общая, самая лучшая въ городѣ, у богатаго купца, меблированная отлично. Здѣсь нашелъ я хорошія картины: Шафгаузенскій водопадъ, лунную ночь и Рамберговы эстампы изъ повѣстей Виланда. Намъ рекомендовались прелестнымъ книксеномъ толстая купчиха, хозяйка дома, и дочь ея съ плутовскими глазками. Она показывала намъ, по приказанію мамушки, свою работу, шелками, бисеромъ; она-же охотница была пѣть, подъ звуки фортепьяно. Хозяинъ съ хозяйкою охотники были говорить, а двѣ шавки при нихъ охотницы лаять. И такъ съ первымъ появленіемъ нашимъ въ домѣ почтеннаго Гриммайскаго купца, открылись таланты цѣлаго семейства. Обѣдъ былъ столько-же обиленъ кушаньями, какъ словоохотенъ былъ хозяинъ, и продолжался около трехъ часовъ. Меня забавляли политическія сужденія толстой купчихи, министерская важность хозяина, и патріотическая ревность моего Подполковника, который, съ безпрерывнымъ своимъ überchaupt, горячо вступался за каждое подозрительное

для него слово; между шѣмъ самъ я не пропускалъ случая вести пріятную бесѣду съ глазками хозяйской дочери, которой взоры, то быстрые или томные, то открытые или косвенные, то пламенные или холодные, были для меня гораздо краснорѣчивѣе всякихъ словесныхъ объясненій. Мой Подполковникъ, замѣчая въ компаніи или въ семействѣ купца какое-то нерасположеніе, или политическое неравновѣсіе въ пользу союзныхъ Державъ, объявилъ, хотя и аллегорически, что въ Гриммѣ есть два шпіона въ военной униформѣ, такой-же какая у него (показывая на сюрпукъ свой), которые узнаютъ мнѣніе жителей, въ пользу Французовъ расположенныхъ, танцуютъ въ луспгаузахъ, пьютъ пиво, какъ настоящіе Саксонцы, и что эти шпіоны особенно замѣчаютъ людей, прославляющихъ Наполеона, раззорившаго Москву. Потомъ, когда въ подтвержденіе своихъ аргументовъ спалъ онъ грозно стучать пальцемъ по столу и обѣщать Саксоніи новыя бѣдствія и пошери, то не только столъ, но и вся купеческая фамилія и двѣ шафки подъ столомъ пришли въ движеніе. Всѣ присутствовавшіе съ испугомъ встали изъ за стола, и угадавши знаменитаго шпіона, начали

къ нему ласкаться: кто бралъ его за руку, кто за плечо, кто за сюртукъ, съ ласковыми привѣтствіями: Verzeihen Sie, Herr Obrist! das ist nur Spass! (извините, Г. Полковникъ! это просто шутка).

Почти въ цѣлой Германіи есть обычай, въ предосторожность отъ пожаровъ и воровъ, пускать по ночамъ безпрерывный дозоръ по всѣмъ улицамъ города. Пожилой Нѣмецъ, спрадающій безсонницею, вооруженный дубиною, рогомъ, или трубою, или дудочками, ходитъ цѣлую ночь по своему кварталу во всѣхъ переулкахъ, и каждый часъ, пробитый звонко на ратушѣ другимъ безсоннымъ часовымъ, онъ на каждомъ перекресткѣ протрубитъ въ рогъ, потомъ прокричитъ: сколько часовъ пробило, споетъ козлиную арію, или посвиститъ на дудочкѣ, и пожелаетъ добраго сна; потомъ, мурлыча что нибудь, пойдетъ на другой перекрестокъ, и такъ далѣе. Эти крикуны, или ночные трубачи, меня всегда сердили, когда приходилось мнѣ квартировать на перекресткѣ въ угловомъ домѣ. То-же случилось и въ Гриммѣ: почти всю ночь не могли мы спать отъ звонкаго трубача, и мой Подполковникъ имѣлъ причину думать, что лукавые Саксонцы нарочно будили шпіоновъ, вызывая ихъ къ безпре-

рывному бодрствованію. Въ Польскихъ городахъ и мѣстечкахъ, также наряжается кагаломъ цѣлая толпа шрусливыхъ Жидовъ, которые до полуночи ходятъ по улицамъ и кричатъ, предостерегая отъ огня до тѣхъ поръ, покуда во всѣхъ домахъ не улягутся спать.

Передневавши въ Гриммѣ на славной квартирѣ, мы переѣхали въ Борну. Здѣсь нашли совершенное различіе въ мнѣніи жителей: какъ въ Гриммѣ хозяинъ нашъ смотрѣлъ и говорилъ въ духѣ Наполеониста, такъ здѣсь старикъ Биргермейстеръ осуждалъ Французовъ, и желалъ, чтобы Союзники успѣли положить конецъ бѣдствіямъ Европы и возстановить на долго всеобщій миръ. Оба имѣли свои причины. Первый пользовался континентальною системою Наполеона и велъ выгодную торговлю произведеніями Саксонскихъ фабрикъ; сверхъ того былъ обласканъ Французами, которые за кредитъ давали ему разныя привиллегіи; супруга его въ Гриммѣ хвастала намъ прекрасною фарфоровою чашкою, подаренною ея дочери Французскимъ офицеромъ; слѣдовательно фамилія имѣла свои виды. Напротивъ того Биргермейстеръ въ Борнѣ былъ обласканъ Союзными Монар-

хами въ то вре мя, когда они съѣхались сюда передъ Лейпцигскою битвою; кромѣ того, усердіе свое, онъ получилъ отъ Регента Саксоніи Князя Репнина зеленый крестъ; наконецъ, онъ пишетъ вѣчную ненависть къ Французамъ, за пожертвованіе для нихъ единственнымъ, любезнѣйшимъ сыномъ, который погибъ въ Московской репирадѣ. При этомъ чувствительный старикъ заплакалъ, и ударяя себя, въ грудь проклиналъ Наполеона. Мой Подполковникъ былъ весьма доволенъ патріотизмомъ Биргермейстера, и въ ушѣшеніе ему поклялся разрушить Французскую Монархію, а самого Наполеона, если-бъ только попался, разстрѣлять за то, что не далъ ему насладиться семейственнымъ блаженствомъ въ объятіяхъ молодой супруги. — Каждый судитъ по своему. Я, напротивъ того, имѣя въ виду заслуги, желалъ, чтобы намъ пришлось еще нѣсколько разъ прогуляться по Европѣ и подраться съ нашими непріятелями.

Объ этомъ предметѣ у насъ съ Подполковникомъ завязался опять жаркій разговоръ за обѣдомъ.

ГЛАВА III.

ОТЪ АЛЬТЕНБУРГА ДО КОБУРГА.

Альтенбургъ. — Трудолюбіе поселянъ. — Шлейцъ. — Лобенштейнъ. — Газетныя вѣсти. — Ночной путь до Кронаха. — Крѣпость. — Путь къ Кобургу. — Порученіе. — Путь до Кёнигсгофена. — Путь черезъ горы до Брукенау. — Дорога до Киссингена. — Засѣданіе Ландрихтеровъ. — Минеральныя воды. — Возвращеніе въ Кобургъ.

Альтенбургъ, большой городъ на р. Плейсѣ, имѣетъ болѣе тысячи каменныхъ домовъ, стоитъ на возвышеніи, и видѣнъ за 15 верстъ. Земля вокругъ плодородная, и жители зажиточнѣе своихъ сосѣдей. Въ концѣ города есть замокъ бывшаго владѣтельнаго Герцога Альтенбургскаго; онъ составляетъ лучшее украшеніе города; въ его саду собирается публика для прогулокъ. Улицы въ городѣ неправильныя; домы старые, закопчѣлые. Одна площадь довольно обширна. Альтенбургъ много потерпѣлъ въ

прошедшіе годы отъ содержанія въ немъ военныхъ гошпиталей, и отъ распространившихся отъ того между жителями болѣзней. Городъ населенъ, большею частію, купцами, которые сидятъ въ своихъ лавкахъ уединенно, потому что нѣкому раскупать ихъ товаровъ.

Нарядъ женщинъ Альтенбургскихъ довольно странный и забавный: на груди у нихъ кирасы; толстыя, широкія юпки до колѣнъ, какъ на фижмахъ, съ тысячью складокъ; на головахъ длинныя, конусомъ шапки; у многихъ ноги до колѣнъ обнажены, но довольно стройны и привлекательны для взора. Мужчины большею частію одѣты въ полукафтаны, и на головахъ носятъ плоскія шляпы.

Въ городѣ есть театръ, который всегда пустъ, потому что купцы не любятъ тратить денегъ для комедіи, которую ежедневно сами разыгрываютъ.

Отъ Альтенбурга до Вейды проѣхали мы чрезъ мѣст. Ронебургъ. Здѣсь, на каждомъ почти домѣ, оленья голова держитъ во рту кожу; это значитъ, что жители занимаются выдѣлкою лосинныхъ кожъ и замши.

Дорога до Ронебурга прекрасная. Мы ѣхали по шоссе, какъ по паркету. Фруктовыхъ деревъ аллеи, большею частію черешневыя, на которыхъ обломанные сучья показывали еще признаки прошедшей войны, осѣняли путь нашъ.

Не льзя не удивляться трудолюбію Альтенбургцевъ; за то и земля къ нимъ благодарна: повсюду видно изобиліе. Частыя деревни, мѣльницы, аллеи, каналы, осушающіе болотныые луга, исправныя дороги, все показываетъ трудолюбіе и благосостояніе жителей. Здѣсь предѣлъ отрасли горъ, идущихъ отъ Богеміи; онѣ оканчиваются покатостями, а потому земля наносная есть лучшая. Я любовался, съ какимъ терпѣніемъ здѣшній поселянинъ, куря трубку, разрубаетъ каждый неровный сучокъ мѣлко и связываетъ все въ равныые пучки, или съ какимъ прилежаніемъ старая баба подбираетъ срѣзанную ею траву, по краямъ дороги, надъ канавою, для того чтобы проходящіе не затоптали ея.—Два предмета по хозяйству здѣсь замѣчательны: во-первыхъ, чистая колосистая рожь, безъ малѣйшей примѣси постороннихъ травъ или цвѣточковъ, отъ того, что зерно сѣется очищенное, на хорошо приготовленной землѣ, которая бо-

ронится желѣзными боронами и по совершенномъ засѣвѣ еще разъ укатывается катькомъ; во-вторыхъ, на лугахъ разводятъ искуственныя травы, какъ то: клеверъ, луцерну, горошекъ и прочія, которыя нѣсколько разъ въ лѣто скашиваются, и отъ того малымъ пространствомъ земли содержится много хорошаго скота. Лошади здѣсь большія, тучныя, тяжелыя; коровы огромныя, быки важные, ходятъ въ упряжи подъ шорами и съ недоуздками; тяжелое ярмо не давитъ и не трешъ ихъ шеи. Я любовался этими аписами, когда одинъ крестьянинъ, пріѣхавшій съ ними въ городъ, обтиралъ имъ запылившіяся мордочки, кормилъ ихъ хлѣбомъ и цѣловалъ въ щеки, какъ милыхъ друзей своихъ, которые въ благодарность лизали ему руки. — Альтенбургцы съ округомъ принадлежатъ еще Герцогу Готскому; но полагаютъ, что будутъ принадлежать Герцогу Веймарскому. Теперь сформировали они батальонъ Національной Гвардіи, подъ начальствомъ Прусскихъ офицеровъ.

Вейда, Саксонскій городокъ, довольно бѣденъ, потому что здѣсь начинаются уже горы. На скалѣ за рѣчкою стоитъ красивый, пустой, полуразрушенный замокъ. Жи-

шели занимаются полотняными и суконными фабриками.

На пути къ Шлейцу дождь шакъ промочилъ меня, что даже виды Богемскихъ горъ не прельщали.

Въ Шлейцѣ застали мы своего Корпуснаго Оберъ – Кварширмейстера Полковника Ф***, задержаннаго у владѣтельнаго Принца на обѣдѣ. Въ залѣ много было городскихъ чиновниковъ. Оберъ – Кварширмейстеръ принялъ меня очень ласково, и былъ веселъ послѣ княжескаго обѣда.

Шлейцъ со въѣзда представляетъ хорошій видъ амфитеатромъ; надъ нимъ стоитъ замокъ владѣтельнаго Принца Рейскаго, который здѣсь имѣетъ резиденцію. Я гулялъ цѣлый вечеръ по окрестностямъ горъ, простирающихся отъ Богемскихъ. Небо облачное, погода пасмурная: угрюмая природа здѣсь не воспламеняетъ воображенія.

По отъѣздѣ Оберъ-Кварширмейстера корпуснаго, мы съ Подполковникомъ заняли его кварширу, и передневали.

Сегодня (9-го Мая) ѣхали мы $2\frac{1}{2}$ мили по горамъ, весьма дурною дорогою, отъ которой прошолкало намъ бока. Однако я не могъ налюбоваться крутизнами и пропа-

спями, надъ которыми ѣхалъ, и чудь въ нихъ не обрушился.

Лобенштейнъ стоитъ въ горахъ, на вершинѣ р. Заалы, и принадлежитъ Принцу Рейсскому. Нигдѣ не видалъ я столько прелестныхъ картинъ мѣстоположенія, какъ здѣсь. Городъ раскиданъ между горами; на одной изъ нихъ, за которую задѣваютъ мимоходомъ облака, стоитъ обсерваціонная башня; ручьи съ разныхъ сторонъ вьются по ущелью и сходятся на долинку въ озеро. При городѣ есть замокъ и садъ, въ которомъ сегодня, для воскреснаго дня, гуляетъ вся городская публика, какъ-то: портные, сапожники, кухарки, водоносы. Прогулка ихъ продолжалась до дальняго ущелья въ горы, гдѣ они терялись въ кустарникахъ.

На отдыхѣ, я цѣлый день читалъ газеты, которыя приносила мнѣ зубастая служанка дома. Сочинителямъ газетъ теперь большой барышъ отъ политическихъ новостей, которыми изобильно текущее время. Въ одной Франціи источникъ ихъ неисчерпаемъ. Кромѣ внутреннихъ партій Якобинцевъ, Мартинистовъ, Янсенистовъ, Роялистовъ и Бонапартистовъ, которые злодѣйствуютъ одни противъ другихъ, самъ

Наполеонъ испощаетъ послѣднія силы несчастной Франціи, для могущественнаго отпора союзнымъ врагамъ своимъ. Но ему большаго труда стоитъ согласить разнородныя мнѣнія въ свою пользу. Для безопасности своего мѣстопребыванія, или въ обезпеченіе отъ бунта, онъ усѣялъ гору Монмартръ артиллеріею, что-бы въ отчаянномъ случаѣ зажечь Парижъ, какъ думалъ сдѣлать, нѣкогда, Катилина въ Римѣ. — Людовикъ XVIII находится еще въ Гентѣ, и собираетъ эмигрантовъ подъ свои лиліи. Прокламаціи его къ народу почти столько-же дѣйствительны въ Нормандіи и въ сѣверной Франціи, сколько Наполеоновы въ Шампани, Лотарингіи, Франшконте и въ южныхъ провинціяхъ. Военный Министръ, Маршалъ Даву, отдалъ приказъ въ Парижѣ, чтобы въ случаѣ вторженія непріятелей, всѣ жители убѣгали съ имуществомъ въ дальніе города, оставляя въ домахъ своихъ только старухъ, для надзора и для шпіонства.

Ввечеру пріѣхалъ Подполковникъ Д*** по квартирмейстерской-же части, который пригласилъ меня съ собою въ ночной путь до Кронаха, $4\frac{1}{2}$ мили. Онъ посланъ отъ Генерала Капцевича къ Корпусному Оберъ-Квартирмейстеру, съ расписаніемъ войскъ

отъ Фельдмаршала на кантониръ-квартиры около Кобурга, и потому долженъ поспишь по почтѣ въ Минхенъ, для соображенія тамъ съ Генералъ-Квартирмейстеромъ Нейдгардтомъ. Ему-бы выгоднѣе было ѣхать по открытому листу на форшпанахъ, не платя прогоновъ, но онъ предпочелъ почтовую ѣзду потому, что на почтахъ скорѣе можно получить лошадей, хотя ѣдутъ также довольно тихо. Почтальоны въ пути забавляютъ проѣзжихъ игрою на рожкахъ, и такая музыка, по кадансу толчковъ и лошадинаго топота, замѣняетъ Русскій колокольчикъ. Въ Саксоніи, за $1\frac{1}{2}$ мили, или за 10 верстъ, на двѣ лошади, Подполковникъ платилъ три талера, или около 10 рублей на наши ассигнаціи, а въ Баваріи сталъ платить за 15 верстъ, или за 2 мили, по два талера 16 грошей, или около 8 рублей. Это потому, что черезъ Саксонію болѣе ѣзды, и дороги лучше нежели въ Баваріи.

Я съ удовольствіемъ согласился на предложеніе Подполковника Д***, котораго весьма уважалъ. Мы съ нимъ поѣхали въ почтовой колескѣ съ нарядным почталіономъ. Подполковникъ старался во всю ночь не спать и я разсѣявалъ, сколько могъ, дремоту его, подшучивая надъ сонным уп-

шеръ-офицеромъ, который, сидя впереди насъ, перекидывался съ одной стороны шеза на другую. Сначала мы разговаривали живо, потомъ пѣли пѣсни, наконецъ дремали и будили другъ друга. Такой прекрасной ночи я не забуду! Луна освѣщала высокую, черную гору при Везенштейнѣ, откуда изъ ущелья изливался ручей серебряной змѣйкою; паръ, въ видѣ клубящагося дыма, опоясывалъ горы, покрытыя чернымъ лѣсомъ; мѣстами скалы блестѣли отъ лунныхъ лучей; освѣженный воздухъ навѣвалъ прохладу.

Въ Кронахъ пріѣхали мы на разсвѣтѣ, въ 3 часа утра; еще всѣ спали. Мы послали за Секретаремъ рашуши, и въ ожиданіи его шутили надъ старою Биргермейстершею, доискиваясь причины, отъ чего она страдаетъ безсонницею. Наконецъ, нечесаный, полусонный секретарь охриплымъ голосомъ объявилъ намъ, что Корпусный Оберъ-Квартирмейстеръ Полковникъ Ф*** отправился въ Кобургъ; тогда мы съ Подполковникомъ Д*** разстались. Онъ поѣхалъ далѣе.

На другой день, въ 6 часовъ утра, я получилъ себѣ квартиру въ обержѣ Бѣлой Лиліи, и покуда очищали комнату, погулялъ вокругъ крѣпости. Она небольшая, но, будучи на скалѣ, довольно надежна, и приступна только съ одной стороны, гдѣ загоро-

жена саженъ на сто палисадникомъ. Инвалидные часовые, въ синихъ мундирахъ и въ треугольныхъ шляпахъ, съ сапирическими лицами, выглядывали на меня весьма недовѣрчиво, переговаривались между собою, и показывали разные признаки своей догадливости, почитая меня то за Пруссака, то за Гессенца, то за Русскаго шпіона. Я ушѣшался ихъ гримасами; однако опасаясь, чтобы не сдѣлали по мнѣ выстрѣла, скатился подъ гору.

Кронахъ лежитъ между горами, какъ и Лобенштейнъ; но нѣтъ около него живописныхъ окрестностей. Онъ принадлежитъ Королевству Баварскому. Строенія въ немъ ветхія, и на стѣнахъ нѣкоторыхъ домовъ есть изображенія Святыхъ угодниковъ, покровителей семействъ. Баварцы кажутся слишкомъ набожными. Ввечеру вездѣ слышны были духовныя кантаты въ честь св. Іоанна; а подъ квартирою у меня до полуночи распѣвали пѣсни *пивные братья*. — Баварцы, грубостію своего нрава, весьма схожи съ Пруссаками; Саксонцы между ними составляютъ благороднѣйшее племя, какъ по нравственности, такъ и по образованію. Баварцы выставили нынѣ противъ Франціи 65,000 войска, которое большею частію съ Фельдмаршаломъ Вреде находится впереди насъ.

Дорога отъ Кронаха до Кобурга гористая, по вершинѣ р. Майна, съ весьма пріятными видами. Фурманъ повезъ насъ до Лихтенфельда, и хотѣлъ было подчистить билетъ свой, чтобы заставить насъ перемѣнить здѣсь шезъ; но мы этого ему не позволили, и онъ долженъ былъ ѣхать двѣ мили до Кобурга лишнихъ, потому что своротилъ въ сторону. Такимъ образомъ 35 верстъ мы проѣхали 7 часовъ; это значитъ столько-же, какъ-бы и пѣшкомъ пройдти. — Въ Кобургѣ, когда мы пріѣхали, всѣ спали: было за-полночь.

Только что явился я къ Корпусному Оберъ-Квартирмейстеру, какъ онъ тотчасъ приказалъ мнѣ ѣхать опять въ Кронахъ, для нѣкоторой перемѣны въ общей дислокаціи войскъ, по той причинѣ, что полки 26-й дивизіи заняли мѣста, назначенныя для 7-й. — Я поѣхалъ, успѣлъ скоро все передѣлать, и пообѣдавши въ Кронахѣ, возвратился въ 12-ть часовъ ночи опять въ Кобургъ. Полковникъ былъ очень доволенъ моимъ исполненіемъ.

Около Кобурга располагается нашъ Корпусъ на кантониръ-квартиры, составляя резервъ дѣйствующихъ Союзныхъ войскъ. 24-й дивизіи велѣли идти къ Фульдѣ; но

не доходя этого города, она была остановлена, между городами Брукенау и Киссингеномъ.

Съ Подполковникомъ М*** отправили меня къ Кенигсгофену по разнымъ двумъ дорогамъ, чтобы знать, которая будетъ лучше для прохода артиллеріи и вагенбурга. Я ѣхалъ чрезъ Гейльбургъ, а онъ чрезъ Родахъ. Мой фурманъ былъ урожденецъ Гейльбургскій, весьма говорливый старикъ; признавался, что онъ любитъ военныхъ, особенно Рускихъ и Пруссаковъ, потому что самъ служилъ двадцать лѣтъ деньщикомъ у трехъ Капитановъ, съ которыми бывалъ во многихъ походахъ, только не въ Россіи. Дѣдъ его былъ Капитаномъ, отецъ честнымъ ремесленникомъ, онъ самъ деньщикомъ, а сынъ его уже Обристеръ, то есть, Полковникъ въ Баварской службѣ. Объ этомъ говорилъ онъ съ восторгомъ. Отъ него узналъ я, что въ Баваріи теперь подъ штрафомъ запрещено говорить по-Французски. Наконецъ, за бесѣдою съ почтеннымъ фурманомъ, отцомъ Баварскаго Полковника, я не примѣтилъ какъ пріѣхалъ въ Кенигсгофенъ, который лежитъ на пространной долинѣ, противъ ущелья горъ, откуда выходитъ небольшая рѣчка; горы въ дальнемъ разстояніи отъ города. Французы сдѣлали изъ этого городка хорошую крѣпость, которая есть ключъ изъ

Вестфаліи въ Баварію, потому что дорога изъ Касселя проходитъ здѣсь на Швейнфуртъ, Вирцбургъ и Бамбергъ; слѣдовательно выдавшаяся часть Баваріи охраняется этою крѣпостію. Въ ней помѣщается гарнизона до 8000; недостатокъ можетъ быть только въ водѣ. Впрочемъ, эта крѣпость не принесла Наполеону ни какой пользы, потому что есть другая, новая дорога отъ Фульды въ Швейнфуртъ, чрезъ Брукенау. Жители въ Кенигсгофенѣ живутъ не опрятно, видно, изъ подражанія Французамъ, которые въ продолженіе владычества Наполеонова не выходили отсюда. Здѣсь есть и Жиды.

Сегодня я путешествовалъ по горамъ, какъ будто въ Швейцаріи. Подполковникъ М*** послалъ меня осмотрѣть дорогу къ Брукенау. Я ѣхалъ до Нейштата 4 часа весьма пріятно. Погода во весь день была прекрасная; лучи солнца рисовали всѣ предметы яркими красками; только дальнія горы покрывались фіолетовою тѣнью. Но какъ блескъ солнечныхъ лучей былъ довольно ослѣпителенъ по дорогѣ, то я по временамъ читалъ Французское сочиненіе: *Мысли о политическомъ равновѣсіи Европы;* перевертывая одну страницу, взглянулъ на сторону—бросилъ книгу, забылъ о политикѣ, и насыщалъ только зрѣніе прелестны-

ми картинами земной природы. Разнообразная пестрота полей, яркая зелень по долинамъ между горами, тѣнистыя рощицы, фіолетовыя скалы, голубыя воды въ рѣчкахъ, пушистыя облака надъ горами, бѣленькіе домики съ красными крышами, чуть выглядывающіе изъ садовъ деревни Хейштрей и м. Нейштата, наконецъ жаворонки и прохлада въ воздухѣ восхитили меня до чрезвычайности. Въ восторгѣ сердца я думалъ быть перенесеннымъ, какъ нѣкоторымъ очарованіемъ, въ Швейцарію, остановилъ свой шезъ и срисовалъ физіогномію прельстившей меня красавицы-природы. — Въ Нейштатѣ, покуда пріискивали мнѣ шезъ, я еще любовался, съ моста рѣки Фульды, которой здѣсь вершина, на голубыя горы и ущелья, и на двухъ румяныхъ Нѣмочекъ въ красныхъ кофтахъ у моста, которыя мыли бѣлье. Счастливы обитатели, думалъ я, въ такой очаровательной странѣ, гдѣ природа, при всей красотѣ земной поверхности, изобильно награждаетъ труды ихъ плодами! Зачѣмъ я не здѣсь родился! Но, можетъ быть, тогда столько-же былъ-бы равнодушенъ я ко всему прекрасному, какъ этотъ угрюмый Нѣмецъ, который мимо меня проходитъ.

Подобныя этому и еще лучшія мѣста по-

разили меня своею красотою отъ деревни Унтеръ-Везенбургъ до Бишофсгейма, и мимо Хейлигенкрейцберга. При послѣднемъ, кажется, самая вершина хребта *Чернолѣсскихъ* горъ (Schwarzwald), и, по моему замѣчанію, она будетъ на 3000 футовъ отъ горизонта водъ р. Майна при Франкфуртѣ. Отсюда ручейки жужжатъ во всѣ стороны; но эти ручейки образуютъ далѣе рѣки: Верру, Фульду и Заалу, текущую чрезъ Кенигсгофенъ и впадающую въ Майнъ при Гемунденѣ. За то дорога, по камнямъ, протолкала мнѣ бока, и я нѣсколько разъ чуть не опрокидывался изъ вещхаго шеза. Но при всей красотѣ этой гористой части Баваріи, жители, выключая нѣкоторыхъ женщинъ, весьма не красивы; лица у нихъ не только угрюмыя, но какъ будто искаженныя, длинныя, кривыя, въ морщинахъ; мужчины одѣваются бѣдно и весьма неопрятно. Даже женщины, большею частію отвратительны въ своемъ Бѣлорусскомъ нарядѣ: въ полусарафанахъ, синихъ юпкахъ, въ красныхъ чулкахъ, въ деревянныхъ башмакахъ, съ бѣлымъ платкомъ на головѣ. — Видно, жители здѣсь бѣдны, что за яичницу, въ Бишофсгеймѣ, потребовали съ меня квитанцію; но я, посмѣявшись, отдѣлался гульденомъ. На ночь пріѣхалъ я въ Брукенау, гдѣ

на кварширѣ встрѣтили меня двѣ прекрасныя дѣвушки. Любуясь ими, я награжденъ былъ за дневный прудъ и за дурное впечатлѣніе, сдѣланное во мнѣ горными уродами. Въ горахъ, гдѣ природа скупа на дары свои, и часто безплодна, а воздухъ рѣдокъ, люди не могутъ быть такъ свѣжи, здоровы и благовидны, какъ живущіе въ пріятныхъ и плодоносныхъ долинахъ между горами. Я это и прежде замѣтилъ, въ Богемскихъ горахъ.

Отъ Брукенау до Гамельбурга прекрасная дорога, по вновь проведенному шоссе изъ Фульды къ Швейнфурту: 40 верстъ я проѣхалъ въ три часа, сидя бариномъ въ красномъ шезѣ. Почтальонъ, въ голубой куртке, въ желтыхъ панталонахъ, въ ботфортахъ, съ длиннымъ хлыстомъ для пары тихихъ, длинныхъ коней подъ шорами, съ маленькою волторною или почтовымъ рожкомъ за спиною, забавлялъ меня своими баснями и музыкою, особенно когда я сунулъ ему въ руку гульденъ, или шринкгельдъ. За то въ Гамельбургѣ я ожидалъ перемѣны лошадей и шеза полтора часа, по случаю церковной процессіи, которая увела за городъ почти всѣхъ жителей, и въ городѣ, кромѣ старыхъ, кой-гдѣ, бабъ, никого не оставалось. Здѣсь увидѣлъ я, не-

ожиданно, почтеннаго старца, Полковника Шейка, съ Русскимъ орденомъ Св. Владиміра: онъ служилъ въ С. Петербургѣ Инспекторомъ Пажескаго Корпуса въ бытность Директора Мелиссино, и сказывалъ мнѣ, что въ то время пажи были чрезвычайно избалованы, и что ему стоило большаго труда завести хорошій порядокъ.

Отъ Гамельбурга до Киссингена дорога идетъ вверхъ по р. Заалѣ. Мѣста прекрасныя, веселыя: небольшія горки покрыты виноградникомъ; на нѣкоторыхъ изъ нихъ видны развалины старыхъ замковъ. Киссингенъ, небольшой городъ, лежитъ между холмами на той-же рѣчкѣ; въ немъ есть нѣсколько домовъ Французской новой архитектуры, потому что цѣлебныя или минеральныя воды его привлекаютъ иногородныхъ ипохондриковъ.

Пріѣхавши въ Киссингенъ, я застaлъ своего Подполковника М*** за краснымъ столомъ, въ засѣданіи, среди пяти Ландрихтеровъ, которые были одѣты въ синіе мундиры съ золотымъ шитьемъ на воротникахъ, и важно сидѣли въ креслахъ; передъ каждымъ лежала десть бумаги, и каждый держалъ въ рукѣ перо. Въ почетномъ мѣстѣ сидѣлъ Подполковникъ, въ полной, блестящей униформѣ. Онъ, какъ оракулъ-провѣ-

щатель, единымъ мановеніемъ перста своего заставлялъ скрыпѣть перья, назначая одному Ландрихтеру для постоя въ его округъ такой-то полкъ, другому другой, иному кавалерію, иному пѣхоту, иному артиллерію; но эта обязанность, сколь ни лестна была для самолюбія, приводила его въ немалое затрудненіе, такъ что погружаясь въ думу надъ топографическою картою, онъ на полчаса приводилъ покорныхъ Ландрихтеровъ въ строгое молчаніе. Прежде, нежели онъ продиктовывалъ имъ имена трехъ деревень для одной роты, съ добрыхъ полчаса говорилъ онъ, и разсуждалъ, и кричалъ на оспоривающихъ его Ландрихтеровъ, изъ которыхъ каждый, спаряясь сколько можно отстранить значительный постой войскъ отъ своего округа, представлялъ ему въ тысячѣ видахъ свою *Unmöglichkeit* (невозможность); но грозный стукъ Русскаго пальца раздавался вдругъ по красному столу—и Ландрихтеры, какъ школьники предъ сердитымъ учителемъ, съ повиновеніемъ утихали; тогда мой президентъ отъ души улыбался. Очень забавно было видѣть одного Ландрихтера, изъ Эйернсдорфа, маленькаго человѣчка, въ синемъ мундирѣ, въ которомъ онъ когда-то вѣнчался, и у котораго теперь обшлага лѣз-

ли къ локтямъ, а воротникъ за уши. Сначала онъ менѣе прочихъ говорилъ, и только, лукаво улыбаясь, смотрѣлъ большими глазами на Подполковника; но услышавъ, что цѣлый полкъ Казаковъ станетъ въ его округѣ, онъ вдругъ вскочилъ, бросилъ перо, и вскричалъ, что это никакъ невозможно (Es ist ganz unmöglich). Никакія убѣжденія товарищей не могли принудить его взяться за перо: онъ твердилъ одно, что согласенъ лучше взять батальонъ пѣхоты, нежели сотню Казаковъ, и до тѣхъ поръ упрямился, покуда мой Подполковникъ не поразилъ его какъ громомъ, крикнувши: Wollen Sie noch Hundert-tausend Kosaken! (хотите-ли еще сто тысячь Казаковъ)! — Послѣ этого надобно было любоваться, съ какою злою улыбкою взиралъ этотъ маленькій Ландрихтеръ то на бумагу, то на Подполковника, котораго хотѣлъ-бы, кажется, съѣсть живаго. Другой Ландрихтеръ, тощій и длинный, думалъ инымъ путемъ облегчить свой округъ отъ постоя войскъ. Онъ полагалъ, что Подполковникъ, будучи въ такомъ чинѣ, со многими знаками отличія, долженъ быть Масонъ, а потому, смиренно подошедши къ, нему сталъ фигурить передъ нимъ по-Масонски. Но ошибся въ разсчетѣ. Выражая на лицахъ своихъ внутреннее неудо-

вольствіе, устрашенные Ландрихтеры должны были писать то, что имъ приказывали; но едва начинали они опять спорить, какъ стоило только шикнуть—и все утихало.

Когда ввечеру конгрессъ разъѣхался, то Подполковникъ принялся за меня, чтобы я переписывалъ для цѣлой дивизіи, всѣмъ полкамъ, расписаніе съ его брульоновъ, спрашая, что эта работа продолжится на всю ночь. Я, послѣ своей поѣздки въ горахъ, былъ какъ разбитая лошадь, и сказалъ ему, что больше одного листа едва-ли достанетъ силы написать; однако, какъ принялся, то съ досады написалъ все, и просидѣлъ до перваго часа ночи.

Желая поправиться здоровьемъ и сколько нибудь укрѣпить себя минеральными водами въ Киссингенѣ, я посовѣтовался съ городскимъ докторомъ и приступилъ къ леченію. Всталъ въ 6 часовъ утра, выпилъ два стакана минеральной соленой воды, и пошелъ гулять въ липовую рощу; но солнце было высоко, и я не долго ходилъ. Между тѣмъ, когда пришелъ я на квартиру, дюжая служанка принесла для меня, на спинѣ, послѣдній ушатъ минеральной воды въ ванну, и я просидѣлъ тамъ полчаса. Вода красноватая, мутная, во рту немного вя-

жетъ, потому что содержитъ въ себѣ желѣзо. Обѣдъ приготовленъ былъ для меня по строгой діэтѣ. Не знавши положительно, можно-ли имѣть пользу отъ такого леченія, я по крайней мѣрѣ утѣшался мыслію, что будто-бы дѣлаюсь здоровѣе.

Въ Киссингенѣ не болѣе 140 дворовъ, но почти всѣ домы каменные; окрестности города весьма пріятны; много есть хорошихъ загородныхъ домиковъ съ садами. Въ двухъ верстахъ отъ рѣки Заалы находятся три колодезя минеральной воды. Въ первомъ, изъ котораго обыкновенно пьютъ, вода солоноватая и острая, на подобіе зельтерской; во второмъ колодезѣ вода желѣзистая, такъ-же солоноватая, и гораздо сильнѣе первой: ее пьютъ по утрамъ, и прогуливаются по рощѣ, нарочно для этого разведенной; въ третьемъ колодезѣ вода сильно желѣзистая, холодная, которую употребляютъ только для ваннъ, съ прибавленіемъ третьей части обыкновенной горячей воды. Курсъ леченія бываетъ въ Іюлѣ мѣсяцѣ, во время сильныхъ жаровъ; тогда вода обильнѣе минеральностію.

Корпусный Оберъ-Кварширмейстеръ, чрезъ письмо къ Подполковнику М***, потребовалъ чтобъ я явился въ Кобургъ.

20-го Мая, рано поутру, пустился я въ путь.

Въ Минерштатѣ, покуда перемѣняли мнѣ шезъ, я зашелъ въ церковь, которая по случаю праздничнаго дня была полна народомъ. Три священника, съ Іезуитскими лицами, украшенные бѣлыми епихарями, продолжали свое церемоніяльное служеніе, весьма любопышное для народа. Я былъ тронутъ музыкою и общимъ пѣніемъ въ великолѣпномъ храмѣ.

Въ Кенигсгофенѣ, у Ландрихтера я служилъ толмачемъ двумъ полковымъ Русскимъ священникамъ 24-й дивизіи, которые потребованы въ Кобургъ, для завтрашняго высокоторжественнаго дня рожденія Великаго Князя Цесаревича Константина. Они скакали съ церковью и съ дьячками, но встрѣтили здѣсь остановку въ лошадяхъ. Преисполненный всегда отличнаго уваженія къ этому достопочтенному сану, я охотно нѣсколько минутъ имъ потолмачилъ. Ландрихтеръ смотрѣлъ на этихъ смиренныхъ отцовъ съ нѣкоторою боязнію, и стоялъ поодаль; окладистыя бороды ихъ и широкія рясы видимо внушали ему трепетъ. Вскорѣ по отъѣздѣ ихъ явился съ кудрявою бородою, только не въ рясѣ, а въ сѣромъ чекменѣ, маркитантъ, ко-

торый присталъ ко мнѣ, чтобъ я и ему потолмачилъ у Ландрихтера о квартирѣ. Вѣжливый Нѣмецъ, увидѣвши бородача, сталъ ему кланяться, полагая, что и онъ принадлежитъ къ тому-же разряду, какъ вышедшіе гости; но я объяснилъ Ландрихтеру, что не всѣ тѣ у насъ называются пасторами, которые носятъ бороды, и онъ, желая поправить свою ошибку, сказалъ: »Да, я знаю, у васъ есть еще Казаки съ бородами!« — Этотъ мужикъ, съ повязанною головою, одѣтый весьма отвратительно, показалъ свидѣтельство отъ Хогенаускаго Коменданта, что онъ маркитантъ С. Петербургскаго Драгунскаго полка, былъ ограбленъ Французскими партизанами, и порубленный въ голову, лечился въ тамошней больницѣ. Онъ уже прошелъ оттуда въ Силезію, но встрѣтивши наши войска, заблагоразсудилъ ворошиться, для прогулки-де съ своими, по любезной заграничинѣ, гдѣ, дай Богъ здоровья Нѣмцамъ, кормятъ и поятъ Рускаго даромъ. — Куда-же ты идешь? — спросилъ я. — »Куда и всѣ: въ главную армію!« — А гдѣ она? — »Впереди...« Тогда я совѣтовалъ ему лучше явиться въ ближайшее дежурство, бригадное или дивизіонное, откуда укажутъ ему настоящій путь къ полку. Для завтрака зашелъ я въ тотъ трактиръ, гдѣ мы

съ Подполковникомъ останавливались во время проѣзда. Услужливый Нѣмецъ ничего болѣе не могъ представить мнѣ, какъ яичницу и стаканъ вина. Когда я спросилъ его: что̀ это стоитъ? онъ хладнокровно отвѣчалъ: Die ganze Geschichte bleibt bey vierzig Kreuzer (вся исторія стоитъ 40 крейцеровъ)! потомъ низко кланялся, и благодарилъ меня за великодушную расплату. Сообразно такой цѣнѣ за яичницу и стаканъ простаго вина, мы съ Подполковникомъ стоили ему, во время квартированія, не менѣе 40 гульденовъ. Вотъ странность! Однихъ онъ кормитъ даромъ, а съ другихъ можетъ брать деньги.

Выѣзжая изъ Кенигсгофена, я не могъ не замѣтить двухъ малюшокъ, игравшихъ на гласисѣ крѣпости. Они, кажется, только что поднялись на ноги, и уже могли сказать мнѣ, гдѣ идетъ дорога на Гельдбрунъ, за двѣ мили, чего въ Малороссіи никогда не узнаешь, относительно окрестностей, даже отъ пожилаго Хохла. Такъ, въ одномъ мѣстечкѣ, маленькая дѣвочка показала мнѣ домъ Бургомистра; а у насъ мальчики разбѣжались-бы при видѣ военнаго иностранца. По этому можно заключить, сколько Нѣмецкій народъ образованъ, когда уже пятилѣтніе ребятишки все понимаютъ.

Въ Кобургъ я прибылъ передъ вечеромъ, проѣхавши отъ Киссингена 35 верстъ; но долго дожидался Оберъ-Кварпирмейстера, котораго не прежде увидѣлъ какъ послѣ ужина. Въ это время я успѣлъ занять себѣ квартиру, и когда пришелъ опять къ Полковнику, то нашелъ у него веселую компанію. Самъ онъ ожидалъ къ себѣ la belle bossue (прекрасную горбунку), а братъ его прицѣливался глазами, въ живущую напротивъ ихъ дома, миленькую табачницу. Случившійся тутъ Подполковникъ фонъ-В*** сказалъ: — Всякой знаетъ, какъ ужасны послѣдствія этого риска, и ни кто не унимается. — »Всякой былъ раненъ — отвѣчалъ я — однако исцѣлялся; а потому остается надежда быть неуязвляемымъ.... « Послѣ нѣсколькихъ взаимныхъ вѣжливостей, я пожелалъ пріятнѣйшей ночи моему Полковнику, и отретировался въ свою циммерхенъ.

ГЛАВА IV.

ОТЪ КОБУРГА ДО ФРАНКФУРТА.

Парадное молебствіе. — Кобургъ. — Жалобы Ландрихтеровъ. — Квартира. — Размѣщеніе войскъ. — Путешествіе пѣшкомъ. — Артиллерійская рота. — Военные приказы. — Биргартенъ. — Ландрихтеръ въ Минерштатѣ. — Сабина. — Гамельбургъ. — Шлихтернъ. — Кривая колокольня. — Достопамятности. — Ганау. — Путь къ Франкфурту. — Общая квартира.

21-го Мая, по случаю высокоторжественнаго дня, священники, которымъ я наканунѣ полмачилъ, разставили для молебна за городомъ на полѣ палашку, и устроивши походный иконостасъ, одѣлись въ парчевыя ризы. Пять тысячь войска Русскаго окружили церковь, и тысячи двѣ собралось любопытныхъ зрителей. Великая Княгиня, Супруга Цесаревича, пріѣхала цугомъ въ великолѣпной колясклѣ. Ее сопровождала огромная свита придворныхъ, пожилыхъ Нѣмцевъ, конечно Министровъ. Самъ владѣтельный

Герцогъ Кобургскій пріѣхалъ послѣ, верхомъ, въ сопровожденіи своихъ нарядныхъ жокеевъ на куцыхъ лошадяхъ. Великую Княгиню войски встрѣтили со всѣми военными почестями, какъ надлежало для высокой особы Царскаго Дома; но Герцога ни кто не встрѣчалъ. Я, не имѣя при себѣ парадной формы, вискался въ толпу простыхъ зрителей, съ лѣваго бока въ палатку, и былъ къ Великой Княгинѣ ближе, нежели Генералъ К***, командовавшій парадомъ. Я замѣчалъ впечатлѣніе, которое могла-бы произвести наша церковная служба на Нѣмецкія лица, и видѣлъ на нихъ—одно холодное любопытство.

Великая Княгиня, прекрасная и кроткая какъ ангелъ, выстояла до конца молебенъ, любуясь церемоніяломъ протоіерея; но старушка, матушка ея, и такія-же Статсъ-Дамы, не могли такъ долго стоять на ногахъ и выходили часто освѣжаться воздухомъ. Нѣмочки, любопытныя зрительницы, проталкали меня со всѣхъ сторонъ, становясь на цыпочки. Наконецъ, запѣли *многія лѣта* и громы изъ пушекъ загрохотали; Нѣмцы то блѣднѣли, то краснѣли: они не привыкли къ такой музыкѣ.

Парадъ заключился церемоніяльнымъ маршемъ войскъ мимо Великой Княгини, при чемъ находился и Герцогъ. Полки 27-й дивизіи

были не изъ лучшихъ, но удивляли Нѣмцевъ твердостію шага и стройностію рядовъ. Батальонъ Кобургскихъ гренадеровъ прошелъ не дурно; особенно первая роша, съ широкими волосяными суланшами: народъ рослый, стройный. Всѣ одѣты по Русскому покрою: въ темнозеленыхъ мундирахъ съ желтыми воротниками; музыканты были особенно красивы и хорошо играли.

Великая Княгиня, Анна Ѳеодоровна, казалась не старѣе 27 лѣтъ; черныя кудри возвышали нѣжную бѣлизну лица ея, на которомъ еще цвѣли розы юности; быстрые взоры изъ темныхъ очей и тонкія уста съ вѣчною улыбкою привлекали взирающихъ на нее; ростъ ея болѣе нежели посредственный, станъ тонкій и стройный.

Послѣ парада, во дворцѣ былъ церемоніяльный обѣдъ для нашихъ Генераловъ и Штабъ-Офицеровъ, всего на 27 кувершовъ. За обѣдомъ присутствовала сама Великая Княгиня, и Герцогъ, братъ ея, при чемъ за здоровье великихъ особъ Царской Фамиліи пили шампанское при пушечныхъ выстрѣлахъ.

Ввечеру я прогуливался за городомъ и обошелъ его кругомъ, версты три; окружность показалась мнѣ пріятнѣе внутренности. За городомъ много садовъ и булеваровъ для прогулокъ. Биргартенъ, или Бра-

унгарцемъ, на горѣ, лучшее мѣсто, куда собирается на гулянье общество *пивныхъ братій*, и гдѣ можно видѣть всегда забавныя сцены и каррикатуры. Выше Биргарцена стоитъ старый замокъ; въ немъ живутъ теперь только арестанты. Тамъ есть примѣчательный колодезь, который такъ глубокъ, что никогда не слышно паденія брошеннаго камня. Замокъ видѣнъ за три мили по дорогѣ отъ Кронаха къ Лихтенфельду. — Дворецъ, въ которомъ живетъ нынѣ Владѣтельный Герцогъ, не имѣетъ ни вида, ни величія: это простое, огромное зданіе. Внутри города нѣтъ хорошихъ домовъ; всѣ они вообще старые, древней тяжелой архитектуры. Площадь не обширная. Въ городѣ живутъ, большею частію, ремесленники и фабриканты мѣлочныхъ вещей. Театра и общественныхъ увеселеній, выключая Биргарцена, нѣтъ ни какихъ. Жителей въ городѣ не болѣе 6,000.

Видно, маленькій Ландрихтеръ изъ Эйернсдорфа, озлобившійся на Подполковника М*** въ Киссингенѣ за *сто тысячъ Казаковъ*, дѣйствительно съ собратіями подалъ своему Королю жалобу, потому что у насъ получень строгій выговоръ Корпусному Оберъ-Кварпирмейстеру отъ Фельдмаршала: за-

чѣмъ, безъ согласія мѣстнаго начальства, войски расположены на каншониръ-квартиры произвольно, и болѣе всѣхъ обременили Баварцевъ около Кенигсгофена и далѣе. Объ этомъ Бамбергское Правленіе подало Фельдмаршалу формальную жалобу, въ которой (она была доставлена къ намъ въ оригиналѣ) столь трогательно представлено несчастное положеніе жителей, что если-бы еще три дня простояли у нихъ войски, то всѣ померли-бы съ голода. На просьбѣ Фельдмаршалъ своеручно отмѣтилъ: *Раздвинуть войски впередъ, и особенно кавалерію* (то есть Казаковъ) *поставить въ Саксонскія области.*—Вскорѣ за выговоромъ, съ этою просьбою пріѣхалъ къ нашему Оберъ-Квартирмейстеру золотомъ шитый Президентъ изъ Бамберга. Они долго между собою дипломатили, то по-Французски, то по-Нѣмецки. Президентъ просилъ, чтобъ облегчить по крайней мѣрѣ Эйернсдорфскій округъ, и постоемъ войскъ поравнять его съ другими. Полковникъ обѣщалъ ему, съ лукавою улыбкою, все сдѣлать по его желанію; но Подполковникъ Д*** замѣтилъ Президенту, что Бамбергское Правленіе слишкомъ преувеличило мнимое несчастіе жителей.

Квартира у меня въ концѣ города, уединенная, чистая и хорошо меблированная.

При домѣ садъ, изъ котораго съ одной сторонѣ видѣнъ весь Кобургъ и за нимъ синяя даль, а по другую сторону на горѣ весь замокъ. Хозяинъ съ хозяйкою пожилые, добросердечные люди; первый страдаетъ цынготою, и въ комнатахъ у него всегда мефитическій воздухъ, такъ что я едва въ состояніи бываю съ нимъ обѣдать. За то въ своей комнатѣ, окнами въ цвѣтникъ, наслаждаюсь освѣжающимъ благоуханіемъ. Кормили меня изобильно, и если-бы я могъ ѣсть много, то скоро-бы пожирѣлъ здѣсь; но, къ сожалѣнію и удивленію хозяевъ, я только по разу въ сутки ѣлъ, и то не мяса. Хозяинъ столько былъ доволенъ мной, что просилъ не сходить съ его квартиры на другую, и я взялъ отсрочку изъ рапуши, гдѣ на билетѣ написали: unbestimmt (неопредѣленно)! Время проводилъ я пріятно: днемъ, въ свободные часы отъ квартирмейстерскихъ занятій, читалъ книги изъ Мезельскаго Института, а по вечерамъ занимался музыкою, игралъ на гитарѣ.

Три дня я рисовалъ подробную дислокаціонную карту квартирнаго расположенія 3-го пѣхотнаго Корпуса. Корпусный Командиръ, Генералъ Дохтуровъ, пріѣхавши въ Кобургъ, потребовалъ такой карты, а Оберъ-Квартирмейстеръ, опоздавши приготовить

ее заблаговременно, хотѣлъ, чтобы я въ однѣ сутки ее сдѣлалъ. Онъ даже ночью приходилъ ко мнѣ на квартиру, и я, съ другимъ артиллеристомъ, во всю ночь, при свѣчахъ, надписывалъ на картѣ званіе мѣстъ, а поутру, чуть свѣтъ, дорисовалъ ее. — Расположеніе войскъ цѣлаго Корпуса было слѣдующее: Корпусная Штабъ-Квартира въ Кобургѣ; 7-й дивизіи Штабъ-Квартира Генерала Капцевича въ Киссингенѣ; пѣхотные полки: Псковскій въ Гамельбургѣ, Московскій въ Брукенау; 11-й егерскій въ Ашахѣ; 36-й егерскій въ Попенлауерѣ; Либавскій около Киссингена, Софійскій въ Эйернсдорфѣ (маленькій Ландрихтеръ, испугавшійся Казаковъ, настоялъ на своемъ); Казаки въ Эбенгаузенѣ; артиллерія этой дивизіи около Минерштата. 27-я дивизія Генерала Сабанеева занимала ампы: Ремхильдъ, Берунгенъ, Мильрихштатъ, Бишофсгеймъ, Мейнингенъ, Гильдбурсгаузенъ, гдѣ была Дивизіонная Штабъ-Квартира, и Темаръ. 24-й дивизіи Генерала Рота Штабъ-Квартира была въ Кобургѣ, а полки располагались: въ Тамбахѣ, Умерштатѣ, Нельдбургѣ, Шалкау, Эйсфельдѣ, Юденбахѣ, Нейштатѣ, Заальфельдѣ и въ Родахѣ. 3-я гренадерская дивизія Генерала Паскевича занимала Шмалькальденъ, Васунгенъ, Бенсгаузенъ и Гарренбрейтингенъ. 3-я драгун-

ская дивизія, Генерала Алексѣева, состоявшая изъ четырехъ полковъ драгунскихъ, одного Казачьяго и конно-баттарейной роты артиллеріи N 1-го, находилась въ Кенигсгофенѣ и Нейштатѣ.

Въ Кобургѣ непріятно было прогуливаться по улицамъ. Французы научили жителей сливать всю нечистоту на средину; отъ этого полные ручьи смраднаго Спикса журчатъ и заражаютъ воздухъ, особенно въ узкихъ улицахъ. Нѣмцы, послѣ дневныхъ трудовъ, къ вечеру выпалзывая за ворота, на лавки, притупляютъ свое обоняніе табакомъ и разсуждаютъ о политикѣ.—Ширванскаго полка музыка, по вечерамъ, отличается на площади; музыканты играютъ весьма посредственно, за то красиво одѣты. Каждый вечеръ половина Кобургскихъ жителей выходитъ на площадь слушать музыку, при чемъ бываютъ пріятныя свиданія. Между гуляющими отличаются молодые Нѣмецкіе солдаты, гордо расхаживающіе около своихъ красавицъ. Мальчики, въ казачьихъ красныхъ куртках, гоняются другъ за другомъ, валяются, а за ними и собаки то-же дѣлаютъ.

Подполковникъ Д***, дружески ко мнѣ расположенный, позволилъ взять свою верховую лошадь, чтобы я могъ съѣздить въ

свою роту, для окончанія денежныхъ разсчетовъ, и сказалъ мнѣ, что рота расположена въ Оберъ и Унтеръ-Сиггау. Я поѣхалъ туда, но, вмѣсто своей роты, нашелъ 48-ю легкую, и засталъ новаго командира ея, Капитана Л***, пересчитывающаго шесть тысячь рублей, полученныхъ имъ въ приданое за роту отъ Подполковника Н***. Какъ разстоянія было только 5 верстъ, то я скоро возвратился въ Кобургъ, и просилъ Подполковника Д***, позволить мнѣ черезъ часъ опять съѣздить въ свою роту, которая расположена въ Оберъ и Унтеръ-Линдѣ, на что онъ охотно согласился. Черезъ часъ, позавтракавши, я пришелъ за лошадью, но не засталъ Подполковника въ квартирѣ, а люди безъ его приказанія не смѣли дать мнѣ животнаго. Время было дорого; а потому я рѣшился избрать легчайшій способъ, не безпокоя ни кого — идти въ роту пѣшкомъ.

Чувствуя въ себѣ довольно силъ для 15-ти верстнаго пути, я пошелъ сначала весело. Погода, дорога и красивое мѣстоположеніе дѣлали мою необыкновенную прогулку пріятною; но въ полдень солнечный зной сталъ несносенъ для меня, тѣмъ болѣе, что я не смѣлъ явиться къ командиру роты не въ полной формѣ, былъ стянутъ шарфомъ, а лобъ мой трещалъ подъ киверомъ. Первыя пять

верстъ, до увеселительнаго замка Эслау, гдѣ владѣтельный Герцогъ живетъ чаще нежели въ Кобургѣ, прошелъ я порядочно; но чѣмъ далѣе, тѣмъ было несноснѣе. Послѣ трехверстнаго пути, я былъ облитъ потомъ, и глаза мои ослѣплялись блескомъ солнечныхъ лучей, которые, освѣщая бѣлое шоссе, отражались весьма ярко. Къ счастію, явился на право съ дороги отрадный ручей въ тѣнистой долинкѣ; я спустился къ нему и напился горстью. Ручей столько плѣнилъ меня, что я, раздѣвшись, съ четверть часа купался въ его прохладныхъ струяхъ, подъ тѣнію кудрявыхъ ивъ. Послѣ этого я очень освѣжился, и продолжалъ остальныя семь верстъ идти покойно и сносно. Мнѣ встрѣчались полковые офицеры, важно разъѣзжающіе въ шезахъ; они смотрѣли на меня съ удивленіемъ, и не могли понять, для чего я иду въ полной формѣ, какъ будто сей часъ изъ фронта; а я дѣлалъ видъ разсѣянной прогулки, весьма тихимъ шагомъ, какъ будто любуясь мѣстоположеніемъ. На пути заяцъ перебѣжалъ мнѣ дорогу; я вспомнилъ зайцевъ подъ Вильною, подъ Лейпцигомъ, подъ Реймсомъ, и не ожидалъ себѣ добра. Изъ Нейштата, не знаю какъ, пристала ко мнѣ въ сопутницы пожилая Нѣмка; она взялась показать дорогу до Унтеръ-

Линде черезъ лѣсъ. На пути она разсказала свою исторію, что была женою Австрійскаго солдата, находилась во время войны въ Краковѣ съ Поляками, при полку маркитантшею; что она очень любитъ Русскихъ, потому что они всѣ молодые и прекрасные люди — между тѣмъ вздыхала и потупляла взоры.... Ахъ, ты, проклятая вѣдьма! думалъ я: смотри пожалуй, и она хочетъ быть нимфою радости, когда едвали годится въ лѣсныя нимфы для объятій лѣшаго!—Я плюнулъ, и ушелъ отъ нея скорымъ шагомъ.

Передъ деревнею, на лужку, явилась мнѣ яркозеленая артиллерія въ паркѣ. Увидѣвши ее, я почувствовалъ удовольствіе, какъ будто передъ свиданіемъ съ родными. Семь лѣтъ службы въ одной ротѣ привязали меня къ ней; солдаты встрѣчали меня и здоровались, съ такою-же радостію какъ я ихъ привѣтствовалъ, при чемъ съ удовольствіемъ видѣлъ, что они меня помнили и любили. Пріемъ отъ товарищей-офицеровъ былъ холоденъ, потому что я давно уже отдѣлился отъ ихъ сферы. Сидя за большимъ столомъ, они проигрывали другъ другу сотни тысячь — на мѣлокъ, которымъ весь столъ былъ исписанъ. Командиръ роты, Капитанъ Ж***, принялъ меня съ пожатіемъ

руки, гораздо благосклоннѣе прошивъ прежняго. Я объяснилъ ему причину своего путешествія, и подалъ рапортъ, прибуя двухъ деньщиковъ; потомъ намекнулъ о лошади; на послѣднее получилъ формальный отказъ; но къ вечеру онъ выдалъ мнѣ аттестатъ на жалованье за Январскую треть, котораго я еще не получалъ.

Легкая рота Артиллеріи, N 47-й, съ которою отнынѣ я простился навсегда, доведена была Капитаномъ Ж*** до возможной исправности: гривы у лошадей подвязныя, хомуты съ бляшками, люди вытянуты, какъ гвозди; все блестѣло, все было ново. Важнѣе всего казалось то, что на киверахъ явились мѣдныя бляхи съ надписью: *За отличіе подъ Лейпцигомъ.* Это меня утѣшало потому, что я былъ изъ первыхъ участниковъ въ этомъ сраженіи, и однако самъ ничего не получилъ за то. Канонеры у него всегда въ дѣлѣ; каждый день, съ утра до вечера, то работаютъ въ мастерскихъ, швальняхъ, шорняхъ, то на ученьѣ; за то любо смотрѣть: они бѣгаютъ и поворачиваются съ пушкою, какъ съ игрушкой. . . .

Между тѣмъ я прочиталъ множество печатныхъ приказовъ Фельдмаршала. Во всемъ новый порядокъ, новыя постановленія,

строгость дисциплины, и новыя средства для военной экономіи. . . .

Получивъ отъ Капитана 46 талеровъ раціоновъ за прошедшее время, я нанялъ форшпанъ, и поѣхалъ обратно въ Кобургъ. Путь вдвое сократился. Хозяйка меня встрѣтила съ удовольствіемъ; я опять изъ деревенской хижины переселился въ свѣтлую городскую комнату, взглянулъ на цвѣтникъ, и увидѣлъ много новыхъ розъ.

Ввечеру пошелъ прогуляться въ Биргартенъ. Сегодня Воскресенье; не смотря на сырую погоду, всѣ Нѣмцы прогуливались по бульварамъ и въ садахъ. Весьма немного встрѣчалось пріятныхъ женскихъ лицъ; нарядъ женщинъ безобразенъ: на головахъ высокія шапки, въ видѣ отрѣзнаго конуса, изъ черной тафты; Саксонскаго покроя кофты и юпки покрываются сверху длиннымъ плащемъ. Этотъ Биргартенъ презанимательное гульбище. Подъ тѣнію высокихъ каштановыхъ деревъ, на одной террасѣ поставлены столы и скамейки; въ углубленіи видны два домика, которые всегда освѣщены. Въ одномъ изъ нихъ храмъ пивнаго божества, а въ другомъ неисчерпаемый источникъ пива. Нѣмцы здѣсь въ Воскресенье, какъ Жиды въ шабашъ, причемъ являются разныя лица, всякаго званія, пред-

ставляющія забавныя сцены. Тутъ офицеръ и солдатъ, купецъ и сапожникъ, студентъ и учитель, забываютъ свое превосходство или ничтожность — пиво всѣхъ равняетъ. Тутъ вся средняя публика, то есть цеховые, ученые, служащіе и вольнопрактикующіеся, собираются съ женами, любовницами и ребятишками, садятся фамильно за абонированные столики, какъ въ ложи, и за шесть крейцеровъ, кружкою пива всѣ пьяны. Я вошелъ въ это святилище тогда, какъ уже стало смеркаться. Фонари на деревахъ и свѣчи на столахъ, подъ тѣнію деревъ, дѣлали пріятный отблескъ и освѣщали разныя группы; романическій свѣтъ разливался по всѣмъ угламъ сокровенной кущи, въ которой въ полпьяна сидѣли длинноносый сапожникъ съ зубастою прачкою, или дебелый кучеръ въ ботфортахъ съ тощею нянькою. Тамъ молодые ландверы, съ товарищами, въ синихъ кафтанахъ, допиваютъ до дна кружку, и шатаясь на ногахъ, припѣваютъ: Vive la compagnie! Обшаривая карманы свои, каждый вытаскиваетъ по два крейцера за пиво; одинъ ландверъ насвистываетъ, а другой поетъ: *пошалуйте, сударина, сетте со мной редомъ, пошалуйте, сударина, наградите згледомъ;* потомъ хоромъ подхватыва-

ютъ всѣ: *протиръ, протиръ, отвѣжись, какой безпокойной*, и т. д. — Тамъ вокругъ стола, за пивомъ, сидитъ цѣлая компанія цеховыхъ кожевниковъ и перепаливается трубками; одни прищуривъ глаза, другіе сгорбясь и покачивая головою, споряпъ между собою, кто болѣе претерпѣваетъ отъ военнаго постоя; вычисляютъ, сколько крейцеровъ стоитъ каждый день постоялецъ-солдатъ, также сколько стоитъ офицеръ тихаго, или вспыльчиваго нрава, и сколько должно еще потеряпь имъ на реквизиціи. Но глотокъ любезнаго пива услаждаетъ все горе, которое наконецъ улетаетъ съ табачнымъ дымомъ. — Счастливый народъ! за шесть крейцеровъ каждый находитъ полное удовольствіе: напьется, накурится, наговорится, натѣшится до сыта, и въ пріятномъ угарѣ, шатаясь, приходитъ домой повторять во снѣ милыя сцены прошедшаго. Для удержанія пивныхъ братій въ предѣлахъ умѣренности, съ террасы ведетъ крутая лѣсенка о двѣнадцати ступенькахъ и безъ перилецъ, такъ, что иной ныряетъ черезъ нее прямо сверху, а другой считаетъ ступеньки затылкомъ. Однако все бываетъ тихо и спокойно. Почтенный бюргеръ, лишь почувствуетъ тяжесть въ головѣ, тотчасъ поплетется, въ тихо-

молку, домой, подпираясь суковатою дубинкою. Здѣсь не кричатъ во все горло, не распѣваютъ неблагопристойныхъ пѣсенъ и не дерутся. Въ такихъ обществахъ явственно обнаруживаются отличительныя черты народнаго характера. Русскіе Нѣмцы, участвовавшіе въ этомъ весельѣ Биргартена, которыхъ я довольно замѣтилъ, по возвращеніи въ Россію конечно съ восторгомъ вспомнятъ о Кобургѣ, если только не успѣютъ разсѣяться въ подобныхъ гарпенахъ Эстляндіи и Лифляндіи.

Наконецъ срокъ нашему отдыху кончился. Дивизіонный Оберъ-Кварпирмейстеръ, Подполковникъ Д***, отправляется впередъ, и съ нимъ меня командировали.

2го-Іюня я весьма прогательно простился съ своимъ хозяиномъ Шицомъ и съ его супругою Христиною, которые наговорили мнѣ премножество комплиментовъ, и желали, чтобы я былъ у нихъ вѣчнымъ постояльцемъ. Наконецъ подагрикъ, поднявшись на здоровую ногу, сказалъ мнѣ съ восклицаніемъ: »O, Herr Capitaine! Sie werden einmal ein grosser Mann!« — Wirklich, vielleicht in Kleinigkeiten! смѣючись отвѣчалъ я. Потомъ просилъ онъ написать ему мое имя и фамилію, и записку спряталъ тщательно въ потаенный ящикъ своего бю-

ро. Я довольно утѣшался простосердечіемъ этого добраго Нѣмца, котораго оставилъ не безъ сожалѣнія. Съ Кобургомъ-же простился, какъ небывалый въ немъ.

На другой день пріѣхали мы въ Минершпатъ, и пообѣдавши у толстой трактирщицы, пошли къ Ландрихтеру, живущему въ большомъ, хорошо умеблированномъ домѣ. Чтобы по силѣ дислокаціи не совершенно отяготили округъ постоемъ цѣлой дивизіи (около 15,000 войска), Ландрихтеръ съ семействомъ старались принять насъ, особенно Подполковника, какъ можно лучше. Тотчасъ явились передъ нами отличный десертъ, фрукты, варенья, конфеты, вино и кофе; но всего пріятнѣе при этомъ десертѣ была услужливость любезнаго семейства. Почтенная хозяйка дома, съ умнымъ лицомъ, занимала насъ бесѣдою о разныхъ предметахъ; между тѣмъ двѣ милыя ея дочки, Анета и Сабина, подносили намъ конфеты, и не замѣчали, что мы желали-бы вмѣсто всякихъ сладостей сорвать по поцѣлую съ рдяныхъ ихъ губокъ. Подполковникъ началъ трактовать съ Ландрихтеромъ, хозяйка ушла въ кладовую, а я остался съ дѣвушками забавлять ихъ гитарою, которая была у нихъ превосходна, въ видѣ теорбы. Въ замѣну сего Анета сѣла

за фортепаіно и сыграла мнѣ блестящее рондо Дюссека. Милая Сабина, какъ образъ самой невинности, была восхитительна: ея очаровательные глазки, веселая улыбка, румянецъ стыдливости могли плѣнить.—Подполковникъ кончилъ тракцію съ Ландрихтеромъ; хозяйка занимала его анекдотомъ о нашемъ Императорѣ, который, послѣ Лейпцигской битвы, въ преслѣдованіи Наполеона, изволилъ здѣсь ночевать, и подарилъ ей драгоцѣнный перстень; Анета виртуозничала за фортепіано, а я, стявши у чугунной печки, близъ экрана, любовался Сабиною, которая сидѣла у окна за бисерною работою.... Но время летѣло; дислокація была готова, и надобно было разстаться. При прощаніи, Ландрихтеръ и все семейство его усердно просили насъ навѣстить ихъ на возвратномъ пути; Анета съ Сабиною то-же говорили намъ взорами и провожали насъ до самой лѣстницы. Не безъ причины онѣ желали нашего возвращенія: въ такомъ небольшомъ городкѣ, какъ Минерштатъ, долженъ быть недостатокъ общества, соотвѣтственнаго образованію этого семейства. Холодный Нѣмецъ скорѣе возьмется за трубку табаку, нежели подсядетъ, по нашему, съ сказочками и со вздохами къ красавицѣ; онъ своей кружки пива

не промѣняетъ на улыбку, а съ трубкою табаку, даже на поцѣлуй Сабины. Съ того времени, какъ Наполеоновы волокиты отсюда скрылись, здѣшнимъ дѣвушкамъ конечно рѣдко случается видѣть, подобныхъ намъ, чтителей прекраснаго пола.

Изъ Киссингена пріѣхали мы въ Гамельбургъ въ 4 часа пополудни. Подъѣзжая къ этому городку, мы, выскочивъ изъ шеза, пошли по правому берегу Заалы, которая, имѣя возвышенный берегъ, покрытый виноградникомъ, въ миніатюрѣ почти то-же, что Марна въ Шампани. Тутъ, восхищаясь природою окрестностей, я вздумалъ освѣжиться въ водахъ купаньемъ. Сабина столько развлекла меня въ Минершпатѣ, что я забылъ при рапортѣ къ Генералу вложить дислокацію. Мы хватились объ этомъ уже въ Гамельбургѣ. Подполковникъ досадовалъ, а я мучился, тѣмъ больше, что заставилъ безпокоиться достойнаго уваженія человѣка; но онъ старался скрыть свою досаду шутками. Я самъ признался ему, что военному человѣку на походѣ влюбляться вовсе не годится. Изъ лучшихъ средствъ поправить мою ошибку, нашлось одно: послать дислокацію съ эстафетою прямо къ Дивизіонному Командиру, который завтра долженъ быть въ Рем-

хильдѣ, и эта эстафета стоила мнѣ послѣднихъ двухъ червонцевъ! — Вотъ какова Сабина!

Мѣстоположеніе около Брукенау несравненно лучше, нежели при Киссингенѣ и Гамельбургѣ. Я-бы, вмѣсто рая земнаго, желалъ поселиться съ Сабиночкою въ томъ отдаленномъ домикѣ, на горѣ, среди рощицы, при журчащемъ ручейкѣ, гдѣ источники минеральной, или живой и мертвой воды, чтобъ быть съ нею безсмертнымъ, вкушая вѣчное блаженство. . . .

До Шлихтерна шесть часовъ; дорога гористая и непріятная. Мы въ пути занимались чтеніемъ книгъ.

Дорога къ Гелленгаузену, что-же 6 часовъ, идетъ около р. Кинцигъ, по шоссе, чрезъ фруктовыя аллеи, и не столь гориста: это большая дорога отъ Фульды къ Франкфурту. Мѣстоположеніе по рѣчкѣ живописное: безпрестанно ландшафты. Хотя погода была пасмурная и накрапывалъ мѣлкій дождь, но я часто находилъ въ природѣ картины и оставлялъ чтеніе.

Гелленгаузенъ и Шлихтернъ принадлежатъ Гессенъ-Кассельскому Курфирсту; города весьма бѣдные, хотя домы въ нихъ каменные, и земля вокругъ плодоносная: при

хорошихъ средствахъ дурная наружность, значитъ плохое хозяйство.

Шлихтернъ такъ ветхъ, оборванъ, запачканъ, смраденъ, какъ у насъ Жидовское мѣстечко. Между жителями не встрѣчается ни одного пріятнаго лица. Впрочемъ мѣстоположеніе города довольно красиво: онъ стоитъ у подошвы горы, усѣянной виноградникомъ, и имѣетъ сады; снаружи онъ гораздо привлекательнѣе, нежели внутри. Примѣчательнѣйшее въ немъ зданіе, какъ архитектурою, такъ и древностію, есть церковь Фаро, существующая болѣе 600 лѣтъ, у которой верхній рогъ, по нашему колокольня, покривилась и угрожаетъ паденіемъ; но жители говорятъ, что архитекторъ нарочно сдѣлалъ такъ, для обмана и для показанія своего искуства, потому что не смотря на многолѣтнюю готовность обрушиться, кривая колокольня все существуетъ и пережила многихъ прямостоящихъ сестеръ своихъ: фундаментъ ея твердъ и конструкція обдуманная. Церковь окружена толстою каменною стѣною, въ оградѣ которой находится кладбище. Я замѣтилъ тамъ въ одной часовнѣ кучу костей: ихъ собираютъ изъ свѣжихъ могилъ, вырываемыхъ на мѣстахъ старыхъ; такимъ образомъ и въ землѣ нѣтъ мира между костями человѣческими! При-

шельцы-скелеты выгоняютъ старожиловъ, и въ свою очередь выгоняемы сами новичками, чтобы скитаться по бѣлому свѣту.

Внутренность храма достойна любопытства. Церковь сначала была Католическою, нынѣ Люторанская, а потому многія украшенія въ ней исчезли; но готическая рѣзьба на камняхъ осталась. Горбатый карло, кистеръ, или старостa церковный, гремя огромными ключами, отперъ намъ тяжелыя, скрыпучія двери, и водилъ къ престолу. Образа древней живописи точно такіе, какъ въ нашихъ Старообрядческихъ церквахъ, почернѣвшіе, на которыхъ чуть замѣтны лики и руки святыхъ, съ золотою краскою по коймамъ ихъ незамѣтныхъ рясъ. Надъ престоломъ стоитъ ящикъ, или кивотъ съ четырьмя Апостолами и Божіею Матерію, вырѣзанными весьма искусно изъ дерева во весь ростъ. Надъ Божіею Матерію блистала богатая, золотая или позлащенная корона, пріобрѣтенная Люторанами въ Тридцати-лѣтнюю войну. Надъ престоломъ выше воспаряетъ изображеніе Іисуса Христа, во весь ростъ, такъ-же изъ дерева. По лѣвую сторону престола стоитъ еще кивотъ, въ которомъ живо изображены святые Бонифацій, Іоахимъ и Рахиль, всѣ изъ дерева. Потомъ, еще лѣвѣе,

стоитъ Герцогъ Гюйонъ и мать его. По правую сторону престола стоитъ изображеніе Эрцбишофа Лавренція, основателя храма. Горбатый кистеръ весьма охотно рекомендовалъ намъ каждое лицо, и наконецъ не забылъ подставить руку, сказавши: Для бѣдности!

Мальчишки по улицамъ надоѣли намъ, навязываясь со своимъ факторствомъ. Отъ самой Саксоніи рѣдко встрѣчаются пригожія дѣвушки. Замужнія женщины здѣсь такіяже каррикатуры, какъ и мужчины.

Отъ Шлихтерна мы ѣхали по шоссе до Ганау девять часовъ; дорога веселая. Передъ городомъ, за нѣсколько верстъ, начинаются пески и лѣсъ. Тутъ-то Генералъ Вреде, въ за-прошломъ году, хотѣлъ поставить разбитой, отчаянной арміи Наполеоновой твердый оплотъ; но мѣстоположеніе для Баварцевъ было весьма невыгодно: пространство между двумя рѣчками хотя достаточное для развитія десяти тысячь войска, однако открытое, безъ мѣстныхъ случайностей, часто весьма полезныхъ для стрѣлковъ и артиллеріи; напротивъ того Французы были закрыты лѣсомъ, и командовали позиціею противниковъ, которая, ближе къ Ганау, съуживалась и стѣсняла всѣ движенія Баварцевъ. Сколь дурной выборъ позиціи

для войскъ небольшаго корпуса, хотѣвшаго поставить преграду разбитой, но еще многочисленной арміи, послужилъ въ пользу Французамъ: особенно кирасиры ихъ много порубили Баварской и Австрійской пѣхоты. Мѣльникъ на р. Кинцигѣ получаетъ пенсію за то, что посредствомъ шлюзовъ своей мельницы спасъ два полка Баварской кавалеріи, бѣжавшіе отъ Французовъ съ лѣваго фланга. Многія деревья по дорогѣ, разбитыя ядрами, и донынѣ свидѣтельствуютъ о жестокомъ сраженіи, бывшемъ при Ганау.

Городъ величиною будетъ въ половину Франкфурта; въ немъ домы каменные, большіе, но отъ древности почернѣвшіе. Въ улицахъ пусто. Жителей не видно. Во всемъ обнаруживается бѣдность, истощеніе — необходимыя слѣдствія военныхъ реквизицій и контрибуцій. Лавки, магазины и театръ заперты. Актеры уѣхали въ Гелленгаузенъ, встрѣчать наши войски торжественными представленіями. Нѣкоторые жители, бывшіе свидѣтели происходившихъ здѣсь кровопролитныхъ явленій, показывали на площади мѣста, гдѣ кто кого убилъ: тутъ, противъ ратуши у столба, Казакъ закололъ пикою Французскаго офицера, а тамъ изъза колонны той-же ратуши три Кроата

Австрійскіе не позволяли Французамъ показываться изъ улицъ на площадь, убивая на повалъ каждаго, кто являлся.

Мы съ Подполковникомъ, въ Ганау только пообѣдали, сочинили дислокацію, и спѣшили во Франкфуртъ, который въ разстояніи отсюда не болѣе 25 верстъ. На пути встрѣчались намъ кареты, какъ обыкновенно бываетъ передъ большими городами. Въ разоренной деревушкѣ Дернигхеймѣ купили мы тарелку черешни, и въ трактирѣ выпили кружку пива. Это прохладительное освѣжило насъ на пути, среди знойнаго дня. Только что мы остановились, какъ явился передъ нами на костыляхъ нищій и пять мальчиковъ, которые стали вертѣться колесомъ, или становиться на руки вверхъ ногами, и всѣ кричали: Дай мнѣ грошъ! — Такія встрѣчи около большихъ городовъ въ Германіи весьма обыкновенны и весьма непріятны.

Подъѣзжая къ Франкфурту, я чувствовалъ пустоту кошелька своего для такого города, въ которомъ съ деньгами можно найдти всякія удовольствія. За три версты явился передъ нами Франкфуртъ, съ своими загородными домиками, садами и булеварами. Подъѣзжая къ знакомымъ воротамъ, я чувствовалъ радость, которая бываетъ при

встрѣчѣ съ старымъ другомъ; съ удовольствіемъ вглядывался въ знакомые предметы, которые теперь казались въ лучшемъ видѣ, потому что я оставилъ ихъ зимою: и трактиръ *Бѣлаго Лебедя*, и театръ, и древній Рёмеръ, даже вывѣски и надписи на домахъ, все меня занимало.

Во Франкфуртѣ нашли мы Корпуснаго Оберъ-Кварпирмейстера, который долго трактовалъ съ градскими Сенаторами. Долго намъ не давали квартиры; наконецъ отвели для всѣхъ цѣлый домъ у Бокгеймскихъ воротъ, по дорогѣ къ Майнцу, принадлежащій ресторатёру Эгери. Квартира веселая, почти загородная; не далеко ботаническій садъ и булевары, по которомъ всегда прогуливалось множество народа. Городъ ожилъ своею независимостію и облюднился; противъ прежняго все улучшилось въ немъ. За то болѣе строгостей для военныхъ: всякому пріѣзжающему надобно явиться къ Коменданту, Полковнику Назимову, который назначалъ срокъ пребыванія; потакому назначенію отводили квартиру. Отъ Плацъ-Маіора Гринблаха надобно было взять засвидѣтельствованную квитанцію на фуражъ для лошадей, и по ней получить ассигновку изъ магистрата въ Рёмерѣ; потомъ идти въ магазинъ. На все это въ большомъ городѣ

требуются здоровыя ноги и довольно легкости; сверхъ того знаніе языка.

Ввечеру я никуда не ходилъ; даже полѣнился быть въ театрѣ, хотя еще въ казнѣ моей находилось для билета въ креслы 48 крейцеровъ; но болѣе потому напала на меня такая лѣность, что знавши Франкфуртскихъ актеровъ, я не ожидалъ отъ нихъ отличной игры въ двухъ бездѣльныхъ пьесахъ, означенныхъ въ афишкѣ.

ГЛАВА V.

ОТЪ ФРАНКФУРТА ДО РЕЙМСА.

Жиды. — Корреджіева картина. — Театръ. — Прогулки. — Извѣстіе о пораженіи Наполеона. — Движеніе войскъ. — Выѣздъ изъ Франкфурта. — Маинцъ. — Окрестности. — Дорога до Кузеля. — Натуральный кабинетъ у пастора. — Дорога до Гомбурга. — Диспозиція войскъ. — Саарбрикъ. — Сентъ-Авольдъ. — Бюсси. — Расположеніе жителей. — Образъ жизни Французовъ. — Извѣстіе о занятіи Парижа. — Путь до Эперне. — Занятіе Реймса.

9-го Іюня, рано поутру, посѣтили насъ Жиды съ товарами. Они столько-же дерзки здѣсь, какъ и въ Бердичевѣ: проникаютъ до самыхъ спаленъ, и прибираютъ, гдѣ что плохо лежитъ; такъ они украли мой бумажникъ со стола, полагая, что въ немъ были Русскія деньги.

Оберъ-Кварширмейстеръ нашъ уѣхалъ въ Ганау къ Корпусному Командиру; а мы, оставшіеся, были приглашены на обѣдъ къ хозяину, богатому ресторатёру. Высокій и

страшный Оберъ-Вахмейстеръ гремѣлъ басомъ черезъ весь столъ, разговаривая съ двѣнадцатилѣтнею Каролинхенъ, дочерью пятидесятилѣтняго Капитана, говорливаго Пруссака. Его супруга, съ вѣчно-улыбающимся личикомъ, въ пестро-махровомъ чепцѣ, сидѣла посреди всей почтенной компаніи, какъ между цвѣтами рожа. Мы въ своемъ рядку посмѣивались надъ словоохотными хвастунами, для приправы довольно изряднаго обѣда.

На другой день, съ Подполковникомъ Д*** ходилъ я къ одному ювелиру, который, между блестящими драгоцѣнностями, владѣетъ рѣдкою картиною Корреджіо, представляющею грудное изображеніе Іисуса въ терновомъ вѣнцѣ, держащаго сухой стебель тросшника. Она величиною не болѣе аршина въ длину, и по словамъ ювелира, стоитъ ему 1300 червонцевъ. Подлинно, послѣ этой головы, Корреджіо не долженъ былъ ничего писать: кажется, геній его истощился надъ нею.

Для оперы, Агнесы Сорель, я отдалъ въ театрѣ послѣдніе 48 крейцеровъ. Любовныя похожденія Короля Французскаго съ красавицею Агнесою въ замкѣ, составляютъ все содержаніе пьесы. Графъ Дюнуа, тоже влюбленный въ Агнесу, является сильнымъ

соперникомъ Короля. Чтобы отдалить Графа, Король жалуетъ его Генералиссимусомъ; Графъ благодаритъ его такимъ-же великодушіемъ, поднося побѣдный вѣнокъ, который возлагаетъ на Короля Агнеса. Послѣ этого Дюнуа уходитъ, чтобы вести войско противъ непріятеля. Король, оставшись безъ соперника съ Агнесою, восхищается своимъ успѣхомъ; но вдругъ получается приказъ отъ Генералиссимуса, чтобы всѣ военные отправились непремѣнно въ армію; въ противномъ случаѣ, не смотря ни на какое лицо, строго взыщется за ослушаніе, равно и съ тѣхъ, кто скроетъ военнаго. Въ силу такого приказа, Король долженъ былъ разстаться съ Агнесою, въ досадѣ на себя, зачѣмъ далъ своему сопернику званіе Генералиссимуса. Но онъ медлитъ. Вскорѣ самъ Дюнуа приходитъ, и говоритъ, что народъ хочетъ видѣть Короля; тогда Король невольно долженъ разстаться съ Агнесою; онъ отправляется къ арміи. Эта простая любовная интрига, растянута въ трехъ дѣйствіяхъ пустыми аріями. Музыка громкая, ревущая, искусная, но непріятная. Композиторъ, видно, хотѣлъ только показать свое знаніе контрапункціи, или генералъ-баса. Актеры, хотя довольно старались, но игра была безжизенная; любовь и любовь, сначала и

до конца пьесы, казалась приторною; непріятно было видѣть малодушіе Короля-вздыхателя, унижаемаго благородствомъ Графа Дюнуа.—Акперы здѣсь теперь лучше нежели были въ прошедшемъ году. Г. Гилль прекраснѣйшій мужчина, даже превосходнѣе Мангеймскаго Кайбеля; Мадамъ Уршпрунгъ, хотя довольно пожилая, поетъ чистымъ, легкимъ сопрано, почти такъ-же хорошо какъ Мадамъ Бушъ. Новая, маленькая акприса, лукавая брюнетка, уже не та Памина, которою я когда-то восхищался. Прежняя Мамзель Амбергъ представляла Пажа, и довольно ловко; но она уже не такъ хороша: теперь у нея носъ выросъ, и она стала сухощава. Г. Лессингъ, тотъ-же длинный Шалмей, всегда отличный буффо. Костюмъ былъ на всѣхъ блестящій, съ золотомъ и блестящими каменьями; декораціи хорошія.—На лѣвой сторонѣ, передъ сценою, бюстъ оригинальнаго драматиста Иффланда всегда смотритъ на акперовъ и возбуждаетъ ихъ таланты, какъ оживотворяющій геній. Публика въ театрѣ, казалось, была лучшаго тона, потому, что въ ложахъ много сидѣло нарядныхъ шляпокъ и чепцовъ, на дурныхъ и миленькихъ головкахъ. Нашихъ военныхъ не было видно; они еще не приходили. Въ ближайшей ложѣ я замѣтилъ одну

дѣвушку, прекрасную брюнетку, которая съ большимъ вниманіемъ слушала изъясненіе любви Короля и, казалось, желала-бы сама быть на мѣстѣ Агнесы. Дѣвушки вообще разнѣживались, почерпая прелестный урокъ въ этой пьесѣ, для повторенія тогоже въ будущемъ, а замужнія тѣмъ-же электризовались для настоящаго, и потому эта опера тѣмъ и другимъ весьма нравилась.

Нигдѣ не встрѣчалъ я столько пріятныхъ мѣстъ для прогулокъ, какъ вокругъ Франкфурта по булеварамъ. Особенно пріятна прогулка между двумя воротами, отъ Бокманспоръ до Эшенгеймишпоръ, по аллеямъ изъ акацій. Это дерево, по моему мнѣнію, для аллей лучше нежели жолудно-кашпановое (Hippocastanea), которое хотя высоко и красиво съ своими лапчатыми листьями, но не представляетъ такихъ пріятныхъ сокровенностей, какъ густо растущія, нѣжныя акаціи, въ которыя можно скрыться непроницаемо; сверхъ того, онѣ освѣжаютъ воздухъ благоуханіемъ своихъ цвѣтовъ. Подъ кашпанами начинается прогулка въ полдень, въ то время, когда нужна тѣнь отъ ихъ кудрявыхъ вѣтвей; а въ акаціяхъ про-

гулка кончается когда станешъ смеркаться.

Мы получили, черезъ газеты, важное извѣстіе о пораженіи Французовъ Веллингтономъ и Блюхеромъ въ Нидерландахъ. Дѣло началось 3-го Іюня и продолжалось четыре дня. Англичане и Пруссаки стояли безпечно на кантониръ-квартирахъ; первые около Брисселя, вторые около Намюра. Наполеонъ, со 150,000 войска, прорвался въ Шарльруа чрезъ р. Самбру, и разбилъ у Флеруса, Прусскій Корпусъ Генерала Цитена; при чемъ Пруссаки потеряли до 3000 убитыми и плѣнными. 4-го Іюня Наполеонъ послалъ Маршала Нея съ 20,000 къ Брисселю, противъ Веллингтона, а самъ устремился на Блюхера, который съ 80,000 ожидалъ его при Линьи, въ крѣпкой позиціи. Упорное сраженіе продолжалось цѣлый день; Прусская пѣхота отличилась своею твердостію, но кавалерія не устояла противъ Французскихъ кирасировъ. Пруссаки наконецъ были сбиты; самъ Блюхеръ, ушибенный съ лошади, былъ окруженъ Французами, и находился въ величайшей опасности; но они проскакали черезъ него безъ вниманія. Пруссаки въ этомъ дѣлѣ потеряли 15,000 войска и 40 орудій. Наполеонъ, пославши Маршала Груши съ

25,000-ми, преслѣдовать разбитыхъ Пруссаковъ, самъ 5-го Іюня пошелъ на Веллингтона къ Брисселю. Англійскій полководецъ успѣлъ собрать въ крѣпкую позицію, при Ватерлоо, только 70,000 войска противъ Наполеона, пришедшаго со 120,000. 6-го числа Французы устремились на непріятелей своихъ съ большимъ ожесточеніемъ. Начало и продолженіе было для нихъ весьма успѣшно. Они особенно усиливались въ центрѣ. Кавалерія ихъ окружила Англійскую гвардію, и рубила кареи Ганноверской пѣхоты. Хотя Веллингтонъ тремя полками своихъ драгуновъ успѣлъ опрокинуть Французскую кавалерію, но безпрерывныя усилія Наполеоновыхъ войскъ клонили побѣду на его сторону; всѣ резервы его были въ дѣйствіи. Уже Англичане стали отступать; Веллингтонъ ѣздилъ въ кареяхъ и убѣждалъ войски стоять. Минута для него была опасна. Наполеонъ не сомнѣвался въ торжествѣ своемъ, и день склонялся къ вечеру, какъ вдругъ, въ тылу и противъ фланга Французовъ, является Блюхеръ съ четырьмя Корпусами, и тѣснитъ непріятелей; Англичане ободряются, Французы отступаютъ. Наконецъ, когда Англійская конница изрубила два баталіона Старой Гвардіи Наполеоновой, то упомленные битвою Французы обратились въ бѣгство, къ Жеммапской до-

линѣ. Самъ Наполеонъ находился въ великой опасности: два гвардейскіе солдата провели его ночью мимо Пруссаковъ. Блюхеръ преслѣдовалъ бѣгущихъ во всю ночь, и заключилъ торжествомъ побѣды свое пораженіе. Только 40,000 Французовъ съ 30-ю пушками успѣли перейдти р. Самбру въ Шарльруа, а прочіе, около 100,000, были всѣ разбиты и разсѣяны; изъ нихъ до 40,000 легло убитыми и ранеными. Союзники потеряли также до 30,000 человѣкъ. 150 пушекъ и весь обозъ Французовъ, равно какъ весь обозъ Наполеона и Генераловъ его, достались побѣдителямъ. Причиною этого несчастія для Наполеона былъ, конечно, Генералъ Груши, который потерялъ изъ вида Блюхера, занявшись пустою удачею надъ Генераломъ Тилеманомъ при Варвѣ. При всемъ томъ, если-бы не присутствіе духа Генерала Веллингтона, то, можетъ быть, Наполеонъ успѣлъ-бы занять Бриссель прежде прибытія Блюхера. Прусскій полководецъ сдѣлалъ прекрасный манёвръ: оставивъ на жертву Груши Тилемана, онъ съ большею частію войскъ пошелъ на помощь союзникамъ. Но если-бы Наполеону удалось разбить при Ватерлоо Англичанъ, такъ-же удачно какъ Пруссаковъ при Линьи, то первые должны-бъ были сѣсть въ приморскія крѣпости, а

вторые отойдши къ Рейну. Тогда-бы дошла и до насъ очередь.

Между тѣмъ, 7-й пѣхотной дивизіи нѣсколько полковъ прошло черезъ Франкфуртъ: Псковскій, Московской, 11-й Егерскій и полкъ Казаковъ. Всѣ они дефилировали церемоніяльно мимо Корпуснаго Командира Генерала Дохтурова. Нѣмцы обрадовались, увидѣвши опять Русскихъ солдатъ; особенно слышны были восклицанія, когда проходили Казаки съ своими церковными знаменами.

Союзные Монархи въ Гейдельбергѣ получили извѣстіе о вторженіи Наполеона въ Нидерланды; тогда Шварценбергъ съ Австрійцами тотчасъ вступилъ во Францію. Нашему Корпусу съ кавалеріею велѣно было поспѣшить соединиться съ Корпусомъ Баварцевъ, подъ начальствомъ Генерала Вреде, уже подходившаго къ Нанси. Но по полученіи извѣстія о пораженіи Французовъ, насъ хотѣли остановить.

Корпусный Оберъ-Кварширмейстеръ уѣхалъ впередъ, сочинять дислокацію на кантониръ-квартиры за Рейномъ, по линіи отъ Биркенфельда, гдѣ станутъ Казаки, чрезъ Сенптъ-Вендель для 27-й дивизіи, Пешерсгеймъ для 24-й дивизіи, и до Кайзерслаутерна, гдѣ будетъ стоять 3-я драгунская дивизія. Въ Ландштулѣ, впереди драгуновъ, станетъ 26-я

дивизія; такимъ образомъ линія продолжится до Дюбена. 3-я гренадерская дивизія и резервные парки станутъ отъ Оппенгейма вверхъ по Рейну. — Мы не понимали, для чего-бы войскамъ теперь становиться на кантониръ-квартиры въ виду непріятеля, имѣя передъ глазами недавній примѣръ его вторженія; но видно непріятель такъ былъ ничтоженъ, что о немъ не помышляли. Положеніе нашего Корпуса было выгодное: онъ стоялъ по хребту Монтоннерскихъ горъ, соединяясь лѣвымъ флангомъ съ Австрійцами, отъ Страсбурга, а правымъ съ Пруссаками въ Трирѣ.

Потомъ прошла черезъ Франкфуртъ 27-я дивизія Генерала Сабанеева, нѣсколько лучше вчерашней. Но 24-я дивизія прошла еще лучше.

По газетамъ, Генералъ Вандаммъ отрѣзанъ отъ Парижа съ своимъ Корпусомъ, и въ отчаяніи застрѣлился. Пруссаки, по дорогѣ къ Мобёжу, отняли у Французовъ до 300 пушекъ и весь обозъ. Англичане идутъ черезъ Монсъ.

Въ театрѣ играли героическую оперу Весталку, однако не хорошо, хотя немного лучше прежняго. Актриса, представлявшая Весталку, была слишкомъ стара и обветшала для своей роли; новый актеръ Ре-

кель педантствуетъ, переиначиваетъ стихи по своему, и играетъ болѣе голосомъ, нежели фигурою; но онъ хорошо пѣлъ. Три малютки въ балетѣ опять восхищали меня собою. Музыка стала несравненно лучше, и капельмейстеръ хорошо управлялъ ею: скрыпки, валторны, гобои отличались передъ другими инструментами. За полчаса предъ начатіемъ пьесы уже вездѣ въ театрѣ такъ было тѣсно, что я въ партерѣ едва нашелъ мѣсто для своихъ ногъ.

Прощай Франкфуртъ! Мнѣ жаль было съ нимъ разстаться. Недавно только получилъ я отъ любезнаго Коммисіонера 24 червонца, и потому хотѣлъ-бы еще остаться на нѣсколько времени во Франкфуртѣ. Съ деньгами жить въ немъ весело, если-бы только театръ былъ лучше и жители общественнѣе. Между молодыми мужчинами болѣе хорошихъ лицъ, нежели между женщинами; старики-же, вообще, каррикатуры, большею частію въ рыжихъ парикахъ.

Мы съ Подполковникомъ Д*** выѣхали въ нарочно наняпой для насъ каретѣ. На пути обгоняли пѣхопу и артиллерію. Смотря на прежнихъ своихъ товарищей, идущихъ, шагъ за шагомъ, при артиллеріи, я почувствовалъ превосходство настоящаго

своего положенія противъ прежняго, и радовался, что сижу въ каретѣ съ Подполковникомъ, какъ съ другомъ, между тѣмъ какъ въ ротѣ я долженъ-бы идти пѣшкомъ и вытягиваться передъ Капитаномъ.

Въ Гохгеймѣ остановились мы въ трактирѣ *Золотой короны* позавтракать: за это, и съ бутылкою тридцатилѣтняго вина (по увѣренію трактирщика), которое не было очень кисло, взяли съ насъ три гульдена. Мать трактирщицы, толстая, сердитая старуха, недавно высѣкла розгами сорока-лѣтняго своего сына за непослушаніе. —Теперь Гохгеймъ не можетъ славиться виномъ: виноградъ не созрѣлъ, свѣжаго вина нѣтъ, а старое все распито проходящими и проѣзжающими союзниками.

Подъѣзжая къ Майнцу по тѣмъ высотамъ, на которыя мы, запрошлую зиму, во время блокады крѣпости, выходили по ночамъ караулить Французовъ, я съ удовольствіемъ угадывалъ мѣста, въ то время покрытыя снѣгомъ, а теперь зеленѣющія подъ виноградомъ. Деревню Костгеймъ, гдѣ сидѣли Французы, и тѣ каменныя развалины передъ нею, за которыми стоялъ дневной пикетъ нашъ, я привѣтствовалъ, какъ пріятелей. Эта деревня была защи-

щаема ретраншаментомъ шакъ, что если-бы и удалось намъ тогда взять ее, то мы находились-бы подъ перекрестнымъ огнемъ изъ крѣпости. Кассель, или часть Майнца, по сю сторону Рейна то-же съ бастіонами и ретраншаментомъ, представляетъ довольно сильную оборону; но съ нимъ вся крѣпость по ту сторону рѣки была-бы открыта. Здѣсь Рейнъ шириною 260 саженъ (*) ... Воды его теперь въ движеніи, какъ волнующееся море, красновато-мутныя; мостъ на судахъ швердый. По берегамъ прекрасные виды, особенно внизъ по теченію. Майнцъ, кажется, легче-бы взять по теченію воды канонерскими лодками, нежели съ сухаго пути. Городъ мнѣ не понравился: домы древніе, безобразной, тяжелой архитектуры; улицы неровныя; площади я не замѣтилъ. Отличнѣйшее зданіе есть готическая церковь изъ краснаго камня. Магазины не богаты товарами. Жители угрюмы, смотрятъ врагами; между ними много Жидовъ. Крѣпость занимаютъ теперь Австрійцы; бѣлые мундиры ихъ безпрестанно встрѣчаются глазамъ.

Мы зашли къ Полковнику Нейдгарту, присланному сюда отъ Фельдмаршала для

(*) Днѣпръ при Кіевѣ шириною 300 саженъ.

препровожденія войскъ черезъ крѣпость, и предсшавленія ихъ Авсшрійскому Эрцгерцогу Карлу. Нейдгаршъ шошчасъ послалъ меня опяшь въ Гохгеймъ, досшавишь Генералу Ро-шу распорядокъ вступленія 24-й дивизіи.

Я не нашелъ Генерала въ Гохгеймѣ, и избѣгалъ весь городъ ошыскивая Адъюшаншовъ, или кого либо изъ свиты его. Наконецъ Нѣмцы показали мнѣ домъ, гдѣ, по ихъ мнѣнію, находился Генералъ. Я вошелъ шуда, и увидѣлъ — Маіора съ генеральскою спѣсью, кошорому передалъ письменное приказаніе Нейдгарша. Къ несчасшію, у меня раскова-лась лошадь, и я насилу выѣхалъ изъ Гохгей-ма въ шри часа пополудни. Мнѣ надобно было поспѣшь въ Генсингенъ, 20 верспъ за Рейномъ, и сняшь дороги опъ Майнца по шу сшорону рѣки. Лѣнивая лошадь малымъ шагомъ выводила меня изъ шерпѣ-нія. Я выѣхалъ изъ Майнца чрезъ Минсшер-скія ворота и запушался въ дорогахъ около крѣпосши; однако взявъ правѣе, попалъ на шу самую, по кошорой должна была слѣдо-вашь 24-я дивизія. Уже пригоповивши сѣшь для внесенія дороги на Нидеръ-Гильберс-геймъ, я вмѣсшо шого долженъ былъ ѣхашь на Нидеръ-Ингельгеймъ. — Взоры мои осшанавливались болѣе на правой сшо-ронѣ, надъ прекрасными видами береговъ

Рейна, гдѣ обиліе обѣщало много удовольствій для жизни. Широкій Рейнъ, между синими горами, извивается какъ сребристый змѣй, испещренный островами; по берегу, деревеньки съ красными крышами домиковъ прячутся за лѣсками, и отлогости пригорковъ усѣяны виноградникомъ. Въ Вакернгеймѣ миловидная Нѣмочка подала мнѣ, за два гроша, тарелку съ черешнею, которая утолила мою жажду. За Нидеръ-Ингельгеймомъ я простился съ Рейномъ, поворотивъ налѣво, для обзора окончательнаго пути до Генсингена. Это мѣстечко не показалось мнѣ пріятнымъ, по причинѣ пасмурной погоды и песчаной дороги. Здѣсь засталъ я своего Подполковника за дислокаціями, которыя онъ долженъ былъ успѣть сдѣлать и тотчасъ послать въ дивизію. Такимъ образомъ выѣздъ изъ Франкфурта чрезъ Майнцъ былъ тяжелъ для насъ. Я проѣхалъ около 70 верстъ, большею частію верхомъ, очень устадъ, и спалъ какъ мертвый.

На другой день, вчерашній путь я внесъ карандашемъ на бумагу и приготовилъ сѣть для будущаго перехода; для этого долженъ былъ еще остаться на мѣстѣ, снимать дорогу и догонять своихъ верхомъ. 27-я дивизія шла по самой дорогѣ, и нѣсколько мнѣ мѣшала; но дождь препятствовалъ бо-

лѣе. Мѣстоположеніе по лѣвую сторону Рейна отъ Майнца возвышается; тутъ являются небольшія горы: для нихъ я долженъ былъ исчерпать весь листъ бумаги. На Монтоннерскихъ горахъ жители бѣдны, оборваны и грубы. При Гохштетѣ очень высокая гора; на лѣво, при Оберъ-Мошелѣ, есть развалины древняго замка; на право ужасныя пропасти. Все это дало мнѣ идею о величіи Альпійскихъ горъ въ Швейцаріи, которыя страстно желалъ-бы видѣть. Дорога здѣсь идетъ надъ рѣчкою, по обрывистому берегу до самаго Мансенгейма; по обѣимъ сторонамъ въ горахъ рудники, гдѣ добываютъ желѣзо и ртуть. Въ Мансенгеймѣ засталъ я своего Подполковника, и мы обѣдали въ трактирѣ *Девяти сестеръ*. По приказу Корпуснаго Оберъ-Квартирмейстера, мнѣ надлежало ѣхать въ Кайзерслаутернъ за дислокаціею на каптониръ-квартиры, по назначенію отъ Фельдмаршала; но, къ счастію, мы поймали ее на пути. Мой прежній Дислокаціонъ-Мейстеръ, Подполковникъ М***, назначилъ впереди для 7-й дивизіи на дневку нашъ этапъ, 24-й дивизіи, Лаутеръ-Экенъ. Для перемѣны этого я долженъ былъ ѣхать къ нему ночью въ Кузель. Въ три часа ночи поѣхалъ онъ въ Ульметъ, къ Начальнику Дивизіи, а я потре-

бовалъ себѣ кварширу, которую отвели мнѣ у Пастора-натуралиста. Утомленный суточною ѣздою, я завалился, не раздѣваясь, спать, и проспалъ до 9 часовъ утра, покуда самъ Корпусный Оберъ-Кварширмейстеръ не разбудилъ меня своимъ посѣщеніемъ.

Поутру ко мнѣ въ домъ пришли Генералъ Ж***, Полковникъ Н****, и многіе другіе. Всѣ мы отправились въ верхній этажъ, смотрѣть натуральный кабинетъ Пастора: его чучелы, камни и минералы, собираемые имъ съ Монтоннерскихъ горъ болѣе двадцати лѣтъ. Между прочимъ увидѣли мы у него рѣдкости: бѣлыхъ мышей, бѣлыхъ воробьевъ, чернаго зайца, чернаго волка и дикую кошку; такъ-же видѣли соколовъ, ястребовъ, совъ, фазановъ, попугаевъ, и всякую всячину. Изъ камней замѣчательны были: сердоликъ, сапфиръ и кристалъ. Но все это я разсматривалъ какъ сонный, и во весь день почти спалъ ходя: столько утомили меня прошедшіе дни.

Оставаясь въ Кузелѣ цѣлый день, я чертилъ набѣло сняшыя мною дороги отъ Майнца. Пасторъ хорошо угощалъ насъ, оказывалъ много приверженности къ своимъ единоплеменнымъ, и разстался съ нами утирая платкомъ на глазахъ слезы, отъ излишней чувствительности.

Къ вечеру пріѣхали мы въ Пепперстеймъ, гдѣ весьма тѣсно было для расположенія Штаба Дивизіоннаго. Нечаянно попалъ я на ужинъ къ большому столу Р***. Тутъ присутствовала вся его свита. Адъютантъ, влюбленный въ себя, не менѣе Нарциса, услужливый Швейцарецъ, служащій въ егеряхъ волонтеромъ, Маіоръ N***, и щеголеватый лекарь, составляли свиту Его Превосходительства, гдѣ между Русскими фразами надобно было непремѣнно влепить нѣсколько Французскихъ словъ.

18-го Іюня пріѣхали мы въ Гомбургъ, для расписанія по диспозиціи Фельдмаршала квартиръ-кварширъ 24-й дивизіи. Эта дивизія, вмѣстѣ съ 7-ю, составляютъ правый флангъ наступательной колонны; онѣ пойдутъ чрезъ Саарбрикъ и Сентъ-Авольдъ до Понтъ-а-Муссона при Мозелѣ. 12-я и 26-я дивизіи пойдутъ въ центрѣ на Нанси. 9-я и 27-я дивизіи, подъ начальствомъ Генерала Сабанеева, будутъ прикрывать означенное движеніе, наблюдая крѣпости Мецъ, Сарлуи и Тіонвиль; а Графъ Ламбертъ съ кавалеріею откроетъ путь, проходя чрезъ Мозель до Тіокура.

При насъ черезъ Гомбургъ проѣзжалъ Фельдмаршалъ, съ Начальникомъ своего Штаба,

весьма не пышно! Онъ довольно старъ, однако бодръ и веселъ. Штабъ его, состоящій почти изъ 300 штабъ и оберъ-офицеровъ разнаго званія, остановился въ Гомбургѣ и стѣснилъ нашъ Дивизіонный. При всемъ томъ я досталъ себѣ хорошую квартиру.

По газетамъ, Наполеонъ принужденъ вовсе отказаться отъ престола Франціи и отъ титула Императора. Въ Парижѣ его приверженцы составили новую конституцію, и признали Королемъ Франціи его сына. 100,000 войска защищаютъ столицу. По этому, кажется, война не кончена, и мы можемъ надѣяться участвовать при вторичномъ покореніи Парижа.

Восемь дней тому, находящіеся впереди насъ Баварцы съ Генераломъ Вреде, узнавъ о нашемъ приближеніи, взяли укрѣпленный городъ Саарбрикъ и потеряли только тридцать человѣкъ; 300 юношей національной гвардіи отчаянно защищали предмѣстіе Сенъ-Жакъ, составляющее тетъ-де-понъ по сю сторону р. Сары. Здѣсь граница старой Франціи; однако жители говорятъ болѣе по-Нѣмецки. Несчастные встрѣчаютъ насъ съ боязнію. Нѣтъ въ нихъ той энергіи и патріотизма, которыми насъ стращали въ газетахъ. Оборванные, обгорѣлые, истощенные поселяне изъ окрестныхъ деревень

несутъ послѣднія деньги въ городъ, на вино для военныхъ гостей своихъ. Сенпъ-Имбертъ одинъ получилъ 5,000 постояльцевъ, такъ что жители съ плачемъ оставляли домы свои. На пространствѣ 16 верстъ надобно было размѣстить три дивизіи, или 45,000 войска. Теперь въ Саарбрикѣ поставлена вся 27 дивизія.

Выѣзжая изъ города, мы пробивались чрезъ полки 27-й дивизіи, шедшіе къ Мецу. Вотъ уже Рускіе вторично попираютъ землю Французовъ, своихъ любезныхъ враговъ! Дороги прекрасныя шоссе.

Въ Сенпъ-Авольдѣ остановились мы для ночлега. Здѣсь уже говорятъ и живутъ по Французски; принимаютъ насъ очень ласково и съ боязнію. Моя хозяйка насказала мнѣ, что не только Наполеонъ сложилъ съ себя корону и послалъ депутатовъ къ Государю нашему, но что Союзники уже въ Парижѣ, и скоро будетъ миръ. У хозяина, Французскаго Нѣмца, шесть дочерей, изъ которыхъ три невѣсты: младшая, въ зеленомъ платьѣ, была прекраснѣе всѣхъ, и очень печальна потому, что ея любезный въ національной гвардіи у Наполеона.

Въ десяти верстахъ отъ Меца, въ деревню Бюсси, мы пріѣхали очень безпечно, поодиначкѣ. Французы теперь вовсе не то,

что были прежде: они, встрѣчаясь на пути, охотно показывали дорогу намъ; разговаривали о чемъ угодно, не смотря на то, что многіе изъ нихъ попадались вооруженные косами. Въ каждой деревнѣ на пути, видя насъ, поселяне собирались, и обступая кругомъ, любопытствовали съ пріятнымъ видомъ узнать, зачѣмъ мы пріѣхали; они подпѣвали насъ виномъ, и увѣряли даже, что къ Рускимъ особенно расположены. Теперь они вовсе не имѣютъ браннаго духа.

Бюсси малая деревушка, съ замкомъ; но обитатель его оставилъ только старыя газеты, и перебрался съ своимъ богатствомъ въ Мецъ, гдѣ, сказываютъ, собраны милліоны добра изъ цѣлой Франціи. Государь нашъ приказываетъ становить Корпусные и Дивизіонные Штабы по деревнямъ, чтобы скрыть чрезъ то настоящее движеніе войска, и дать Французамъ видъ блокады Меца. Въ замкѣ съ трудомъ нашли мы продовольствіе, и пили одну воду. Французы изъ Меца могли-бы ночью насъ взять, потому что во дворѣ нашемъ для охраненія стояла въ карауле только полурота егерей. Передъ нашимъ прибытіемъ, Бѣлорусскіе гусары, изъ авангарда Графа Ламберта, имѣли здѣсь стычку съ Французами изъ Меца; при чемъ,

съ помощію Казаковъ, взяли у нихъ до 100 челов. въ плѣнъ; за то поперяли своихъ 4 убитыми и 15 ранеными.

Понтъ-а-Мусонъ болѣе Сентъ-Авольда; стоитъ на р. Мозелѣ, которая здѣсь шириною сажень 70. Тутъ заспали мы своихъ авангардныхъ гусаровъ на бивакахъ.

Сентъ-Міель лежитъ на р. Маасѣ, которая извилиста и не уже Мозеля. Городъ почти жидовскій по своей нечистотѣ и неправильности; однако мы имѣли хорошія квартиры, между тѣмъ какъ Корпусные и Дивизіонные Командиры тѣснились по деревнямъ. Жители принимали насъ дружелюбно, какъ гостей, и мы путешествовали какъ сантименшальные Іорики, не замѣчая военнаго духа. Сами Французы безпечно сидѣли на улицахъ; женщины передъ дверями дома плели кружева, или шили и пряли, какъ среди глубокаго мира.

Строенія въ городахъ у Французовъ весьма древней, тяжелой архитектуры, которая встрѣчается часто на картинкахъ; домы каменные, просторанные, съ широкими плоскими крышами; стѣны толстыя, трубы высокія; окна большія съ желѣзными рѣшетками; двери съ тяжелыми затворами. Внутри домовъ, камины обложены не рѣдко мраморомъ; надъ каминомъ зеркала, картины и вазы съ иску-

сшвенными цвѣтами. Камины составляютъ лучшую мебель въ домѣ. Полы лакированные, покрытые плетеными изъ соломы цыновками. На стѣнахъ красивые обои. Кроваши желѣзныя и подвижныя; тюфяки на нихъ кожаные, и одна круглая, большая подушка, во всю ширину кроваши. Дворы большею частію вымощены камнемъ. Кухни обширныя, очагъ на полу и длинный столъ по срединѣ. По утрамъ кофе подаютъ въ полоскательныхъ чашахъ, съ ломтями поджаренаго хлѣба; за столомъ всегда вино, и послѣ обѣда, вмѣсто чаю, десертъ. Одно только не хорошо, что въ домахъ неопрятно; особенно не надобно заглядывать во Французскую кухню, чтобы не имѣть отвращенія къ ихъ лакомымъ блюдамъ. Мужчины большею частію средняго роста, плотные, здоровые, съ смуглыми лицами; только старики худощавы. Простые Французы ходятъ всегда въ синихъ холщевыхъ кителяхъ, въ калпакахъ, и въ тапиблетахъ, или въ деревянныхъ башмакахъ, *сабо*. Простыя Француженки, какъ Нѣмки, носятъ всегда чепцы, или круглые, наподобіе Русскихъ, кокошники; онѣ большею частію толсты и жирны. Я очень рѣдко видалъ тощихъ Француженокъ, какихъ между Нѣмками множество. Дѣвушки почти всѣ брюнетки, румяныя, толстенькія,

проворныя, но безъ привлекательности въ чертахъ лица, и не имѣютъ той нѣжности и плѣнительности во взорахъ, которою обладаютъ Нѣмочки. За то ножки у Француженокъ прекрасны, и, съ ихъ модою носить высоко платье, весьма привлекательны.

Здѣсь мы дневали, и получили перемѣну дирекціи марша — поворотъ на Сенъ-Мену.

25-го Іюня переѣхали въ Невиль. Въ квартирахъ войскъ сдѣлалось замѣшательство, отъ неимѣнія карты у начальника дивизіи. Проводникъ, посланный отъ насъ съ дислокаціею, чуть не завелъ Генерала Р*** къ Вердёну. О Французахъ, или непріятеляхъ нашихъ, ни слуху, ни духу.

На другой день вступили мы въ Шампань, до Пассавана. Безногій Французскій солдатъ изъ Парижа сказывалъ намъ, что Пруссаки тамъ уже съ третьяго дня гуляютъ. Не смотря на готовность Французовъ защищать свою столицу, которую укрѣпили они только по правую сторону р. Сены, Блюхеръ забрался въ городъ съ лѣвой стороны, или съ тыла, чего Французы вовсе не ожидали. Хотя 19-го числа авангардъ его былъ разбитъ при Версали, но онъ занялъ Сенъ-Клу и Мёдонъ, между тѣмъ какъ Веллинг-

шонъ съ Англичанами занялъ переправу черезъ Сену при Нёйльи. Французы должны были раздѣлишь свои силы по обѣимъ сторонамъ рѣки. 21-го числа нападеніе ихъ на Пруссаковъ было неудачно. Въ городѣ, когда узнали, что Австрійцы въ Труа, Баварцы въ Эперне и Рускіе въ Шампани, то войски тотчасъ рѣшились на капитуляцію. 30,000 Пруссаковъ вступили въ Парижъ, подъ начальствомъ Генерала Цитена.

Мы получили новый маршрутъ до Мо; опредѣлено въ четыре дни пройдти 40 Французскихъ миль, или 160 верстъ.

Меръ, правишель нашей деревни Пассаванъ, принялъ насъ съ большою боязнію. Сюда спаслись всѣ красавицы изъ Баръ-Ледюка, и съ той дороги, по которой идутъ Баварцы.

До Сомпура 5 миль. Мнѣ можно было заѣхать въ Сенъ-Мену; но я столько былъ занятъ съемкою дорогъ и позицій при Понтъ-а-Ванданжеръ съ шанцами, что уже пріѣхавши въ Сомпуръ вспомнилъ о своемъ старомъ пріятелѣ въ Сенъ-Мену, Оберъ-Форстмейстерѣ Мосьё Фортенѣ.

Отсюда до Шалона голая Шампань: поля сѣрыя, безплодныя, земля известковая, а потому хлѣбъ на нихъ такъ-же тощъ, какъ у

насъ въ Бѣлоруссіи на пескахъ. Деревни очень рѣдки. При д. Вальми замѣчательна позиція, на которой Французы разбили Пруссаковъ во время Революціи, или, лучше сказать, ошкуда Пруссаки, побѣжденные виноградомъ, были преслѣдуемы диссантеріею. Жители очень бѣдны и раззорены проходящими впереди насъ Баварцами; разсѣявшись теперь по пустымъ бивакамъ, они собирали клочья соломы и лоскутья тряпокъ, думая тѣмъ вознаградить свои убытки. О политикѣ, особенно бабы, смѣло разсуждаютъ: онѣ разсказывали намъ, что Союзники, занявши Парижъ, не согласны въ выборѣ Короля для Франціи: Австрійцы поддерживаютъ партію, желающую возвести сына Наполеонова; но Англичане возвели опять Людовика; Пруссаки заняли военные арсеналы, и къ засѣдающимъ въ Палатахъ приставили караулъ. — Это говорили простыя бабы сельскія, по нашему мужички!

За двѣ мили дальше въ Свинѣ, увидѣлись мы опять съ Корпуснымъ Оберъ-Квартирмейстеромъ, который, не бывши извѣстенъ о перемѣнѣ дирекціи марша, продолжалъ сочинять дислокаціи за Баръ-Ледюкъ, и далѣе, но не видя за собою войскъ, послалъ извѣстіе объ этомъ къ Генералъ-Квартирмейстеру который удивился такой странности. Я

начершилъ перомъ съемку дорогъ за семь переходовъ; Оберъ-Кварпирмейстеръ послалъ ихъ къ Генералъ-Кварпирмейстеру.

Шампанскія степи продолжаются. Мы проѣхали большую дорогу отъ Шалона къ Реймсу, и видѣли Шалонъ издали. При д. Бисей рѣка Марна, въ берегахъ своихъ, предспавляетъ прекрасные виды. При Аи, Мюшини, Дизи и Эперне береговыя горы сплошь покрыпы виноградникомъ, производящимъ самое лучшее шампанское вино. Между обширною зеленью этого драгоцѣннаго произведенія природы, какъ между лѣсомъ, бѣлѣются только рубашки виноградарей, подрѣзывающихъ спебли.

Чрезъ Эперне вчера проѣхалъ нашъ Государь съ Имперапоромъ Авспрійскимъ и Королемъ Прусскимъ. Французы здѣсь уже надѣли бѣлыя кокарды на шляпы и выспавили бѣлыя проспыни на рапушѣ, въ видѣ знаменъ.—У насъ въ войскахъ происходило молебспвіе за счаспливое окончаніе войны, въ продолженіе копорой мы не видали непріяпелей. Хозяинъ нашъ, Мосьё ла Шапель, запоилъ насъ спарымъ Эпернескимъ виномъ, копорое густо и желпо, какъ прованское масло.

Наконецъ Оберъ-Кварпирмейстеръ получилъ опъ Графа Ламберпа копію съ прика-за Фельдмаршала, по копорому значится,

что какъ впереди всѣ мѣста раззорены и заняты союзными войсками, то Корпусъ нашъ до времени остановишь въ Бомонѣ, Свипѣ и около Реймса, гдѣ будетъ Корпусная Штабъ-Квартира. Такая новость намъ весьма не понравилась, потому что мы хотѣли быть въ Парижѣ; въ утѣшеніе за это поѣхали въ Реймсъ. На пути обгоняли авангардныхъ гусаровъ.

Реймсъ былъ занятъ двумя тысячами Гессенскихъ войскъ, изъ Корпуса Баварцевъ Фельдмаршала Вреде. Комендантъ, пользуясь своею важностію, среди дня заперъ всѣ ворота, и не хотѣлъ впускать Рускихъ. Мы часа съ четыре ожидали за воротами его рѣшенія. Наскучивъ такимъ ожиданіемъ, я полѣзъ черезъ первые палисады, не уважая просьбы часоваго, который упрашивалъ меня не дѣлать исторіи. Мнѣ удалось вскочить на самый верхъ зубцовъ, но увидѣвши впереди еще двое крѣпчайшихъ воротъ, я долженъ былъ слѣзть, и желѣзный гвоздь жестоко ранилъ мое платье. Однако доложили Коменданту, что мы намѣрены штурмовать ворота, и онъ тотчасъ велѣлъ всѣхъ впустить, конечно въ избѣжаніе исторіи. Но Корпусный Командиръ нашъ, Генералъ Дохтуровъ, и Дивизіонный Генералъ Капцевичъ со свитою, давно уже находились

въ Реймсѣ, безъ войскъ и безъ стражи, окруженные Гессенцами, о чемъ мы вовсе ничего не знали — и Комендантъ не хотѣлъ впустить насъ! Все это было что-то странно. Оберъ-Квартирмейстеръ тотчасъ поѣхалъ къ Гессенскому Генералу, и силою свой дипломатіи убѣдилъ его на другой день уступить намъ городъ — безъ драки.

Хозяйка наша была услужлива, но не расщедрилась на вино такъ, какъ Мосьё ла Шапель въ Эперне. — Ввечеру мы истоптали ноги по мостовымъ улицъ, и не находили никакихъ предметовъ пріятнаго развлеченія; здѣсь не было маленькихъ факторовъ или ночныхъ амуровъ: видно, нравственность у Француженокъ, въ этомъ отношеніи, не столько повреждена какъ у Нѣмокъ!

ГЛАВА VI.

РЕЙМСЪ.

Состояніе города.—Квартира.—Жизнь въ Реймсѣ.—Гессенцы и Рускіе. — Театръ. — Нѣчто о Француженкахъ. — Музыкальный вечеръ. — Невѣжество Французовъ. — Странность въ театрѣ. — Поѣздка на мызу. — Энтузіазмъ Французовъ. — Частныя обстоятельства. — Мнѣніе Французовъ о Рускихъ.

Реймсъ большой городъ, въ длину болѣе шрехъ верспъ, а въ окружносши до семи, обведенный спѣною; въ немъ до 40,000 жишелей. Его валъ, спѣна и ровъ могли служишь обороною въ рыцарскія времена, когда не было арпиллеріи; нынѣ защищашься онъ не можешъ, будучи со стороны Шалона окруженъ высошами, которыя имъ командуюшъ. Въ немъ шесшь ворошъ. Лучшая улица идешъ прямо ошъ Св. Бернарда или ошъ Вельскихъ ворошъ чрезъ Королевскую площадь, до Цереринихъ ворошъ, поперегъ города. Небольшая рѣчка Вель прошекаешъ подъ спѣ-

ною за городомъ, къ сторонѣ Парижа; внутри города есть много фонтановъ. Впрочемъ Франкфуртъ, Дрезденъ, Лейпцигъ превосходнѣе Реймса. Вообще Нѣмецкіе города лучше Французскихъ, относительно обширности, архитектуры, чистоты и опрятства. Во Французскихъ городахъ все думаешь, что въ нихъ обитаютъ Жиды: изъ домовъ выбрасываютъ весь соръ на улицы, посреди которыхъ текутъ смрадные ручьи. Во Французскихъ деревняхъ, хотя также домы каменные, но передъ каждымъ домомъ кучи навоза загромождаютъ улицы. Ничего нѣтъ забавнѣе въ Реймсѣ, какъ бабы-крикуньи съ овощами, разгуливающія на ослахъ отъ семи часовъ утра до трехъ пополудни, то есть до тѣхъ поръ, пока всѣ въ городѣ пообѣдаютъ. При каждомъ домѣ въ воротахъ есть толстыя двери, обитыя желѣзомъ, съ тяжелыми запворами и съ колокольчикомъ, отъ котораго проволока проведена къ замочной ручкѣ такъ, что кто тронетъ дверь, тотчасъ колоколъ звонитъ на лѣстницѣ. Окна въ домахъ большею частію обращены внутрь дворовъ, а наружныя съ желѣзными рѣшетками. Домъ всегда загороженъ высокою стѣною или строеніями. Все это дѣлается въ предосторожность отъ воровъ и разбойниковъ. Вслучаѣ от-

чаянной защиты города, каждый домъ можетъ служить цитаделью. На Королевской площади есть прекрасные открытые домы, въ нѣсколько этажей, съ большими окнами.

Квартира у меня съ Подполковникомъ Д*** весьма хорошая. Хозяйка наша, фабрикантша суконъ, или купчиха, вдова, госпожа Ганріо. У нея три дочери и двое сыновей; при всемъ томъ сама еще довольно мила и свѣжа. Насъ всегда призываютъ къ изобильному завтраку, въ 10 часовъ утра, и къ богатому обѣду въ 4 часа по полудни. Всегда есть тутъ вино, фрукты и конфеты. Послѣ обѣда, сидя за десертомъ, мы, съ часъ, еще шутимъ и балагуримъ — для дижестіи, вмѣсто кофе. Изъ-за стола можно встать, когда угодно, и опять садиться за столъ. Водку пьютъ послѣ обѣда. Дамы то-же пьютъ что мужчины, и то-же говорятъ; онѣ въ каламбурахъ не уступаютъ мужчинамъ.

Въ Реймсѣ жить намъ не скучно и не весело. Не скучно потому, что время, кромѣ занятій по службѣ, скоро проходитъ за завтракомъ и обѣдомъ; а не весело потому, что нѣтъ никакихъ общественныхъ удовольствій. Весело бываетъ тогда, когда всѣ веселятся; а здѣсь нынѣ каждый озабоченъ или обязанностями по должности, или домашними об-

стоятельствами, и единственно для разсѣянія идетъ въ театръ, или прогуляться гдѣ нибудь, неразлучно съ думою. Для насъ-же, пришельцевъ, въ непріятельской, или чужой землѣ, сколько-бы ни представлялось доброжелательства, все оно что-то не веселитъ, потому что все это мнимое доброхотство является изъ необходимости, а не отъ чистаго сердца. Французы теперь оказываютъ много пріязни Рускимъ, предпочтительнѣе передъ войсками всѣхъ націй, потому что они пріятнымъ образомъ разувѣрились въ своемъ нелѣпомъ мнѣніи о нашемъ мнимомъ варварствѣ, находя между Рускими болѣе для себя друзей, нежели непріятелей. Напротивъ того Пруссаковъ, Баварцевъ, Гессенцевъ и другихъ, они страшатся и ненавидятъ. Отъ того при сближеніи Пруссаковъ, Баварцевъ, Гессенцевъ и другихъ Нѣмецкихъ войскъ, всѣ жители изъ деревень разбѣгаются, а къ Рускимъ сами выходятъ на встрѣчу. Рускій не возьметъ болѣе нежели сколько ему опредѣлено отъ строгаго начальства, и всегда доволенъ тѣмъ, что самъ хозяинъ для него выставитъ. Пруссаки-же вездѣ даютъ себя чувствовать Французамъ. Въ Парижѣ, говорятъ, они хотѣли взорвать Іенскій и Аустерлицкій мосты; но пріѣздъ нашего Государя

спасъ эти памятники отличнаго зодчества. Союзники теперь имѣютъ въ своихъ рукахъ всѣ средства, если захотятъ, раздѣлить Францію, потому что послѣднія усилія Французовъ оказались тщетными, и они совершенно истощились въ средствахъ. Кажется, мы до тѣхъ поръ будемъ гостить у Французовъ, покуда они не выполнятъ всѣхъ требованій побѣдителей, и не истребится у нихъ партія Наполеонистовъ, засѣвшая въ крѣпостяхъ.

Французы весьма обрадовались и оживились, когда Рускіе совершенно заняли Реймсъ: Гессенцы заперли было ихъ въ палисадахъ, для того чтобы они не разбѣжались, и наложили контрибуцію въ 300,000 франковъ, кромѣ реквизиціи на все войско шпиблетами, башмаками, табакомъ, виномъ и прочими необходимостями. Они не хотѣли насъ впускать, предчувствуя, что мы помѣшаемъ имъ пограбить несчастныхъ Французовъ, въ вознагражденіе частію тѣхъ пожертвованій, которыя они сдѣлали для общаго вооруженія. Точно, Генералъ Дохтуровъ, впустивши въ городъ полкъ пѣхоты и три роты артиллеріи, и занявши такимъ образомъ городъ, запретилъ жителямъ выдавать требуемую Гессенцами контрибуцію; потомъ разрушилъ палисады, занялъ важнѣйшія

мѣста Русскимъ карауломъ, и предоставилъ Гессенцамъ только на ночь выходить побатальонно на Королевскую площадь. Но они чрезъ нѣсколько дней вовсе ушли изъ города.

По крайней мѣрѣ театръ занималъ меня. Актеры играютъ здѣсь порядочно, съ сродною Французамъ ловкостью. Съ нашимъ приходомъ на театрѣ ежедневно представляли Оперы и Водевили. Я видѣлъ уже много пьесъ: Барбаруссу, Каирскій караванъ, Новаго Дьявола, и проч. — Въ Воскресенье было любопытное представленіе. Въ афишѣ приглашались преимущественно дамы, и онѣ не замедлили наполнить половинное число ложь, а мужчины заняли партеръ и раёкъ. Сперва представляли Оперу *Монтано и Стефано*, или Опытъ отчаянной, пламенной любви; потомъ Водевиль: *Наслѣдники Мишо*, или мѣльникъ деревни Лёрзанъ. Этотъ мѣльникъ среди своего семейства воспоминаетъ о Королѣ Генрихѣ IV, который 200 лѣтъ тому назадъ былъ на его мѣльницѣ. Онъ ставитъ тотъ стулъ, на которомъ сидѣлъ любимый народомъ Король, выноситъ портретъ Генриха IV-го, пьетъ за его здоровье, и поетъ извѣстную пѣсню: Vive Henri IV!—Вся пьеса содержитъ въ себѣ много фразъ, относящихъ-

ся къ нынѣшнимъ обстоятельствамъ, и кажется сочинена нарочно на случай возвращенія Людовика XVIII-го. Она почти возбуждала энтузіазмъ въ роялистахъ. Дамы, какъ всегда первыя приверженицы миролюбивыхъ Государей, при каждомъ словѣ о Бурбонахъ звонко хлопали нѣжными ладонями, и даже кричали дисканшомъ: Vive le Roi! vive Alexandre! Этотъ энтузіазмъ отъ дамъ переливался въ мужчинъ, мужей, родственниковъ и любовниковъ.

Ввечеру городъ былъ иллюминованъ; но, какъ видно, полиція не распорядилась и не приказала изъявлять радость свою количествомъ плошекъ, а предоставила это всякому на добрую волю. Можно было по этой иллюминаціи угадывать приверженцевъ Короля и Наполеона, потому что передъ иными домами ничего не было, а въ иныхъ горѣло по одной свѣчкѣ въ углу окна; у немногихъ домовъ изъ оконъ были выставлены бѣлыя полотна, съ королевскимъ гербомъ трехъ лилій подъ короною. Въ цѣломъ городѣ было только два транспаранта: на одномъ три лиліи, съ надписью: Vive le Roi! а на другомъ, въ трехъ вѣнкахъ: Louis XVIII, Alexandre I, Wellington! Подъ ними надпись:

Rien ne ressemble mieux à la Divinité,
Que ceux, qui des mortels font la félicité (*).

Народа много прогуливалось по всѣмъ улицамъ. У нашего Корпуснаго Командира была вечеринка.— Одинъ Французъ, желая повеселить себя и другихъ, сталъ пускать по улицамъ шушихи, или фейерверочные шверманы; но шедшему патрулю Гессенцевъ это не понравилось, и бѣднаго роялиста пошащили подъ караулъ, отъ чего жена при немъ-же упала въ обморокъ.

На театрѣ играли оперу: Ma tante Aurore, или сантиментальную шешушку, у которой похищили племянницу: фальшивый кинжалъ и разные фарсы дѣлаютъ эту пьесу забавною; сверхъ того музыка весьма пріятна. Еще играли Водевиль: *Ключи Парижа*, или десертъ Генриха IV-го. Тушъ уже явились на сцену самъ Генрихъ, Сюлли, Бironъ и Томасъ; но театръ былъ пустъ, потому что, кажется, не хотѣли видѣть заживо тѣхъ, которымъ удивляются по смерти. Здѣсь Генрихъ IV снимаетъ шляпу передъ земледѣльцемъ. Изъ актеровъ, Мосьё Брабантъ, режиссёръ театра, играетъ хорошо стариковъ; Эже съ громкимъ го-

(*) Ни что столько не уподобляется божеству, какъ люди, составляющіе благоденствіе смертныхъ.

лосомъ, играетъ посредственно пожилыхъ, Лизисъ, стройный мужчина, играетъ удачно любовниковъ и важныхъ особъ, но для оперы имѣетъ слабый голосъ; Декашу хорошо представляетъ злыхъ людей, и долженъ быть самъ не добрый человѣкъ, что обнаруживаетъ его физіогномія. Хуже всѣхъ акторъ Гюше, косой, толстый, отвратительный. Изъ актрисъ прелестнѣйшею была Мамзель Гюби, въ которую всегда влюбляются молодые зрители; она имѣетъ весьма пріятную наружность, свободный голосъ, и поетъ восхитительно. Мадамъ Тюрпенъ, старая знакомка моя, была-бы отличною актрисою, если-бы не столько шучѣла; она поетъ хорошо и говоритъ нѣжно, но всегда съ тяжелою одышкою. Прочія актрисы не заслуживаютъ вниманія: Мадамъ Эсперь слишкомъ длинна, а Брюне вовсе устарѣла.

Мы продолжаемъ жить въ Реймсѣ, какъ среди глубокаго мира, и я бы-не хотѣлъ такъ скоро разстаться съ нимъ. Жаль оставить квартиру, гдѣ богатая вдовушка такъ хорошо кормитъ и поитъ насъ, гдѣ, кромѣ десерта, ликера и вина, услаждаютъ завтраки и обѣды своимъ присутствіемъ ея три дочери. Онѣ хотя не прелестны, но при-

дающъ не мало пріятности въ бесѣдѣ, какъ приправа въ кушаньѣ. Между тѣмъ братецъ ихъ Изидоръ забавляетъ всѣхъ анекдотами и новостями. Моя задумчивость, съ которою я всегда сижу между ними, для нихъ кажется столько-же неумѣстною, какъ для меня ихъ, иногда, излишняя болтливость. Вдовушка всегда подшучиваетъ надо мною, говоря, что я или влюбленъ, или имѣю полипа на сердцѣ. Подполковникъ мой поддерживаетъ шутку, увѣряя, что я влюбленъ здѣсь въ одну прекрасную актрису, и не пропускаю пьесы, въ которой она играетъ. Я отшучиваюсь, какъ могу, увѣряя съ своей стороны, что опасаюсь влюбляться во Франціи, потому что здѣсь взаимности не льзя иначе ожидать, какъ по контракту, и притомъ, кажется, характеръ Француженокъ столько-же непостояненъ, какъ погода ихъ. Тогда вдовушка отвѣчаетъ мнѣ: Méchant! vous vous moquez de la légèreté française! (*) Въ самомъ дѣлѣ, я никогда не влюблюсь во Француженку. Въ нихъ нѣтъ той нѣжности чувствъ, той доброты душевной, которыя особенно плѣнительны. У самыхъ прекрасныхъ Француженокъ въ ли-

(*) Лукавецъ! вы смѣетесь надъ Французской вѣтреностію!

цѣ есть какая-то холодность, безчувственность. Онѣ рождены не для любви платонической, идеальной, но для любви матеріяльной, чувственной: въ этомъ обвиняйте горячую кровь и пылкій темпераментъ. Въ ихъ обращеніи и бесѣдѣ съ мужчинами много тонкостей и сарказмовъ, при чемъ человѣкъ прямодушный бываетъ не ловокъ, или долженъ придумывать фразы и изощрять слова свои, противуполагая если не сильнѣйшія, то сообщественныя двусмыслія, къ чему только Французскій языкъ способенъ и для чего нужна привычка. Прелесть Француженокъ заключается въ глазкахъ и ножкахъ. Платья носятъ онѣ коротшія, тонкія и обтянутыя вокругъ стана такъ, что всѣ формы ихъ ясно выражаются. Теперь мода у нихъ на высокій лифъ, что дѣлаетъ фигуру горбатою.

Не по одному семейству Г-жи Ганріо, но по многимъ, у которыхъ мнѣ случалось быть, замѣтилъ я, что почтенія и любви между родными у нихъ не обнаруживается. Дѣти никогда не цѣлуютъ руки у матери, или мужчины у женщинъ. Дочери прыгаютъ на маменьку, волочатъ ее, и играютъ съ нею, какъ съ сестрицею. Сыновья называютъ отцовъ любезными друзьями, и философствуютъ обо всемъ по своему, утверж-

даясь въ принятомъ мнѣніи, какъ большіе. Вошедши въ семейство, не узнаешь старшихъ и родныхъ иначе, какъ по названіямъ. Главная пружина всѣхъ дѣйствій Французовъ и Француженокъ есть интересъ, что называютъ они: un fait raisonnable (разумное дѣло). Нравственность такъ чиста, что при дѣвушкахъ говорятъ весьма свободно о такихъ предметахъ, отъ чегобы у насъ онѣ краснѣли. Хлѣбосольство ихъ, которымъ теперь тщеславятся, вынуждено военными обстоятельствами; но въ мирное время, говорятъ, Французы хуже Нѣмцевъ. И такъ ни за что-бы я не хотѣлъ родиться Французомъ, или остаться на всю жизнь во Франціи.

Еще причина, по которой я не хотѣлъбы такъ скоро разстаться съ Реймсомъ, есть театръ, гдѣ я нахожу много удовольствія для зрѣнія и слуха. Вчера представляли оперу Калифъ Багдадскій. Акторы, замѣнивъ въ театрѣ восемь нашихъ Генераловъ и множество офицеровъ, облеклись въ блестящіе костюмы, и играли съ особенною изыскательностію, весьма хорошо. Боальдьё возвысилъ ничтожную оперу Калифа своею отличною увертюрою, которою и самъ прославился. Музыка его восхити-

тельна. Потомъ былъ Водевиль: Адольфъ и Клара, или двое заключенныхъ, сочиненія Коцебу; прекрасная пьеса; музыка Далейрака, мѣстами чрезвычайно хороша, особенно въ аріяхъ. Когда милая Клара запѣла: Jeunes filles, qu'on marie, que votre sort est affreux! —то многіе зрители повторяли съ нею напѣвъ. Никогда Мамзель Гюби не была такъ прелестна. Сцена между Адольфомъ и Кларою, когда они оба, заключенные въ одномъ замкѣ, ссорятся и миряться, очень мила. Пылкій и вѣтреный характеръ молодыхъ супруговъ изображенъ весьма правдоподобно. Клара начинаетъ распрогивать его пѣсенкою. Оба они садятся вмѣстѣ, упрекаютъ другъ друга въ непостоянствѣ, оправдываются, хотятъ обняться, и вдругъ опять поворачиваются спинами. Клара то плачетъ, то смѣется, то даетъ Адольфу руку, то вдругъ не позволяетъ положить ему руки на свой стулъ. Минута ихъ примиренія была такъ трогательна, что не льзя было не принять участія, съ истиннымъ удовольствіемъ, въ этой фальшивой игрѣ страстей. Сцена, гдѣ они уговаривали Казака, чтобы онъ способствовалъ ихъ побѣгу, весьма забавна. Актеръ Лизисъ игралъ Адольфа очень удачно; большое искуство показалъ онъ при чтеніи письма Клары. Но Мамзель Гюби была

очаровательна въ продолженіе всей пьесы. Я оставилъ театръ восхищенный ею.

Сегодня распространился слухъ въ городѣ, что Англичане поймали Наполеона въ Рошфорѣ и отвезли въ Лондонъ.

Корпусный Оберъ-Квартирмейстеръ объявилъ намъ, что мы остаемся здѣсь на кантониръ-квартирахъ; 7-я дивизія расположится около Реймса, а 24-я отъ Сенъ-Мену до Вердёна. Вслѣдствіе этого мой Подполковникъ, не теряя минуты, хотѣлъ отправиться въ Сенъ-Мену, но вдовушка задержала его отобѣдать. Оберъ-Квартирмейстеръ поручилъ мнѣ составить журналъ движеній Корпуса отъ Бѣлостока до сюда, и потому я остался еще въ Реймсѣ. Будучи не доволенъ церемоніями и натянутою вѣжливостію вдовушки и ея семейства, я ходилъ въ городовое правленіе просить о перемѣнѣ кварширы; но члены магистрата объявили мнѣ, что по причинѣ великаго новаго постоя (съ приходомъ сюда еще Московскаго полка, всего въ городѣ нашихъ до 5,000), не могутъ удовлетворить моего требованія. Вдовушка узнала о моемъ покушеніи и сдѣлала мнѣ выговоръ. Когда я ей сказалъ: »Напротивъ, имѣю честь еще остаться у васъ.« — » О, зачѣмъ? отвѣчала она; я по-

стараюсь доставить вамъ лучшую, прекрасную квартиру. « — » Это отъ васъ будетъ зависѣть, если я вамъ столько наскучилъ своею угрюмостію. « — » Потому, что у насъ ни что не можетъ развеселить васъ; не правда-ли?«—» Потому, что я не могу перемѣнить своей мрачности, а еще больше, не могу притворяться. Впрочемъ, сомнѣваюсь, угодно-ли вамъ будетъ удержать такого скучнаго постояльца, каковъ я? « — » Съ этой стороны вы можете быть увѣрены, что для насъ было-бы большое удовольствіе, если-бъ вы остались съ нами, не только на два года, но и на шесть лѣтъ. « — » Этого недостаточно, сказалъ я.« — » Какъ такъ? « — » Онъ хочетъ остаться на всю жизнь у васъ—подхватилъ мой Подполковникъ: онъ влюбится и женится. « — Это было сказано слишкомъ откровенно при матери, родныхъ и при дочери невѣстѣ. Я поправилъ шутку, сказавши: »Точно, все это правда, только не иначе можетъ случиться, какъ во снѣ. «—Всѣ засмѣялись, и мы начали пить шампанское на отъѣздѣ Подполковника, который опять просилъ меня, чтобъ я непремѣнно влюбился во Француженку. Но я даже не пошелъ сегодня въ театръ, смотрѣть La belle Arsène; впрочемъ не пошелъ болѣе потому, что у нашего Оберъ-Квар-

тирмейстера былъ музыкальный вечеръ, и онъ просилъ меня непремѣнно быть у него.

Въ самомъ дѣлѣ, къ Полковнику собрались виртуозы: Генералъ М*** со скрыпкою, Ротмистръ Л*** для игры на форшепіано, КапитанъР. на флейтѣ и одинъ Французъ на віолончели; сверхъ того для форшепіано явилась виртуозка, молодая Француженка съ большимъ носомъ, жена ревниваго щеголя Француза. Слушать ихъ собрались дамы: высокая и замысловатая хозяйка дома, съ дочерью, другая, важная дама, хозяйка дома, гдѣ квартировалъ Генералъ Дохтуровъ, и третья траурная, томная Англичанка; потомъ нѣсколько Адъютантовъ и нѣсколько Французовъ въ черныхъ фракахъ. Въ первой сшибкѣ виртуозовъ отличился Л*** бѣглостію и твердостію своей игры; музыка была мудреная, и не столько пріятная, какъ удивительная: форшепіано трещали подъ его пальцами. Генералъ и віолончелистъ ему акомпанировали. Во второй сшибкѣ надувалъ флейту ревнивый мужъ, и часто продувался, занимаясь не столько нотами, сколько своею супругою, сидѣвшею позади его; но она пересѣла напротивъ него, и онъ сталъ менѣе ошибаться. Въ этомъ тріо, гдѣ также Генералъ и віолончелистъ приняли участіе, музыка показалась мнѣ усыпитель-

ною. Въ третій пріемъ сѣла за фортепіано красавица съ большимъ носомъ, и передъ начатіемъ игры, вмѣсто прелюдіи, мужъ подкладывалъ и выпаскивалъ изъ подъ нея нотныя книги, покуда она усѣлась — для игры Шпейбельпова концерша. Адажіо и аллегро чрезвычайно мнѣ понравились. Генералъ М***, владѣя Дицовымъ смычкомъ, прикрывалъ ошибки красавицы, которая такъ усердно старалась бѣгать пальчиками по косточкамъ, что гнулась на стороны и нагибалась очень низко; смотря на нее, я того и ждалъ, что она возьметъ носомъ одиннадцатую ноту, въ аккордъ къ десяти пальцамъ. Въ поощреніе ей безпрестанно аплодировали знакомые и волокиты; но многіе морщились. Послѣ этого всѣ разошлись и не хотѣли слушать окончательнаго квартета.

Изъ собранныхъ бумагъ я началъ составлять журналъ движеній 3-го Корпуса.

Оберъ-Кварпирмейстеръ получилъ приказаніе, выбрать мѣсто около Реймса для цѣлаго Корпуса войскъ, къ смотру Государя нашего, и сдѣлать планъ. Онъ поручилъ это мнѣ, съ тѣмъ, чтобы планъ поспѣлъ къ завтраму, какъ нибудь, только получше, и послалъ меня съ Капитаномъ Р*** сдѣлать съемку.

Между шѣмъ въ домѣ моей вдовушки ежедневно стали вытаскивать изъ погреба тюки съ сукнами, произведенія ея фабрики, что все было запрятано, въ предосторожность отъ военныхъ розысковъ.

Въ отсутствіе Подполковника, при мнѣ хозяева не такъ стали разборчивы и вѣжливы въ обращеніи между собою, позволяя обнаруживаться своей обыкновенной грубости. Напримѣръ, учитель Испанскаго языка, Мосьё Сигъ, въ шуткахъ, ударилъ тростью по носу директора фабрики, Оже, и сдѣлалъ ему легкую рану, между шѣмъ какъ Изидоръ облилъ его водою.

Для Воскресенья собрался было я осмотрѣть древности въ Реймсѣ; но ласковая вдовушка упросила меня съѣздить съ нею вмѣстѣ на ея мызу, въ двухъ миляхъ отъ города. Погода была хорошая, и я поѣхалъ верхомъ, а она съ дочерьми въ колескѣ. — Отъ Реймса, по дорогамъ къ Шалону и Ретелю, простираются поля открытыя, а по ту сторону рѣчки Вель вправо возвышенія, что составляетъ пріятное разнообразіе. Мы пріѣхали въ дер. Трини, гдѣ находилась мыза Гжи Ганріо, съ обширнымъ садомъ. Изъ крестьянъ ни одинъ не подошелъ къ барынѣ и не поклонился. Въ прошед-

шемъ году мыза была раззорена, и отецъ Гжи Ганріо, почтенный старикъ, жилъ въ лѣсу; вскорѣ, отъ такой необыкновенной жизни, онъ умеръ. — Дня четыре назадъ, весь домъ наполненъ былъ Русскими офицерами, которые имѣли здѣсь общій столъ изъ трехъ кухней, однако ничего въ пустомъ домѣ не испортили, кромѣ абрикосовъ, орѣшниковъ и артишоковъ въ саду. Мы провели время въ собираніи того, что осталось не дозрѣлымъ; особенно много собрали Грецкихъ зеленыхъ орѣховъ, изъ которыхъ Французы дѣлали послѣ лакомое для себя блюдо, называемое *серно*: это не что болѣе, какъ молодыя ядра орѣховыя, вымоченныя въ соленой водѣ, напитанной лукомъ. Французы съ удовольствіемъ ихъ сосали и ѣли. Въ саду было множество яблоковъ и винограда, но еще не зрѣлыхъ. Вдовушка жаловалась на поселянъ, что они обламываютъ ограду и похищаютъ фрукты; а потому должна сама предупреждать ихъ и собирать недозрѣлое. Мы нагрузили коляску артишоками, фруктами, овощами, и возвратились въ городъ.

Въ театръ я опоздалъ и не видалъ перваго дѣйствія прекрасной оперы: Raoul, Sire de Créqui, съ музыкою Далейрака. Другая пьеса была: Les clefs de Paris, весьма зани-

машельная. Она сочинена изъ анекдота о Генрихѣ IV-мъ при взятіи Парижа. Норманд-скій дворянинъ разсказываетъ, что, во время сраженія, одинъ рыцарь спасъ ему жизнь, и за то онъ обѣщалъ отдать за него свою дочь, хотя она уже имѣла избран-наго жениха, и что этотъ рыцарь при-детъ къ нему ужинать. Дѣйствительно пришли Генрихъ IV-й, Сюлли и Бирон. Они требуютъ хорошаго ужина, а дворя-нинъ скупъ. Хозяйка представляетъ дочь свою, за которою Генрихъ приволакивает-ся. Вдругъ вбѣгаетъ женихъ ея и говоритъ Генриху: »Жаль, что я не дворянинъ и не могу вызвать тебя, какъ соперника, на дуэль; но— (онъ поетъ) — намѣренъ сей часъ идти къ Королю Генриху и просить о принятіи се-бя въ службу: если я не могу служить сво-ей любезной, то буду служить Королю.« — Генрихъ обѣщаетъ за него постараться. Въ продолженіе всего представленія, многочи-сленная публика въ партерѣ, при каждой фразѣ, гдѣ что-либо касалось до Короля Французскаго, усердно аплодировала. Акте́ры, зная характеръ своихъ вѣтрениковъ, умѣли пользоваться ихъ расположеніемъ. — Сцена между Генрихомъ и крестьяниномъ То-масомъ возбудила болѣе всего энтузіазмъ Французовъ, когда Генрихъ снялъ шляпу

передъ этимъ земледѣльцемъ, и когда Томасъ пропѣлъ: »Если Генрихъ будетъ Королемъ Франціи, то не мудрено предсказать, что мы будемъ жить въ изобиліи, и такъ счастливо, какъ наши праотцы!«— За ужиномъ на сценѣ акперы пѣли извѣстную арію: Vive Henri IV! и на тотъ-же голосъ: Vive Alexandre! еще: Vive la France et le bon Roi! Аплодированіе и браво заглушали смѣшливыхъ распѣвалъ. Послѣ ужина приходитъ Сюлли, и вмѣсто десерта представляетъ Генриху ключи Парижа. Томасъ послѣдній снимаетъ предъ Генрихомъ шляпу, и, вскочивши на стулъ, кричитъ: Vive le Roi! За нимъ вся публика въ театрѣ кричитъ: Vive le Roi! — Наконецъ Сюлли воспламеняетъ энтузіазмъ публики до послѣдней крайности, сказавши: »Французы узнаютъ свое заблужденіе, въ »которомъ находились: только подъ му»дрымъ правленіемъ добраго Короля они »будутъ счастливы!« — Акперъ за Генриха отвѣчалъ: »Первый предметъ мой сдѣ»лать подданныхъ благополучными!« — Тогда распроганные Французы, въ восторгѣ своемъ, казалось, хотѣли выскочить изъ ложъ и партера, чтобы расцѣловать бѣднаго актера за столь утѣшительную надежду.

Въ пѣснѣ многое перемѣнено и разукра-

шено; въ первой не было сказано о нашемъ Государѣ: La plus belle conquête d'Alexandre c'est qu'il a gagné les coeurs des Français! (*) Сюлли пропѣлъ въ отвѣтъ, что ни чѣмъ столько нельзя было побѣдить Французовъ, какъ великодушными поступками Александра и его войска! Публика была довольна, и мы должны были тѣмъ довольствоваться.

Поутру Корпусный Оберъ-Кварширмейстеръ, Полковникъ Ф***, представилъ меня исправлявшему должность Генералъ-Кварширмейстера въ арміи, Полковнику Г***, который вчера ввечеру пріѣхалъ въ Реймсъ. Этотъ молодой Полковникъ весьма искусно чертилъ карты, и спалъ извѣстенъ выборомъ боевой позиціи при Бородино, на которой сокрушились силы Наполеоновы. Онъ благодарилъ меня за съемку дорогъ и, спросилъ: »Давно-ли вы у насъ?«—Уже десятый мѣсяцъ. — »По какому случаю?« — По случаю составленія въ Бѣлостокѣ карты Гродненской Губерніи.

Моя вдовушка пвердитъ часто мнѣ: Vous-êtes bien raisonnable (вы очень благоразумны),

---

(*) Прекраснѣйшая изъ побѣдъ Александра, есть обладаніе сердцами Французовъ.

и дочка то-же повторяетъ. Я понимаю обѣихъ, но говорю имъ, что во мнѣ еще не достаетъ столько разсудка, сколько надобно имѣть его живучи между ними. Вдовушка срѣзала въ саду розу и, подавая мнѣ, сказала: — Не правда-ли, нѣтъ розы безъ шиповъ?— »Напротивъ того, я вспрѣчалъ довольно розъ безъ шиповъ! « отвѣчалъ я.

Полковникъ Г***, исправляющій должность Генералъ-Квартирмейстера въ арміи, оставилъ намъ новую работу: три листа Кассиніевой карты Франціи, заключающіе въ себѣ города Суассонъ, Реймсъ, Вердёнъ и Мецъ, чтобы мы по этимъ картамъ сдѣлали военную рекогносцировку, то есть, изобразили-бы всѣ города и деревни на планѣ, провели-бы всѣ дороги, означили-бы всѣ мостики и переправы на рѣкахъ, замѣтили-бы боевыя позиціи; сверхъ того составили-бы топографическое и статистическое описаніе, съ военными замѣчаніями; скопировали-бы карты начисто, и все это успѣли-бы сдѣлать въ продолженіе одного мѣсяца. Для ободренія, Оберъ-Квартирмейстеръ сказалъ мнѣ: »Вы будете непремѣнно переведены въ Свиту.« — Меня онъ назначилъ въ помощь къ Подполковнику Д***, для рекогносцировки по картѣ Вердёна и Меца: этотъ листъ былъ самый трудный.

За столомъ мои хозяева разговорились о политикѣ, и между прочимъ прославляли великодушные поступки нашего Государя въ Парижѣ. Они удивлялись семейственному согласію всей Царской Фамиліи, и говорили, что нѣтъ примѣра въ Исторіи Государей, что-бы два брата жили въ такой искренней дружбѣ, какъ Александръ и Константинъ. — »И нѣтъ ни одной націи въ такой дружбѣ съ Французами, какъ Русская, сказалъ я.« — Французская нація умѣетъ цѣнить это, сказалъ Мосьё Оже; но она разслаблена бѣдствіями. — »Она останется всегда сильною націею, и союзъ съ нею Рускихъ, кажется, будетъ прочнѣе, нежели съ иными.« — Я сказалъ это болѣе изъ вѣжливости, и мои Французы были очень тѣмъ довольны. Они признавались, что въ Русскихъ офицерахъ и солдатахъ видятъ совсѣмъ другое, нежели что прежде о нихъ думали; столько дисциплины, образованія, дружелюбія! — »Да' вы прежде думали, что мы дикіе Каннибалы,« сказалъ я. »Правда, нашъ простой народъ грубъ, необразованъ, съ бородами; однако добрый народъ, любитъ своего Царя и повинуется законамъ, имѣя довольно здраваго смысла отъ природы.« — »Не такъ какъ мы вѣтренъ!« сказала вдовушка.—О, напротивъ: Французы уже изъ колыбели начина-

ютъ являться съ разсудкомъ! — продолжалъ я,—который у нихъ никогда не шупѣетъ и не теряется; а мы, Рускіе, мы во всю жизнь стараемся быть разсудительнѣе.

ГЛАВА VII.

РЕКОГНОСЦИРОВКА И СМОТРЪ.

Выѣздъ. — Сенъ-Мену. — Начало работы. — Французы желаютъ быть въ подданствѣ у Рускихъ. — Окрестности Меца. — Состояніе жителей. — Правила общежитія. — Происшествіе въ Гравелотѣ. — Квартированіе войскъ. — Бѣдные эмигранты. — Буйство Французовъ. — Худой политикъ. — Марвиль. — Пушечные выстрѣлы. — Праздникъ Дѣвы. — Вердёнъ. — Работа въ Сенъ-Мену. — Еще нѣчто о Француженкахъ. — Мосьё Фортень. — Реймсъ. — Карта рекогносцировки. — Путь къ Вертю. — Расположеніе арміи. — Маневры. — Молебствіе. — Конецъ дѣлу.

Вчера (22-го Іюля) получилъ я бумаги для своего отправленія, какъ-то: Кассиніеву карту и пять открытыхъ листовъ, а потому тотчасъ снарядился въ дорогу. Вдовушка удивилась внезапному моему отъѣзду, и сожалѣла; но я увѣрялъ ее, что черезъ нѣсколько дней возвращусь, и потому не простился съ приличною церемоніею.

Я поѣхалъ въ сельскомъ кабріолетѣ, по есть въ тарантайкѣ на двухъ колесахъ, и проклиналъ этотъ тряскій экипажъ. Извощикъ Французъ сажалъ меня съ собою рядомъ, но я полѣзъ дальше, и посадилъ съ нимъ деньщика, чѣмъ онъ не мало обидѣлся, говоря, что со времени Революціи въ такихъ экипажахъ всѣ путешественники садились съ нимъ рядомъ, въ знакъ равенства. Лошади Французскія тяжелы, какъ коровы; тряскія тарантайки запрягаются въ одну лошадь.

Отъ Реймса до Сенъ-Мену 16 миль, или, по нашему, 65 верстъ. На половинѣ пути, въ Свипѣ, я перемѣнилъ тарантайку, и пріѣхалъ въ Сенъ-Мену на другой день поутру въ 5 часовъ. Дорога сносная. Обнаженныя поля Шампани не представляли ничего любопытнаго; даже весьма не много встрѣчалось деревень. Ночь была темная, и я дремалъ въ разныхъ позиціяхъ на тряской тарантайкѣ, то сидя, то лежа бокомъ.

Сенъ-Мену я встрѣтилъ съ удовольствіемъ, вспомнивъ прошедшее время, проведенное здѣсь довольно пріятно. Подполковникъ Д*** еще не зналъ о заданной намъ работѣ, и я его обрадовалъ ею. Онъ былъ очень доволенъ квартирою въ Сенъ-Мену, и не могъ нахвалиться хозяйкою, прославляя красоту ея и

добродѣтель. Она точно была прекрасна, въ чемъ я не спорилъ съ нимъ; но въ разсужденіи добродѣтели ея, не льзя было ручаться, ибо женщина всегда кажется добродѣтельною, если умѣетъ скрывать свои слабости.

Я зашелъ къ старому пріятелю своему Мосьё Форшеню, который былъ очень радъ мнѣ; мы вспомнили прошедшее и говорили много о настоящемъ. Онъ просилъ меня, на возвратномъ пути, заѣхать къ нему обѣдать. Теперь стоитъ на квартирѣ у него армейскій офицеръ, нѣмой для Французскаго языка, что Г. Форшеню весьма непріятно; но дочка его, хотя рябенькая, нашла много милаго въ этомъ офицерѣ, влюбилась въ него по уши, и позволила потомъ увезти себя. Это было чувствительнымъ ударомъ для честнаго, добраго и благороднаго отца. Нашъ армейскій офицеръ не дурно отрекомендовался. Здѣсь узналъ я, что мамзель Эмилія Серюзье, на которой прошедшаго года хотѣлъ женишься одинъ изъ рошныхъ командировъ Артиллеріи, вышла за мужъ за Француза, и живетъ теперь въ Луксембургѣ. Впрочемъ, я немного нашелъ знакомыхъ лицъ въ Сенъ-Мену.

Здѣсь получено извѣстіе, что Англичане заарестовали Наполеона въ Рошфорской га-

вани, и на фрегатѣ Беллерофонѣ отвезли въ Плимутъ, откуда намѣрены отправить его въ Южную Индію, или на скалу Св. Елены. Вотъ чѣмъ кончилась исторія великаго завоевателя Европы!—По газетамъ, Пруссаки съ Орлеана взяли контрибуціи 400,000 франковъ. Остатки Наполеоновой арміи съ Генераломъ Даву покорились Королю.—И такъ намъ предстоитъ обратный путь въ Россію.

Позавтракавши у прекрасной и добродѣтельной хозяюшки Подполковника, Госпожи Маршанъ, въ 9 часовъ утра, мы отправились въ свой путь для рекогносцировки. Обѣдали въ Клермонѣ у Почтмейстера, добраго моряка, а ночевали въ дер. Шарни, лежащей на р. Маасѣ. Работа началась удачно; мы во весь день ѣздили по пріятнымъ мѣстамъ, любовались красотами природы, замѣчали и снимали ея физіогномію, а притомъ ѣли и пили превосходно. Карта Кассини очень вѣрна: всѣ деревни, рѣки, рѣчки, горы, лѣса и большія дороги на своихъ мѣстахъ; только недоставало въ ней топографическихъ подробностей, какъ то: въ планѣ деревень проселочныхъ дорогъ, фермъ, мѣльницъ, мостиковъ, переправъ; это предоставлено было внести намъ, и сдѣлать всему описаніе.

Вердёнъ давно призналъ Королемъ Людо-

вика XVIII-го, и уже отпускаетъ изъ своего магазина овесъ въ наши запасные парки. Здѣсь жатва хлѣба только начинается, а въ Шампани она кончена; это зависитъ, видно, отъ свойства земли, которая въ Шампани суше и горячёе.—Вердѣнъ славится конфетами, Сенъ-Мену свиными ножками, Мецъ сушеными фруктами, Барледюкъ вареньями, Шомонъ ветчиною, Страсбургъ пирогами, такъже какъ и у насъ въ Россіи славятся многіе города пряниками, тѣстомъ, калачами, лукомъ, вишнями, лаптями, и проч.

Отъ д. Шарни мы разъѣхались, и сошлись опять въ городѣ Эпёнѣ. Здѣсь застали мы большой обѣдъ, который давалъ новый Меръ города Полковнику Чубарову и своимъ членамъ. Обѣдъ продолжался около трехъ часовъ: супы, соусы, жаркія, пирожныя, десертъ и вино часто перемѣнялись, и мы славно попировали.

Отъ Эпёна, въ 5 часовъ по полудни, я одинъ поѣхалъ далѣе къ Мецу, по рѣчкѣ Орнѣ. Военнаго постоя здѣсь нѣтъ; Французы по деревнямъ ласковы и услужливы. Многіе говорили мнѣ: »Мы теперь Рускіе, и желаемъ, чтобы Императоръ Александръ оставилъ намъ своего брата Константина!» — У васъ есть теперь свой добрый Король, отвѣчалъ я. »О, нѣтъ! онъ не добрый«—го-

ворили они.—Несчастные Французы! думалъ я: какъ вы жалки съ вашимъ легкомысліемъ.

При дер. Гюссенвиль находится замокъ Французскаго Дивизіоннаго Генерала, который, послѣ паденія Наполеона, съ отчаянія застрѣлился.

Въ слѣдующій день объѣздилъ я 7 миль, или 35 верстъ (*): былъ въ дер. Анси, въ 15 верстахъ отъ Меца. Все тихо и спокойно. Войски Корпуса Графа Ланжерона распространяются по квартирамъ до Вердёна и Барледюка. Я проѣхалъ верстъ 8 по лѣвому берегу р. Мозеля; крутые берега ея покрыты виноградникомъ и хорошо заселены. Проѣхавъ дер. Жуи, по дорогѣ отъ Арсисъ къ Анси, на право, находятся живописныя развалины древней Римской арки, служащей для водопровода, который обсаженъ виноградникомъ, а на лѣво крестъ, съ слѣдующею надписью на подножіи: D. O. M. O., monument précieux d'amour et de gloire de Jesus, fils de Dieu! digne objet de ma mémoire! Soyéz gravé dans mon cœur pour vous suivre avec ardeur! fait le 22 Juin, l'an 1736.

Проѣхавши мѣс. Горсъ, лежащее въ лощи-

(*) Французская миля содержитъ въ себѣ 3000 туазовъ, а въ верстѣ нашей 583⅓ туаза.

нѣ, возвратился я для ночлега въ дер. Гравелотъ, откуда выѣхалъ поутру.

Здѣшніе жители жалуются на реквизиціи, или сборъ предметовъ продовольствія, которые доставляютъ они въ Вердёнъ и Понтъ-а-Муссонъ для войскъ, не смотря на то, что уже много всего доставили прежде въ магазины, устроенные въ Мецѣ и Вердюнѣ. Затруднительнѣе всего было для нихъ пріисканіе овса и водки. Жители здѣсь очень бѣдны теперь, почти такъ-же какъ у насъ въ Литвѣ и въ Бѣлоруссіи. Избы у нихъ хотя каменныя, но вовсе опустошенныя: ни занавѣсовъ надъ кровлями, ни простынь, ни посуды нѣтъ, какъ въ другихъ деревняхъ. Они жалуются на передовые посты наблюдательныхъ войскъ, которыя стояли около Меца и опустошили окрестныя деревни. Отъ того жители въ нихъ принимали меня съ непріязненнымъ видомъ. По пріѣздѣ моемъ въ каждую деревню, спекались съ большимъ любопытствомъ бабы и ребята; мужчины сходились медленно; на угрюмыхъ лицахъ ихъ написаны были изнеможеніе, недовѣрчивость, отчаяніе. Безъ языка къ нимъ ѣздить было-бы опасно; но умѣвши съ ними объясниться, увидишь тотчасъ услужливость и доброхотство. Первый вопросъ былъ отъ нихъ всегда: »За-

чѣмъ вы пріѣхали?«—Не открывая настоящей надобности, я отвѣчалъ всегда, что за мною идетъ бригада Русскихъ войскъ, для которой долженъ я къ ночлегу расписать квартиры, а потому спрашивалъ, сколько у нихъ въ деревнѣ дворовъ и какія къ нимъ ближайшія селенія, чтобы, не обременяя постоемъ, расмѣстить войски просторнѣе. Тогда они упрашивали меня, чтобы я пощадилъ ихъ, или вовсе-бы уволилъ отъ постоя по той причинѣ, что они раззорены Баварцами, или Пруссаками. Я обѣщалъ имъ то и другое, бранилъ ихъ раззорителей, увѣряя, что Рускіе не таковы, и несутъ продовольствіе изъ магазиновъ съ собою. Такимъ образомъ удавалось мнѣ угрюмыя, непріязненныя лица ихъ превращать въ ласковыя, и нерасположеніе къ себѣ въ услужливость. Тогда являлись передо мною: свѣжая шарапайка, стаканъ вина, или яичница.

Для подобныхъ случаевъ, чтобы умѣть со всѣми уладить по-пріятельски, я давно взялъ себѣ за правило: друзьямъ хвалить друзей, а непріятелямъ порочить ихъ враговъ, но отнюдь не входить въ посредничество; если-же изберутъ судьею, то надобно отвѣчать: на свѣтѣ нѣтъ ни въ чемъ совершенства; каждая вещь имѣетъ лицо и изнанку; въ каждомъ человѣкѣ есть

худое и доброе: на что болѣе смотрятъ, потому судятъ и о цѣломъ. По моему мнѣнію, быть совершенно добрымъ такъ-же худо, какъ и быть злымъ: на добрыхъ ослахъ всякой верхомъ ѣздитъ, такъ-же какъ и всякую злую собаку бьютъ. Добрый человѣкъ скоро пропадаетъ, истребляется между недобрыми, такъ-же какъ злой между не злыми. Смѣсь зла съ добромъ, въ общежитіи, есть необходимость, служащая побужденіемъ для всѣхъ поступковъ въ жизни, стремящихся къ равновѣсію, котораго никогда не бываетъ. Злые и добрые поступки происходятъ болѣе отъ обстоятельствъ, въ которыя люди по необходимости завлекаются стремленіемъ для пріобрѣтенія себѣ блага. Это пружина общей жизни. Одни достигаютъ этого благородными, а другіе подлыми средствами. Часто человѣкъ, не умѣющій употребить подлыхъ средствъ, не достигаетъ своего блага, и страдаетъ между порочными. Но чтобы умѣть со всѣми уладить, надобно иногда принимать хотя личину гибкости.

Въ Гравелотѣ я ночевалъ въ трактирѣ, на краю селенія, въ томъ домѣ, гдѣ 26-го Іюня, въ полночь, 70 человѣкъ Французовъ изъ Меца, при помощи жителей, напали на спящихъ драгуновъ нашихъ; при чемъ уби-

ли четырехъ, и взяли въ плѣнъ Офицера съ 20-ю рядовыми, и лошадей, то есть сняли цѣлый постъ. Само собою разумѣется, что среди глухой ночи и дождя, при нападеніи врасплохъ, не можетъ быть въ дракѣ никакого порядка и соображеній. Непріятельскихъ тѣлъ въ рапортѣ Генерала показано убитыми на мѣстѣ 27, между тѣмъ какъ всѣ 70 человѣкъ Французовъ благополучно возвратились съ добычею въ Мецъ, и Кинбурнскіе драгуны, смѣнивши Рижскихъ, зарыли четырехъ убитыхъ, которыхъ бросили, спасаясь, остальные, бывшіе на посту. За то пять дней цѣлое селеніе наказывалось Кинбурнскими Драгунами. Постъ былъ усиленъ; теперь стоитъ здѣсь цѣлый эскадронъ на бивакахъ, и на ночь къ роковому дому, гдѣ я ночую, становится секретный караулъ.

Изъ Меца каждую ночь перебѣгаетъ человѣкъ по 30 Французовъ въ Понтъ-а-Муссонъ къ Графу Ланжерону. Сегодня я видѣлъ сподвижниковъ Наполеона, которые въ старыхъ мундирахъ управлялись на полѣ съ сохою такъ-же ловко, какъ и съ ружьемъ. Между Вердёномъ и Мецомъ на цѣлый округъ, по увѣренію жителей, Фельдмаршалъ нашъ наложилъ контрибуцію въ четыре милліона франковъ.

Проѣхавши 30 верстъ, я для ночлега остановился въ дер. Вальруа; дорога красноглинистая, отъ дождя весьма тяжелая для тяжелыхъ лошадей и тяжелой шарашайки. Французы, кажется, любятъ во многомъ преувеличенія: хлѣбные короваи у нихъ кольцомъ, въ 24 фунта вѣсомъ, сухо запеченые.

Вездѣ наши войски, расположенныя по деревнямъ, учатся маршировать рядами, на лужкахъ, или прикидываютъ шемпы ружьями. Полки 24-й дивизіи, весьма хорошо расположены, но 8-й дивизіи, Корпуса Графа Ланжерона, очень стѣснены. Въ Клафонѣ по 6-ти и по 8-ми человѣкъ поспоя въ каждомъ домѣ. Можетъ быть близость сомнительнаго Меца тому причиною. Говорятъ, отъ Фельдмаршала есть приказъ, чтобы солдаты пособляли жителямъ работать въ полѣ.

Къ ночи насилу добился я до д. Лаббевиль.

Для побужденія Французовъ къ скорой ѣздѣ, надобно было давать, какъ и нашимъ извощикамъ, на водку. — Мнѣ очень понравилось мѣстоположеніе при дер. Сенъ-Морисъ, Тилло и Гаонвиль; шутъ съ одной стороны горы съ крутыми скалами, которыя заросли виноградникомъ, а по другую сторону далеко стелятся равнины съ ручьями.

Ночевалъ я въ Маршевилѣ, въ опустѣломъ замкѣ. Хозяинъ и хозяйка, почтенные, престарѣлые, обѣднѣвшіе эмигранты, возвратились сюда по призыву Наполеона, причемъ нашли все свое имѣніе расхищеннымъ. Отыскивать потерянное при настоящихъ обстоятельствахъ и во время войны, было затруднительно. Они живутъ теперь какъ нибудь, пользуясь тѣмъ, что имъ оставили. Добрые люди были весьма услужливы. За ужиномъ я нечаянно растрогалъ хозяйку, спросивши ее: »Есть-ли у васъ дѣти?«— Она вспомнила объ одномъ сынѣ, который только что вышелъ изъ училища, пошелъ въ Россію съ Наполеономъ, и подъ Вильною взятъ въ плѣнъ, а возвращаясь не дошелъ до своей родины только 40 миль, и умеръ.... Она заплакала такъ жалостно, что я готовъ былъ плакать вмѣстѣ съ нею. Точно, несчастно положеніе не имѣющихъ при старости около себя дѣтей. Если-бы теперь былъ здѣсь сынъ ихъ, то старикъ спокойно-бы сидѣлъ на стулѣ съ трубкою, между тѣмъ какъ его Жоржъ вездѣ-бы суетился и наполнилъ-бы опустѣлый замокъ пріобрѣтеніями; имѣя дочь, старуха грѣлась-бы съ удовольствіемъ у камина, и не заботилась-бы ни о кухнѣ, ни о погребѣ. Такъ, чтобъ жениться, должно

непремѣнно имѣть въ виду: возрасшить дѣтей.

Потомъ пріѣхалъ я въ Эпёнъ, гдѣ увидѣлся опять съ своимъ Подполковникомъ. — Жители здѣсь особенно расположены къ Рускимъ за то, что Полковникъ Ч*** разорвалъ повелѣніе Прусскаго Генерала, наложившаго на городъ контрибуцію.

Отъ Го-Діомона до Муанвиля безпрерывно виноградные сады; войски на постоѣ много ихъ попортили. — На ночь пріѣхалъ я въ дер. Били, которую стоитъ пожаловать въ мѣстечко, а мѣстечко Френъ разжаловать въ деревню. На пути не замѣтилъ ничего любопытнаго. Только отъ безпрестанной тряской ѣзды, отъ напряженія внимательности при походной рекогносцировкѣ, и письма разныхъ замѣчаній, я почти боленъ. Впрочемъ, я не примѣчаю, что нахожусь между Французами, и такъ привыкъ обращаться съ ними, какъ съ своими, весьма безпечно, даже и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ войскъ. Они бываютъ довольны мною, и желали, чтобъ я остался навсегда во Франціи. Но безъ языка, можетъ быть, гдѣ нибудь убили-бы, — и я не разъ, проѣзжая деревни, слышалъ отъ своихъ солдатъ анекдоты, что въ такой-то деревнѣ, куда ѣду, убили Казака, тамъ схватили солдата. Пріѣзжая,

точно я находилъ угрюмыя лица, готовыя на злодѣйство; но разговорившись съ ними, видѣлъ ласковый пріемъ, и даже услужливость. Въ предосторожность я всегда ночевалъ у Меровъ, или у почтенной особы въ деревнѣ, намекая имъ объ ответственности за мою безопасность.

1-го Августа возвратился я въ Этёнъ, и цѣлый день отдыхалъ. Безпрерывная ѣзда въ тряской тарантайкѣ меня измучила.

На другой день опять, съ Подполковникомъ, пустились мы разными дорогами на рекогносцировку. Онъ далъ мнѣ для обозрѣнія Монмедискій округъ, гдѣ нѣтъ никакого постоя войскъ, и жители, ожесточенные противъ Пруссаковъ, довольно буйны. Мнѣ встрѣчались Наполеоновскіе солдаты, возвращавшіеся изъ укрѣпленнаго города Мезіера въ свои деревни. Въ мѣст. Дамвилье я перемѣнилъ тарантайку говорливаго мѣльника. Меръ, старательный и усердный человѣкъ, жаловался мнѣ, что сверхъ всякой реквизиціи и контрибуціи для Русскихъ войскъ, онъ и жители принуждены давать столько-же Пруссакамъ, которые находятся въ городѣ Стенѣ, и намѣрены осаждать Монмеди. Я совѣтовалъ ему обратиться съ этою жалобою къ ближайшему изъ Русскихъ Генераловъ Вуичу, обѣщая слабое

успѣшеніе въ охранной командѣ. — Въ дер. Долибра я долженъ былъ ожидать шарашайки почти до вечера. Въ глазахъ моихъ поселяне ходили съ лошадьми, и не хотѣли мнѣ дать подводы, отговариваясь тѣмъ, что имъ нужно свозить жатву съ поля. Я сколько могъ старался выманить себѣ подводу, страшая скорымъ прибытіемъ войскъ, для которыхъ нужно расписаніе квартиръ. Наконецъ Меръ, упрашивая меня, чтобы я не обременялъ деревни его постоемъ войскъ, далъ мнѣ собственную лошадь съ шарашайкою, и послалъ своего сына, во фракѣ и въ треугольной шляпѣ, вмѣсто извощика, при чемъ шепнулъ мнѣ, что дѣлаетъ это болѣе для моей безопасности, отвѣчая своимъ сыномъ, а что буйность жителей неукротима. — Замѣтивши въ этой деревнѣ церковь съ погнутымъ крестомъ, я еще предъ отъѣздомъ спросилъ у Мера причину этого, и удивился, когда онъ сказалъ мнѣ, что сами поселяне хотѣли сломать его и разрушить церковь, не уважая религіи; что Духовенство теперь въ крайней нищетѣ и презрѣніи, живетъ однимъ подаяніемъ, и при всемъ томъ не избавлено отъ постоя и реквизицій.

Въ Рю я нашелъ старика 60-ти лѣтъ, добраго молодца, который принялъ меня

усердно и угостилъ забавно. Онъ увѣрялъ, что Союзные Монархи возобновили войну не для Людовика, а для себя; что Англичане нарочно выпустили съ острова Эльбы Наполеона, и теперь опять поймали его; что управляетъ Франціею не Король Людовикъ XVIII-й, а Союзники, и что Франція будетъ такъ-же раздѣлена, какъ Польша. На это я сказалъ ему, что онъ худой политикъ въ своемъ отечествѣ.

На другой день, Мосьё Эвраръ угостилъ меня хорошо, но довезъ только до дер. Грандъ-Фальи, не болѣе 3-хъ верстъ, въ собственномъ кабріолетѣ, и самъ правя за кучера. Тутъ я долженъ былъ хлопотать о пріисканіи себѣ тарантайки и потерять болѣе часа времени. Мосьё Эвраръ спѣшилъ домой, отправить реквизицію сѣна и соломы къ Пруссакамъ, стоящимъ въ лагерѣ подъ городомъ Лонгіономъ, при чемъ звалъ меня обѣдать; но я отвѣчалъ ему, что болѣе былъ-бы доволенъ, если-бы онъ далъ мнѣ свой кабріолетъ отъѣхать далѣе, и мы разстались не такими пріятелями, какъ встрѣтились.

Въ 11 часовъ я пріѣхалъ въ городъ Марвиль, который, по увѣренію Мера, древнѣе Трира, а этотъ древнѣе Рима; причемъ показывалъ мнѣ обширное, бугроватое простран-

ство, наполненное каменьями, гдѣ находился древній городъ. Меръ, добрый роялистъ, не заставилъ меня долго ждать шарапайки, не смотря на праздничный день, въ который всѣ жители были въ церкви. Онъ служилъ, по словамъ его, въ Австрійско-Польскихъ уланахъ, и пользуется довѣренностію жителей столько, что когда изъ Монмеди Французы-Якобинцы хотѣли послать къ нему толпу разбойниковъ, подозрѣвая его въ сношеніяхъ съ Рускими, то всѣ жители готовы были защищать своего Мера. Городъ такъ обремененъ реквизиціею отъ Пруссаковъ, что жители желаютъ лучше имѣть военный постой, особенно Русскихъ войскъ.

Выѣзжая изъ Марвиля, я въ первый разъ услышалъ въ нынѣшнемъ году во Франціи непріязненные пушечные выстрѣлы, около Монмеди, который только начали осаждать Пруссаки послѣ взятія Мезіера. Этотъ Мезіеръ стоитъ Пруссакамъ до 3,000 урона; при всемъ томъ Французскій гарнизонъ распущенъ по домамъ, въ силу капитуляціи. Монмеди небольшой замокъ на крутой горѣ, имѣющій 400 челов. гарнизона и 28 пушекъ; но его трудно взять. — Враждебные выстрѣлы, которыхъ я давно не слыхалъ, были для меня теперь пріятны.

При каждомъ выстрѣлѣ я воображалъ военныя сцены, какія должны быть тамъ; губительное дѣйствіе этихъ выстрѣловъ приводило мнѣ на память недавно прошедшія опасности, изъ которыхъ я вышелъ такъ удачно....

Монмеди осаждаютъ не Пруссаки, а Гессенцы и Мекленбургцы. Вышедъ недавно на военное поприще, они, можно сказать, только учатся воевать, а потому простительно, если дѣлаютъ ошибки, или обходятся съ жителями по-непріятельски, требуя съ нихъ слишкомъ много табаку и шнапса. Они подвержены безпокойству, трудамъ и урону, между тѣмъ какъ наши войски спокойно кваршируютъ, и не имѣя причины быть недовольны Французами, нравятся имъ своею кротостію. Здѣсь жители отъ того болѣе терпятъ, что крѣпости не сдаются, и тщетнымъ сопротивленіемъ гарнизоны ихъ только раздражаютъ осаждающихъ. Если бы такъ-же Мецъ и Вердёнъ сопротивлялись, то и наши войска не надолго-бы ужились съ Французами. Одинъ Меръ сказалъ мнѣ, что Союзники нарочно не разрушаютъ партіи Наполеонистовъ, поддерживая духъ раздора въ націи, дабы имѣть болѣе предлоговъ ограничить Королевство, взять болѣе контрибуціи и реквизицій.—По

крайней мѣрѣ нашъ Императоръ не причастенъ такой политикѣ, отвѣчалъ я; онъ покровительствуетъ Франціи.

Сегодня (3-го Августа) у Французовъ праздникъ Дѣвы, то есть, Орлеанской, установленный Людовикомъ XIV; а Наполеонъ установилъ въ этотъ день праздновать свое рожденіе — конечно въ знакъ своей непорочности. Въ дер. Жамъ я засталъ праздничную процессію, или церковный ходъ. По окончаніи его, Меръ встрѣтилъ меня, бывши опоясанъ краснымъ кушакомъ. Вскорѣ явился ко мнѣ Гессенскій Поручикъ, квартирующій здѣсь съ 40 челов. оборванныхъ драгуновъ. Жители недовольны ихъ поведеніемъ, и весьма желаютъ чтобъ пришли, вмѣсто нихъ, Русскіе: они слышали отъ сосѣдей, что наши солдаты такъ смирны на квартирахъ, какъ дѣти, и даже пособляютъ въ полѣ работать. Я совѣтовалъ имъ отнестись объ этомъ къ Генералъ-Губернатору нашему Алопеусу, квартирующему въ Нанси. — Когда я сталъ просить у Мера для себя квартиры, покуда перемѣняютъ подводу, то нѣсколько голосовъ звали меня къ себѣ, и Меръ съ удовольствіемъ сказалъ: »Видите-ли, какъ вамъ всѣ рады?« Впрочемъ, я не нашелъ никакого угощенія, кромѣ яичницы и вина, обыкновенной моей пищи на

скорую руку; занятій у меня было столько, что нѣкогда было думать объ обѣдѣ и отдыхѣ.

Имѣя открытый листъ отъ Начальника Корпуснаго Штаба, Генерала Понсета, я, для скорѣйшаго себѣ вытребованія тарантайки, всегда показываю видъ, что ѣду предупреждать о приходѣ нашихъ войскъ, и меня торопятся отправлять далѣе. Но это случалось только въ мѣстечкахъ и городахъ; въ деревняхъ-же весьма было затруднительно выманить тарантайку. Въ деревнѣ Бреквиль я попалъ на буйныхъ Якобинцевъ и ожидалъ тарантайки четыре часа. Тутъ было совершенное безначаліе: большая часть Французовъ, по случаю праздника Дѣвы и дня рожденія Наполеона, были пьяны, и не хотѣли дать мнѣ лошадей, которыя припомъ гуляли далеко на лугу. Двое при мнѣ начали даже браниться и драться; вся деревня сбѣжалась: шумѣли, кричали. Деньщикъ мой думалъ, что они хотятъ меня и его убить, прибѣжалъ ко мнѣ блѣдный и сказалъ: »Ваше Благородіе! спасайтесь; мужики собираются съ ножами!»—Я, хотя не безъ страха, однако старался сохранить равнодушіе, смѣялся, смотря на дерущихся Французовъ, и подошедши нарочно къ бабамъ, сталъ ласкать дѣтей ихъ.—Comme il est bon! (какъ

онъ добръ) говорили бабы, и, можетъ быть, это помогло мнѣ, потому что вдругъ изъ толпы вышелъ высокій, дюжій мужикъ, разнялъ дерущихся, послѣ чего мнѣ скоро привели слѣпую лошадь въ шарашайкѣ, и посадили на нее полоумнаго нищаго, вмѣсто извощика; но какъ онъ вовсе не умѣлъ держать вожжей, то одинъ изъ крикуновъ, съ ужаснымъ прокляпіемъ, сѣлъ и повезъ меня. Я былъ радъ, что вырвался изъ толпы этой буйной черни.

Въ мѣстечко Сиври пріѣхалъ я ввечеру. Люди всѣ разошлись, кто въ церковь, а кто плясать съ мамзелями. Мнѣ отвели квартиру для ночлега, но я не могъ достучаться въ нее. Между тѣмъ какъ искали хозяина, Меръ пригласилъ меня въ церковь: пѣли Te deum! въ честь Дѣвы, покровительницы Франціи, но богомольцевъ было не много: только десятка три бабъ. Отсюда, идучи по улицѣ и любуясь луною, я услышалъ въ одномъ домѣ музыку, и зашелъ туда. Одинъ виртуозъ, на возвышенномъ мѣстѣ, скрыпѣлъ въ свой волшебный гудокъ, по которому нѣсколько паръ кружилось медленнымъ вальсомъ. Присутствующіе, съ веселыми лицами, увидѣвши меня, пригласили танцовать. Отговориться, значило-бы обидѣть честную компанію. Я ве-

лѣлъ играть скорѣе и съ подведенною ко мнѣ дамою сталъ вертѣться; но она была такъ тяжела и неловка, что зацѣпившись за мою ногу, брякнулась на полъ. Ah! pardon, Madame! вскричалъ я, и старался поднять ее; но какъ нѣкоторые кавалеры наморщились на меня, замѣчая умыселъ, то я схватилъ шапку и ушелъ.

На квартирѣ засталъ я молодую чету. Хозяинъ былъ юный Патеръ, недавно вышедшій изъ Университета; онъ не зналъ, солдатъ-ли я, или офицеръ, и увидѣвши мои брульоны, удивлялся, какъ могу я дѣлать планы деревень и снимать мѣстоположенія безъ всякаго инструмента, съ помощію однихъ глазъ и карандаша въ рукѣ. Между тѣмъ юная супруга его, весьма толстая и румяная, подала мнѣ прекрасную яичницу и бутылку вина.

Сегодня я проѣзжалъ мимо замка, или извѣстнаго эрмитажа Сенъ-Пантальона, гдѣ, во время Революціи, при Робеспіерѣ, рѣзали роялистовъ. Замокъ стоитъ на горѣ, въ дикомъ уединеніи, и окруженъ, не въ дальнемъ разстояніи, лѣсомъ.

Изъ Сиври съ удовольствіемъ ѣхалъ я по правому берегу р. Мааса. Берега ея довольно крутыя. Между ними въ долинѣ, на версту

шириною, идетъ рѣка кривыми извилинами; по обѣимъ сторонамъ ея разбросанныя деревни и поля съ хлѣбомъ, придаютъ ей много величія. Я, упружденный ѣздою, былъ нездоровъ, и не могъ замѣчать всѣхъ пріятностей мѣстоположенія. Вдали скрывался Вердёнъ и постепенно выходилъ изъ тумана. Изъ дер. Бельвиль я пошелъ въ городъ пѣшкомъ. Хотя онъ окруженъ водою, но его не трудно-бы взять формальною осадою; только цитадель шверда.

Въ крѣпость вошелъ я безпрепятственно. Часовой, съ ружьемъ, въ синемъ мундирѣ и въ трехъ-угольной шляпѣ Національной Гвардіи, прохаживался у воротъ взадъ и впередъ, посматривая на меня косо, однако не остановилъ. На гауптвахтѣ солдаты въ синихъ-же мундирахъ, съ красно-махровыми эполетами, въ разномъ положеніи читали газеты. По улицамъ было много народа въ движеніи. Въ лавкахъ, или въ магазинахъ, всѣ товары были выложены въ блестящемъ порядкѣ. Я зашелъ въ одну книжную, и на два червонца купилъ матеріяловъ для черченія карты. Купивши нѣсколько книжекъ и коробочку славныхъ конфетъ, я опять вышелъ изъ крѣпости и могъ разсмотрѣть ее для плана такъ, что ни кто того не замѣтилъ.

На ночь поѣхалъ я въ д. Женанкуръ, на большой дорогѣ. Важная дама, владѣтельница замка, не хотѣла было принять меня къ себѣ, и назначила для ночлега дурную избу; за такую грубость я заплатилъ ей тѣмъ-же: самъ пришелъ къ ней, и объявилъ, что стану въ ея домѣ, хотя-бы она не желала того. Дама вертѣлась туда и сюда, но должна была смириться. Пришелъ мужъ, который извинилъ ее тѣмъ, что она боится военныхъ. За ужиномъ разговорились мы съ нимъ о политикѣ, о Королѣ, о Наполеонѣ, о нынѣшнемъ состояніи народа, о предстоящей его участи, о духѣ націй; перебрали всѣхъ Людовиковъ, Генриха, Сюлли, Кольбера и проч. Между тѣмъ я узналъ отъ этого, не простаго Француза, обо всемъ, что нужно мнѣ было для статистики края. Теперь умы Французовъ въ страшномъ волненіи, начиная отъ Министровъ до солдата и мужика. При Наполеонѣ Франція обогащалась на счетъ завоеваній въ Германіи и Италіи, а теперь она должна существовать собственными средствами. Политика Наполеонова при его могуществѣ владычествовала въ Европѣ, а теперь Франція должна зависѣть отъ вліянія Державъ, давшихъ ей Короля. Сверхъ того, при настоящемъ переворотѣ обстоятельствъ, мно-

гіе Французы спрашились, что будутъ лишены достоянія, которое назовется несправедливо-пріобрѣтеннымъ, или вовсе будутъ они истреблены за политическія мнѣнія. Все это долженствовало невольно колебать умы и духъ всей націи Французской.

Отсюда я спѣшилъ въ Сенъ-Мену. Въ Клермонѣ погулялъ на высотахъ и любовался безполезными укрѣпленіями Французовъ. Въ Сенъ-Мену въѣхалъ какъ домой. Поѣздка и рекогносцировка утомили меня; теперь надлежало засѣсть рисовать карту набѣло и писать: одно другаго не легче.

Мосьё Маршанъ принесъ мнѣ билетъ для другой квартиры, по сосѣдству съ нимъ. Онъ не хотѣлъ, чтобы я жилъ вмѣстѣ съ Подполковникомъ въ его домѣ, по многимъ причинамъ: что для меня въ домѣ нѣтъ кровати, а если взять ее отъ горничной дѣвки, то она должна будетъ спать на полу; но главная причина была та, что я за ужиномъ говорилъ каламбуры на счетъ добродѣтели его супруги, и, вставая рано поутру на свою работу, безпокою ихъ.

Послѣ двухъ-недѣльной ѣзды, я засѣлъ на столько-же чертить и рисовать, съ 5-ти часовъ утра до 7-ми вечера, съ большимъ терпѣніемъ. Въ четыре дни отдѣлалъ только четверть карты изъ брульоновъ нашей

рекогносцировки: работы много, но времени мало; надобно было черпить на-скоро. Казначей привезъ мнѣ жалованья и раціоновъ 56 червонцевъ, и я опять сталъ богатъ, какъ Крезъ. Подполковникъ поѣхалъ дополнять свои пропуски, а я остался съ вороньимъ перомъ, чувствуя, что эта работа клонила меня къ болѣзни.

Мосьё Маршанъ опять принесъ мнѣ билетъ; но уже не на другую кварширу, а для приглашенія въ театръ, гдѣ его супруга будетъ играть первую ролю Королевы, въ піесѣ: Charade en action. Я поздравилъ его, догадываясь, что эта шарада въ дѣйствіи конечно случится за кулисами.... Я не хотѣлъ быть свидѣтелемъ дурачества обольщенной женщины на театрѣ. Говорятъ, она имѣетъ свою цѣль, оковать Генерала N***: пѣла въ честь ему куплеты и подала лавровый вѣнокъ.

Сегодня у Французовъ праздникъ св. Людовика, и въ городѣ была иллюминація. Ратуша украшалась транспарантами со многими надписями; вездѣ горѣли лиліи, и крестъ св. Людовика занималъ первое мѣсто. Народъ еще передъ вечеромъ выползъ за ворота на улицу; но только одни мальчики кричали: Vive le Roi! vive Louis XVIII! и пускали хлопушки вмѣсто заздравныхъ

выстрѣловъ. Генералъ N*** сдѣлалъ балъ, и пригласилъ только дѣвицъ; между ними отличалась одна Мадамъ Маршанъ; она-же и хозяйничала у Генерала. За это прочія дамы негодовали на нее, а бѣдный мужъ готовъ былъ величать жену свою превосходительною, за пріятный отъ нея подарокъ на голову, въ знакъ супружеской добродѣтели.

16-го Августа городъ сложился сдѣлать обѣдъ и балъ, который, говорятъ, не стоилъ трехъ грошей. Изъ жителей, кто давалъ деньги, тотъ и обѣдалъ; на балу дамъ поили пивомъ.

Вчера пріѣхалъ съ окончательной рекогносцировки мой Подполковникъ. По предписанію Оберъ-Квартирмейстера намъ должно отправиться въ Реймсъ. Всей арміи велѣно приготовиться къ великолѣпному и церемоніяльному смотру при Вертю. Генералъ Р*** все бремя манёвровъ сложилъ на Подполковника Д***, поручивъ ему расположить ихъ своимъ Адъютантамъ и полковымъ командирамъ.

Француженки имѣютъ пріятное обыкновеніе работать въ полномъ нарядѣ, не только внутри комнатъ, подъ открытымъ окномъ, или при дверяхъ дома, но даже на улицахъ. Стройность ихъ стана и по-

крой платья болѣе привлекательны, нежели самыя лица. Въ походкѣ ихъ и тѣлодвиженіи много обнаруживающаго пылкій темпераментъ; кажется, всѣ онѣ дышатъ, единственно, однимъ желаніемъ сладострастія. По этому-то я никогда не могъ влюбиться во Француженку, замѣчая въ нихъ слишкомъ много матеріялизма.

19-го Августа Подполковникъ мой уѣхалъ въ Реймсъ, и мнѣ завтра надобно туда-же отправляться. Карты осталось чертить еще на шесть дней прилежной работы. Она отняла у меня много времени, такъ, что, живши въ Сенъ-Мену около двухъ недѣль, я не могъ ни гдѣ быть, чтобы замѣтить любопытныя черты Французовъ. Впрочемъ, въ городѣ не было для меня ничего интереснѣе Мосьё Форштеня. Этотъ добрый роялистъ, егерь и лѣсничій, безпрестанно былъ на охотѣ съ нашими Генералами. Я съ нимъ хорошо подружился, и признаюсь, что изъ всѣхъ Французовъ люблю его одного; такіе добрые и честные люди, какъ онъ, мнѣ кажется, рѣдки между Французами. Онъ пѣнялъ мнѣ, зачѣмъ я не остановился прямо у него на квартирѣ, и не жилъ вмѣстѣ, по старому, и за то удержалъ сегодня ужинать. Мы разговаривали болѣе объ охотѣ. Ему пріятно

знакомство съ нашими Генералами, но жаль также и дикихъ козъ своихъ, за которыми они съ нимъ ѣздятъ въ Арденскій лѣсъ. Г. Форшень, преданный Бурбонамъ, довольно потерпѣлъ отъ Наполеонистовъ, и чуть не былъ арестованъ при возвращеніи Наполеона, имѣя за честь Короля дуэль съ однимъ офицеромъ, котораго онъ закололъ на мѣстѣ. Онъ лишился двухъ сыновей, погибшихъ въ службѣ у Наполеона; теперь видитъ только одного при себѣ и двухъ дочерей, изъ которыхъ младшая, блондинка, довольно хороша собою. Онъ воображалъ, что я, подобно другимъ дворянамъ, имѣю въ Россіи помѣстье и крестьянъ, а потому, кажется, хотѣлъ чтобы я съ нимъ породнился, при чемъ говорилъ: »Если Рускіе еще останутся на нѣсколько мѣсяцевъ во Франціи, то многіе изъ офицеровъ вашихъ женятся, потому что они весьма нравятся Француженкамъ.« — Для меня случай остаться во Франціи могъ-бы быть не безполезенъ, если-бы не было къ тому множества препятствій и дурныхъ послѣдствій; приманка не стоила жертвы. Я полюбилъ Гна Форшеня, какъ друга, видя въ немъ искреннее къ себѣ расположеніе; но породниться съ нимъ ни за что не рѣшился-бы. Я Россію люблю больше Франціи, и надѣюсь всего

лучшаго въ своемъ отечествѣ, болѣе нежели гдѣ нибудь. Рускіе еще не столько повреждены въ нравахъ, какъ Французы, и съ ними скорѣе можно ужиться. — Послѣ ужина самъ Мосьё Форшень проводилъ меня, съ фонаремъ, до квартиры, и не хотѣлъ никакъ, чшобы я тѣмъ-же отблагодарилъ его. Но сколько онъ удивился, когда, пришедши къ своему дому, услышалъ отъ меня, своего тайно провожатаго: Je vous souhaite la bonne nuit, Monsieur Fortaine! — Мы довольно посмѣялись этому, и разстались искренними друзьями.

На другой день, 20-го Августа поутру, въ послѣдній разъ зашелъ я къ почтенному другу моему, Г-ну Форшеню, который удержалъ меня завтракать. Онъ перешаскалъ изъ погреба своего нѣсколько бутылокъ лучшаго вина; мы нѣсколько ихъ роспили вдвоемъ, желая другъ другу всего наилучшаго въ мірѣ, и еще одного радостнаго свиданія.... Послѣ того мы крѣпко обнялись, и я съ слезами на глазахъ отправился въ Реймсъ. (Живъ-ли теперь мой почтенный другъ?)... 14-ть миль проѣхалъ я въ продолженіе десяти часовъ. Жаръ и пыль были несносны.

Я обрадовался увидѣвши опять Реймсъ. Въ немъ жить веселѣе нежели въ Сенъ-Мену. Всегда пріятно вспоминать о тѣхъ

мѣстахъ, гдѣ мы находили какія нибудь удовольствія!

Оберъ-Квартирмейстеръ сначала былъ недоволенъ, что наша рекогносцировка не поспѣла къ сроку, и полагалъ, что она столько-же у насъ неисправна, какъ у Подполковниковъ М*** и К***; но взглянувши на мою писанную перомъ карту, весьма обрадовался, и увѣрялъ меня, что я непремѣнно буду переведенъ въ Свиту Его Величества; при чемъ едва вѣрилъ, чтобы одному мнѣ можно было столько объѣздить и начертить.—» Отъ того онъ такъ боленъ и изнуренъ « — сказалъ мой Подполковникъ.—Онъ сталъ на квартирѣ опять у любезной вдовушки Мадамъ Ганріо, которая непремѣнно желала, чтобъ и я занялъ свою прежнюю комнату съ прекрасною мебелью; но мнѣ было не до нея. Работы за картою осталось еще на пять дней, а Оберъ-Квартирмейстеръ хотѣлъ, чтобъ черезъ день все было кончено.

21-го Августа всѣ наши офицеры поѣхали подъ Вертю, размѣрять поле для манёвровъ, и колышками назначать для полковъ мѣста. Я насилу выпросилъ позволеніе у Полковника остаться въ Реймсѣ дорисовать карту, которую хотѣлъ привезти прямо къ смотру. Квартиру отвели мнѣ тамъ,

гдѣ стоялъ Артиллеріи-Генералъ К***. Хозяинъ дома былъ богатѣйшій купецъ, торгующій виномъ. Домъ у него огромный, въ три этажа. Хозяина часто посѣщали знатнѣйшіе Французы и наши Генералы; иногда и я заходилъ къ нему. Хозяйка была почтенная дама; но дочь ихъ, не смотря на ея живость, румянецъ и полноту, была очень некрасива. Сверхъ того въ семействѣ было еще девять дочерей и три сына. Комната у меня большая и свѣтлая, съ хорошею мебелью. По заведенному Генераломъ К*** здѣсь порядку, для обѣда приносили мнѣ всегда много мясняго кушанья, большею частію дичи, и послѣ того отличные фрукты: персики, груши, виноградъ, и бутылку хорошаго вина. — Въ Сенъ-Мену бѣдная вдова кормила меня на квартирѣ горохомъ, морковью, бобами, спаржею и сливами, почти безъ мяса; а здѣсь давали мнѣ безъ овощей мясо и мясо. Иногда ужиналъ я съ хозяиномъ. Интересной бесѣды у насъ не бывало: онъ разсказывалъ мнѣ о нравахъ и обычаяхъ Испанцевъ, а я его пѣмъ-же подчивалъ о Татарахъ.

Всѣ чиновники съ войсками идутъ отсюда подъ Вертю, для великолѣпнаго смотра, выключая еще Корпуснаго Штаба. — Генералъ К***, ввечеру, приходилъ прощаться съ

моимъ хозяиномъ, какъ старый постоялецъ, помня хлѣбъ и соль. Я служилъ ему переводчикомъ. Не смотря на его странности въ образѣ жизни и строгость по службѣ, онъ въ обращеніи со всякимъ простъ, кротокъ и вѣжливъ. На прощаньѣ онъ сказалъ хозяину, что любитъ Французовъ, которые по натурѣ добры, но испорчены воспитаніемъ и Революціею.

Наконецъ я кончилъ свою работу. Карта, въ полшора аршина длины и въ аршинъ ширины, была отдѣлана перомъ, со всѣми подробностями ситуаціи, въ три недѣли. Безъ этого труда не льзя было мнѣ надѣяться ни на какое ходатайство для перевода въ Свиту Его Величества. Оберъ-Квартирмейстеръ, однако, догадавшись, съ какимъ намѣреніемъ я дѣлалъ карту, былъ не доволенъ; но мнѣ должно было, по неволѣ, рекомендовать самого себя.

Прощай Реймсъ! Отъѣзжая 28-го Августа поутру изъ него, я въ послѣдній разъ имъ любовался долго, не спуская глазъ съ великолѣпнаго собора, который, наконецъ, со всѣми зданіями исчезъ изъ глазъ моихъ въ туманѣ. — Комендантъ въ Реймсѣ, Жакобсонъ, стоющій городу ежедневно по сту франковъ содержанія, съ трудомъ далъ мнѣ билетъ на тарантайку для отъѣзда, увѣряя,

что я долженъ имѣть свою лошадь, или идти пѣшкомъ, куда мнѣ угодно. — Въ Эперне увидѣлъ я множество куцыхъ лошадей, которыя ожидали Кронпринцевъ и Герцоговъ изъ Парижа. Тутъ скоро дали мнѣ тарантайку, потому что все было на военной ногѣ. Отсюда до лагеря оставалось еще добрыхъ пять миль. Не доѣзжая трехъ верстъ до Вертю, я увидѣлъ обширный станъ православнаго Россійскаго воинства, расположеннаго отъ города по рѣчкѣ верстъ на пятнадцать; въ концѣ расположенія возвышалась Монтъ-Эме (любимая гора), предметъ ожиданія милліона людей, потому что маневры предполагались передъ нею, и съ ея вершины хотѣли быть зрителями всѣ жители изъ окрестностей Парижа. Я не скоро нашелъ своихъ въ небольшой деревушкѣ Шеврѣ: всѣ они находились въ безпрестанной ѣздѣ на полѣ манёвровъ, при назначеніи мѣстъ. Говорятъ, Государь Императоръ уже 26-го числа одинъ изволилъ смотрѣть войски. Всѣ Генералы признаютъ, что войски хорошо исполняютъ манёвры; но маршируютъ еще неуравненнымъ шагомъ.

Цѣлую ночь съ Подполковникомъ Д*** писали мы статистику и военныя замѣчанія нашей рекогносцировки. Рано поутру слѣ-

дующаго дня Полковникъ Ф*** позвалъ меня съ картою, и поѣхалъ со мною къ Генералъ-Кварпирмейстеру.

29-е Августа — знаменитый день для Россійскаго воинства! Звукъ его оружія раздался громкимъ эхомъ во всѣ концы Европы. Великолѣпный смотръ былъ достоинъ великаго Императора Россіи: 200,000 Русскихъ воиновъ, въ строжайшей дисциплинѣ, сытыхъ, выученныхъ, опряшно одѣтыхъ, явились на поляхъ Франціи у мѣстечка *добродѣтели* (Vertu), предъ *любимой горою* (Montaimé).—Рѣдкое явленіе!

Войски поднялись изъ лагеря съ 3-хъ часовъ ночи; но сколько еще до этого часа было чистки, пригоповленій! сколько ѣзды Адъютантамъ и Свитскимъ офицерамъ! Въ 8 часовъ утра, при ясной погодѣ, войски уже стояли предъ Монтъ-Эме въ боевомъ порядкѣ, въ три линіи: правый флангъ первыхъ двухъ почти упирался въ д. Вержери и къ рѣчкѣ; онъ состоялъ изъ 2-й гусарской дивизіи и 3-го пѣхотнаго Корпуса Генерала Дохтурова. Въ центрѣ стоялъ 5-й Корпусъ Генерала Барона Остенъ-Сакена, пропивъ самой Монтъ-Эме. На лѣвомъ флангѣ Корпусъ Генерала Раевскаго съ 3-ею гусарскою дивизіею, также упирался въ одну деревню. Артиллерія, принадлежащая

къ Корпусамъ, была по-рошно размѣщена между бригадами полковъ. Въ трешьей линіи находилась 27-я дивизія, вся тяжелая кавалерія и резервная артиллерія. Вся армія въ такомъ порядкѣ была окружена цѣпью Казаковъ. Тысячи народа усѣяли Монтъ-Эме, откуда открывалось на пространномъ полѣ необозримое воинство Царя Русскаго, версты на три протяженія. Генералъ-Полицмейстеръ Эртель, съ голубыми жандармами своими, разъѣзжалъ между народомъ и войскомъ для соблюденія порядка. На вершинѣ горы устроена была обширная платформа съ перилами, для высокихъ зрителей.

По первому сигналу, войски встрѣтили явившагося на горѣ Императора Россійскаго съ Союзниками, крикомъ ура! Во всѣхъ полкахъ заиграла музыка, и по двѣнадцати выстрѣловъ сдѣлано изъ каждой батареи. Все это произвело необыкновенный гулъ, и открыло изъ неподвижной массы войскъ великолѣпное зрѣлище. По второму сигналу, вдругъ всѣ 200,000 войскъ пришли въ движеніе; со всѣхъ концовъ поднялась густая пыль и стукъ отъ скачущей съ одного фланга на другой артиллеріи; но когда пыль улеглась, то уже вмѣсто трехъ линій представился большой четвероугольникъ, или огромное каре. Императоръ нашъ,

съ Австрійскимъ Императоромъ и Королемъ Прусскимъ, въ сопровожденіи многочисленной свиты, спустились съ горы и поскакали по фасамъ, привѣтствуя солдатъ, которые вездѣ встрѣчали ихъ крикомъ ура! барабаннымъ боемъ и музыкою. Нѣкоторые Генералы отстали, и съ ними Лордъ Веллингтонъ, который ѣхалъ шагомъ и разсматривалъ съ любопытствомъ нашу артиллерію.—По третьему сигналу, всѣ войски построились въ густыя колонны побригадно съ артиллеріею, къ церемоніяльному маршу, и началось шествіе скорымъ шагомъ. Императоръ нашъ съ обнаженною шпагою рекомендовалъ проходящія войски Австрійскому Императору и Прусскому Королю, называя по фамиліямъ Корпусныхъ и Дивизіонныхъ Командировъ, и нумера Корпусовъ и дивизій. Австрійскій Императоръ и Прусскій Король были одѣты въ Русскіе мундиры; первый изъ нихъ сидѣлъ на своемъ конѣ неподвижно и равнодушно, не изъявляя въ лицѣ никакого чувства; но второй былъ веселъ и не рѣдко приближался къ Государю нашему съ привѣтствіемъ. За тремя Державными Государями находились всѣ Принцы крови, Герцоги, Князья и полководцы: Лордъ Веллингтонъ въ красномъ мундирѣ, съ орлинымъ носомъ; дород-

ный Князь Шварценбергъ въ бѣломъ мундирѣ; Герцогъ Роганъ въ золотомъ Венгерскомъ; Принцъ Кобургскій Леопольдъ, и нѣсколько Французскихъ Генераловъ новаго Короля. Внимательнѣе всѣхъ къ нашему войску былъ Лордъ Веллингтонъ, съ важною физіогноміею и быстрымъ взглядомъ. За нимъ находилось нѣсколько нашихъ Генераловъ и Прусскихъ. Въ продолженіе шествія войскъ, Императоръ нашъ иногда изъявлялъ неудовольствіе, пожималъ плечами, но вскорѣ опять развеселялся, и былъ особенно доволенъ, когда проходили гусары, уланы и конная артиллерія. Въ это время даже Императоръ Францъ улыбался. Государь нашъ, подъѣхавши къ Веллингтону, кажется желалъ знать его мнѣніе; Веллингтонъ отвѣчалъ комплиментомъ, и Государь, съ уклонкою головы, весьма довольный, отъѣхалъ на свое мѣсто. — Для украшенія этой блестящей группы Князей, Герцоговъ и Генераловъ въ разноцвѣтныхъ мундирахъ, находились двѣ дамы: Герцогиня Курляндская Бирон, прекрасная брюнетка въ синей амазонѣ, и другая, говорили, супруга Лорда Веллингтона, важная дама, въ капотѣ гороховаго цвѣта. Первая занималась безпрестанно пріятною бесѣдою съ красивымъ зеленымъ гусаромъ, у котораго на головѣ раз-

вѣвались черныя строусовы перья, или обращалась къ другому красному гусару въ собольей шапкѣ. — Шествіе войскъ продолжалось болѣе часа, и заключилось нѣсколькими ротами конной-артиллеріи, которую велъ Генералъ-Фельдцейгмейстеръ. Потомъ всѣ поѣхали на гору для новаго зрѣлища. — По пятому сигналу, войски начали строиться изъ колоннъ въ боевой порядокъ, по прежнему, въ три линіи; опять поднялся командный вопль, стукъ, и пыль на нѣсколько минутъ все покрыла. По шестому сигналу, вдругъ со всѣхъ трехъ линій открылся огонь ружейный и громъ пушечный, съ густымъ дымомъ. Земля стонала и небо колебалось! Войски скрылись въ огнѣ и въ дыму, который густыми облаками поднимался къ небу и затмѣвалъ солнце. Простые зрители ужасались, наши Генералы были восхищены, иноземные Государи, Князья и Герцоги ощутили въ сердцѣ своемъ эхо Русскаго оружія, и могущество нашего Императора, который, какъ Юпитеръ-громовержецъ съ высоты Олимпа, торжествовалъ тогда надъ державными полубогами Европы! Это страшное изверженіе живаго Везувія продолжалось четверть часа, и всѣ многосложные манёвры, къ удивленію тактиковъ, кончились въ продолженіе двухъ ча-

совъ. Съ послѣдними ударами выстрѣловъ, всѣ высокіе зрители стали расходиться; одинъ только Лордъ Веллингтонъ, облокотившись на перилы правою рукою, оставался нѣсколько минутъ въ задумчивости: съ такимъ войскомъ онъ, конечно, завоевалъ бы вселенную. Государь нашъ замѣтилъ это, и съ улыбкою тронувши за руку знаменитаго полководца, пробудилъ его.

Зрителей было около осьми тысячь; въ томъ числѣ явилось много дамъ и разныхъ Мосьё, пріѣзжихъ изъ Парижа, Реймса, Шалона, Труа и другихъ ближайшихъ городовъ. При каждомъ движеніи войскъ нашихъ, телеграфъ на горѣ сочинялъ свои фигуры, и, вмѣстѣ съ эхомъ грома нашего оружія, передавалъ дѣйствіе его во всѣ концы Франціи—для памяти правнукамъ.

30-го Августа, въ высокоторжественный день тезоименитства Императора нашего, всѣ войски, преклонивъ колѣна, возсылали къ небу мольбы свои о здравіи и спасеніи всемилостивѣйшаго Государя. — Нѣсколько далѣе за горою Монтъ-Эме, поставлено было на равнинѣ, на помостахъ, шесть походныхъ Русскихъ церквей въ большихъ намётахъ; впереди ихъ на горѣ стояла седьмая, самого Императора. Въ назначенный часъ пришли войски въ густыхъ колоннахъ, и ста-

ли Корпусами около своихъ церквей. По сигналу всѣ солдаты сняли кивера, и началась служба. Въ церквахъ подъ намётами могли помѣщаться только Генералы и штабъ-офицеры, а прочіе стояли снаружи. Кавалеристы пришли безъ лошадей. Зрителей такъ-же много собралось, какъ и вчера. Въ продолженіе службы царствовала глубокая тишина, и только разногласное пѣніе пѣвчихъ разносилось вѣтромъ отъ одного конца поля до другаго. Въ этотъ день, Государь Императоръ, по обыкновенію своему, излилъ множество милостей на заслуживавшихъ того: многіе Полковники произведены были въ Генералы; штабъ и оберъ-офицеры повышены въ чины. Въ этотъ день и я изъ Артиллеріи переведенъ въ Свиту Его Величества по Квартирмейстерской части. Въ этотъ день имѣли счастіе обѣдать съ Императоромъ всѣ Генералы арміи, съ которыми Государь изволилъ разговаривать по-Русски; нѣкоторые изъ нихъ, въ откровенной бесѣдѣ съ Его Величествомъ, обнаруживали остроту ума и чувства преданности къ любимому Монарху.

На другой день получено извѣстіе, что вся наша армія идетъ обратно въ Россію, выключая 9-й и 12-й пѣхотныхъ дивизій, и 3-й драгунской, которыя остаются, подъ

начальствомъ Графа Воронцова, для успокоенія Франціи, вмѣстѣ съ прочими отдѣльными частями войскъ отъ другихъ Союзныхъ Державъ. Надъ всѣми оставающимися будетъ Главнокомандующимъ Герцогъ Веллингтонъ. — Сегодня имѣли счастіе обѣдать вмѣстѣ съ Императоромъ всѣ штабъ-офицеры арміи.

Такъ кончились подвиги Рускихъ и мщеніе Французамъ за вторженіе ихъ въ Россію!

ГЛАВА VIII.

ОБРАТНЫЙ ПУТЬ ДО КОБУРГА.

Шалонъ. — Путь до Сенъ-Мiеля. — Скульптурная рѣдкость. — Кружевницы. — Понтъ-а-Муссонъ. — О женщинахъ. — Смѣшное мщенiе. — Сааргемюнъ. — Фаянсовая фабрика. — Участь жителей. — Путь къ Дармштату. — Ландратъ. — Квартира у Барона. — Почталіонъ. — Дибургъ. — Ашаффенбургъ. — Вирцбургъ. — Швейнфуртъ. — Дорога къ Гассфурту. — Рѣдкости. — Путь до Кобурга.

1-го Сентября, въ Шалонѣ, застали мы Главную Квартиру Фельдмаршала, которая такъ наполнила городъ, что въ каждомъ домѣ былъ изобильный постой. Даже Полковникъ нашъ не могъ найдти себѣ квартиры; но я забрался въ одинъ уединенный домикъ, оставленный безъ вниманія, и нашелъ добраго хозяина. Скоро явился законный постоялецъ: Адъютантъ начальника всей артиллеріи. Къ ужину пришелъ еще другой Адъютантъ, Подполковникъ N*** съ толстымъ аксельбантомъ, и началъ го-

воришь о военныхъ и математическихъ книгахъ, какія намѣренъ купишь. Я совѣтовалъ ему пріобрѣсти лучше Энциклопедію, гдѣ все есть, и онъ былъ согласенъ на это. Ему также нравились Езоповы Басни съ картинками.

Полковникъ Ф*** опять поручилъ мнѣ дѣлать съемку дорогъ. Я-бы могъ еще остаться въ Шалонѣ; но по недостатку жилища и въ избѣжаніе Главной Квартиры, которая простоитъ здѣсь шесть дней, вознамѣрился продолжать путь свой.

На другой день купилъ я себѣ золотые эполеты и перемѣнилъ черный суконный воротникъ на бархатный. Сегодня мы съ Оберъ-Квартирмейстеромъ проѣхали 30 верстъ и остановились для ночлега въ дер. Нешанкурѣ, гдѣ должность Мера занималъ сѣдой Мосьё, имѣющій мызу и молодую жену. Квартиру далъ онъ намъ дурную, и по обращенію его видно было, что онъ насъ провожаетъ, а не встрѣчаетъ.

Отъ Нешанкура я думалъ ѣхать въ Барледюкъ, и дожидаться тамъ Подполковника Д***; но Оберъ-Квартирмейстеръ совѣтовалъ мнѣ сдѣлать это въ Сенъ-Міелѣ, и я опять поѣхалъ съ нимъ. Въ м. Вобекурѣ мы нашли Мера, добраго эгоиста и набо-

жнаго роялиста, отъ котораго пріемъ былъ порядочный.

Сенъ-Міель, небольшой городъ на р. Масѣ. Въ немъ какъ строенія, такъ и жители, старые. Хорошо ѣздить впереди войскъ: достаются лучшія квартиры. У меня здѣсь хозяйка вдова (ихъ множество во Франціи) съ двумя дочерьми; старшая изъ сихъ замужняя, съ ужаснымъ носомъ и обширнымъ ртомъ; другая мамзель, съ сѣдиною, и ряба, какъ пряничная форма. Сама старуха лучше ихъ, и добрая роялистка; у нея вездѣ по стѣнамъ комнатъ висятъ портреты Бурбоновъ и лиліи.

По утру разбудили меня артиллерійскіе трубачи; за ними пришелъ Казачій полкъ, съ хорошими пѣсельниками.

Всѣ мы ходили смотрѣть скульптурную рѣдкость, достойную любопытства путешественниковъ. Въ соборной церкви есть группа фигуръ, во весь ростъ, изсѣченная изъ бѣлаго мрамора, и представляющая погребеніе Іисуса Христа. Подобнаго этому конечно ни гдѣ нѣтъ. Лежіеръ-Шаріе, ученикъ Микель-Анджело, 160 лѣтъ тому назадъ, сдѣлалъ эту группу изъ цѣльныхъ камней для Сенъ-Міеля, своей родины, надъ чѣмъ трудился 26 лѣтъ. Христа несутъ на рукахъ двое учениковъ его; Магдалина под-

держиваетъ ноги и хочетъ цѣловать ихъ; за ними идетъ молодая, беременная женщина съ терновымъ вѣнкомъ на головѣ; въ сторонѣ надъ Христомъ Матерь Его, въ сильной горести и почти въ обморокѣ, поддерживаемая двумя фигурами. Молодая дѣвушка открываетъ гробницу; позади двое Римлянъ играютъ на барабанѣ въ кости, и третій между ними сидитъ зрителемъ. Тутъ-же представленъ Ангелъ, въ сильной горести, обнявшій крестъ. Всѣ фигуры сдѣланы весьма правильно, только головы у всѣхъ очень велики и лбы широки. Лучшая изъ фигуръ есть Божія Матерь: горесть ея и обомленіе выражены весьма естественно; другая по ней отлична Магдалина: какъ легко касается она перстами рукъ своихъ до подножія Христова! И съ какимъ нетерпѣніемъ хочетъ цѣловать его ноги! Третья привлекательная фигура была дѣвушка при гробницѣ: не льзя не признать въ ней непорочности; такъ хорошо изображена идея дѣвственности. Еще занимательны были двое игроковъ: точно живые; одинъ сердится, а другой радуется; но жаль только, что оба они безъ носовъ. Лица стариковъ, несущихъ Христа, почтенны; у Ангела лицо искажено. Но въ фигурѣ Іисуса нѣтъ ничего божественнаго. Всѣ отработаны тщательно: мускулы и жилки съ анатомическою

точностію; платье у всѣхъ такъ легко въ своихъ изгибахъ, какъ настоящее полотно. Цѣлая группа неоцѣненна. Людовикъ XIII хотѣлъ перенести ее въ Парижъ, и Наполеонъ присылалъ мастеровъ поднять ее; но артистъ Шаріе такъ умѣлъ прикрѣпить и сцѣпить всѣхъ, что невозможно было пронуть одной фигуры, не испортивши всѣхъ. Во время Революціи весь нишъ съ фигурами былъ закладенъ наравнѣ со стѣною. Безумные санкюлоты плясали въ церкви, сдѣлали изъ нея конюшню, но не знали, что священная группа по близости отъ нихъ скрывалась. Надъ нишемъ слѣдующая Латинская надпись: »Прихожанинъ! удивляйся Христовой гробницѣ, которой лучше въ мірѣ нѣтъ.«

Въ другой церкви есть, того-же скульптора Шаріе, на алтарѣ изсѣченная изъ дерева Божія Матерь въ обморокѣ, которую поддерживаетъ на колѣнахъ своихъ другая фигура. Тутъ-же еще его работы рѣзьба на деревѣ украшаетъ весь хоръ органовъ.— У одной женщины, по показанію другихъ, нашли мы въ чуланѣ заброшенныя двѣ плиты искусной работы, въ барельефахъ, того-же артиста. Женщина удивилась, когда мы спросили у нея объ нихъ и съ лю-

бопытствомъ разсматривали; она сама не знала своего сокровища.

Въ Сенъ-Міелѣ всѣ женщины и дѣвушки занимаются кружевною работою; по всѣмъ улицамъ города, передъ дверями каждаго дома, по и видишь, что плетутъ и брянчатъ коклюшками на огромныхъ подушкахъ. Кружева продаются здѣсь отъ 15 копѣекъ и до 50 франковъ за аршинъ. Впрочемъ, хотя промыслъ великъ, однако здѣшнія кружева хуже Фландрскихъ, и самая лучшая кружевница, сидѣвши цѣлый день за коклюшками, не можетъ здѣсь выработать больше 30 копѣекъ.

Войски наши идутъ тремя колоннами. 3-й Корпусъ опять въ срединѣ, и потому квартиры тѣсны. — Ввечеру пріѣхалъ Подполковникъ Д***, который сказывалъ, что Императоръ нашъ 12-го числа будетъ въ Барледюкѣ. Русскихъ войскъ остается во Франціи 30,000, Австрійскихъ и Прусскихъ по 50,000, Англичанъ 20,000. Эта союзная армія до тѣхъ поръ будетъ квартировать на экзекуціи, покуда Французы не выплатятъ 700 милліоновъ франковъ контрибуціи, изъ которыхъ Россія и Австрія получаютъ по 100, Англія и Пруссія по 125, а все прочее на остальную братію. Французы оказыва-

ютъ большую ненависть противъ Австрійцевъ и Пруссаковъ, и надобно ожидать, что они рѣшатся опять на что нибудь отчаянное.

Оберъ-Кварширмейстеръ уѣхалъ впередъ, а мы съ Подполковникомъ остались. Къ вечеру пришли сюда гусары Графа Ламберта. На площади отличались два хора трубачей, и приманили къ себѣ всѣхъ Француженокъ, которыя, бросивъ свои коклюшки, любовались Русскими гусарами.

10-го Сентября оставили мы Сенъ-Міель и отправились въ Понтъ-а-Муссонъ, лежащій по обѣимъ сторонамъ рѣки Мозеля. Городъ въ пріятномъ мѣстоположеніи. Строенія хотя не лучше Сенъ-Міельскихъ, но улицы правильнѣе.—Наши солдаты такъ разлакомились квартирами во Франціи, что, при возвращеніи въ свои предѣлы, начали оставаться: изъ двухъ гусарскихъ полковъ въ одну ночь ушло 40 человѣкъ. Пѣхотинцы также стали сильно бѣгать. Фельдмаршалъ издалъ строгій приказъ, и опредѣлилъ по червонцу тому, кто поймаетъ и приведетъ бѣглаго; но Французы рѣжутъ нашихъ мародёровъ: недавно нашли застрѣленнаго гусара. — Въ Сентъ-Аво проявился Французскій партизанъ съ 800 разбойниковъ и двумя пушками; для

преслѣдованія его нарядили драгуновъ. Здѣсь жители избалованы Графомъ Л***, и весьма грубы съ нашими войсками. — Въ Понтъ-а-Муссонѣ и во всей Лотарингіи много Жидовъ.

На другой день проѣхали мы не болѣе 40 верстъ. Хорошо, что успѣли позавтракать въ м. Номени, гдѣ двѣ милыя дѣвочки важнаго Мера, вмѣсто десерта, приманивали насъ поцѣлуями. Для ночлега остановились въ небольшомъ м. Моранжѣ, лежащемъ на большой дорогѣ отъ Нанси въ Сааргемюнъ. Здѣсь жители на половину Нѣмцы.—Впереди насъ идутъ уланы, и потому намъ трудно было достать хорошую квартиру. Хозяинъ у меня бѣдный лекарь, видно съ плохою практикою. — Здѣсь жатва хлѣба еще не кончилась; на полѣ много овса, и вообще зелени болѣе нежели въ Шампани и Лотарингіи, потому что мѣсто возвышается приближаясь къ Монтоннерскимъ горамъ.

Я опять явился къ Оберъ-Квартирмейстеру, Полковнику Ф***; ѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ въ Русской кибиткѣ, и вмѣстѣ спалъ на квартирѣ. Для Французовъ страннымъ казался нашъ экипажъ, и даже солдаты прикрикивали: »Ай! кибитка здѣсь!« Мы остановились для ночлега въ Пепланжѣ, у самого Мера, который представилъ намъ изобильный ужинъ съ виноградомъ и яблока-

ми. Хозяйка простая женщина, но мы расхвалили ее за гостепріимство. При этомъ случаѣ завязался у насъ съ Полковникомъ любопытный разговоръ, » Нѣтъ ничего лучше на свѣтѣ, какъ женщины, « сказалъ онъ: » особенно Француженки! « — » Онѣ любятъ наряжаться и кокетничать, а не хозяйствовать,—отвѣчалъ я.—Онѣ составляютъ лучшую мебель въ домѣ. Во Франціи, мнѣ кажется, женщины не знаютъ любви.« —»За то болѣе отъ нихъ горячности. Нѣмки читаютъ много романовъ, и отъ того слабы. Во Франціи національный духъ остался только въ женщинахъ; но здѣсь, у Нѣмцевъ, болѣе Французскаго духа, нежели въ самихъ Французахъ. Нѣтъ хуже промежутка націй, живущихъ между Нѣмцами и Французами: это что-то чудовищное. Вы знаете, что уланы везутъ прострѣленнаго въ этой сторонѣ своего офицера. Но женщины образуютъ наши чувства. « — Мнѣ говорилъ одинъ Прусскій офицеръ—сказалъ я—что во Франціи мужъ покорствуетъ женѣ своей и ожидаетъ ея повелѣній; но въ Пруссіи жены находятся въ строгой дисциплинѣ у мужей своихъ.—»Отъ того Пруссаки столько грубы.« — Точно, кажется, чѣмъ ближе мы бываемъ къ женщинамъ, тѣмъ дѣлаемся нѣжнѣе. Только въ романахъ я всегда находилъ

женщинъ лучше, нежели каковы онѣ въ натурѣ.—»Я также читалъ романы, и вижу, что женщины въ натурѣ лучше романическихъ.«—Авторы поставляютъ божествомъ своихъ романовъ Амура, котораго въ природѣ вовсе нѣтъ.—»Какъ нѣтъ! а что значитъ эта привязанность, эта симпатія, которая связываетъ невидимо любовниковъ?« — Можетъ быть дружба: это иное чувство; оно различно отъ любви. Воображеніе восхищаетъ васъ, увеличивая совершенства предмета, а связываетъ съ нимъ естественная склонность, которая ведетъ къ цѣли наслажденія: вотъ гдѣ Амуръ. Я никогда не могу быть влюбленъ; впрочемъ могу быть счастливъ въ супружествѣ, если только жена моя будетъ имѣть довольно разсудка владѣть, или управлять мною.« — Если-бы вы не расточили столько жизненнаго духа, съ которымъ истощаетесь и пламень этой симпатіи, то вы чувствовали бы любовь, которую такъ хорошо опредѣляете. По моему мнѣнію, несравненно пріятнѣе любовь идеальная, нежели физическая. — »Мало-ли есть сумасшедшихъ, которые изъ мочалъ плетутъ себѣ короны и восхищаются ими? Счастливы только тѣ, которыхъ обманываетъ воображеніе.«—Это правда: любовь есть душевная болѣзнь, родъ го-

рячки отъ воспаленія крови, затмѣвающая разсудокъ; но она есть пріятнѣйшая страсть, возвышающая человѣка выше вещественнаго міра. Люди грубые, необразованные, не могутъ чувствовать и понимать любви; для нея надобно имѣть тонкія чувства. Любовь ведетъ къ великимъ дѣламъ; тысячи примѣровъ тому видимъ во времена рыцарства, когда грубыя чувства начинали смягчаться. — »Напротивъ, тогдашніе любовники не довольствовались одними вздохами, пожатіемъ руки, глазками и поцѣлуями; они не знали вашей идеальной любви; они искали наслажденія, и всѣмъ жертвовали для достиженія своей цѣли; они раздражались, и были похожи болѣе на тигровъ, нежели на голубковъ.« — Однако, силою этой любви они дѣлали великія дѣла. Теперь любовь не имѣетъ той важности; она почитается слабостію, малодушіемъ. — »Пусть такъ. Но скажите, отъ чего Нѣмки, Польки, и даже Русскія, столько слабы? О Француженкахъ не льзя сказать этого. Я увѣренъ, что никто изъ насъ не похвастаетъ благосклонностію Француженокъ, выключая Пале-Рояльскихъ красавицъ. Для насъ въ этомъ отношеніи конечно ни гдѣ не было столько удачи, какъ въ Германіи и въ Польшѣ.« — Эта слабость происходитъ, по моему мнѣ-

нію, отъ чтенія романовъ, или отъ слишкомъ соблазнительныхъ театральныхъ сценъ. Молодая дѣвушка, начитавшись, или насмотрѣвшись любовныхъ похожденій, видитъ во всякомъ повѣсѣ героя своего романа, и невольно сама играетъ съ нимъ роль Элоизы, Шарлотты, или сантиментальной пастушки Алины. Разсудокъ у нихъ поздно является для различенія вещей романическихъ отъ существенныхъ. Замужнія женщины бываютъ слабы, кажется, отъ холодности своихъ мужей, которымъ предпочитаютъ пламенныхъ любовниковъ; притомъ самолюбіе льститъ имъ, что онѣ умѣютъ еще нравиться и скрывать отъ прозорливости мужей свои шалости. Между тѣмъ онѣ обманываются: любовники ихъ всегда разсказываютъ пріятелямъ о своихъ побѣдахъ, и никто этого лучше не узнаетъ, какъ сосѣдки, и никто столько не любитъ разглашать о томъ, какъ сами женщины, чтобы тѣмъ скрыть свои погрѣшности.—»Вы строгой наблюдатель женщинъ; но, мнѣ кажется, Нѣмки въ этомъ отношеніи скромны, а Француженки и Польки хорошо умѣютъ скрывать свои шалости. Вы знаете, что во Франціи позволительны любовникамъ прогулки и свиданія до свадьбы; а я не могъ купить себѣ этой добродѣтели отъ про-

стой дѣвчонки за 20 луидоровъ.« — Это очень похвально, и показываетъ привязанность Француженокъ къ національному. Точно, онѣ имѣютъ болѣе твердости въ характерѣ, нежели женщины другихъ націй. Француженки смѣются надъ романическою любовью; онѣ видятъ въ супружествѣ одинъ интересъ, которымъ движется вся Франція, и потому кажутся холодными, нечувствительными. — »За то Французы очень развращены; они слишкомъ фамиліярны съ своими дамами; это отнимаетъ у нихъ уваженіе къ женщинамъ, и потому они не заслуживаютъ, чтобы эти прекрасныя существа столько ихъ любили: они не стоятъ своихъ дамъ. Между ними нѣтъ той нѣжности, которая раздѣляетъ два пола....«

Съ Полковникомъ Ф*** всегда пріятна бесѣда: онъ весьма образованъ. Еще на пути мы разговорились съ нимъ о національности. Онъ опредѣляетъ предѣломъ Французской націи Рейнъ, Нѣмецкой Эльбу, Русской Двину и Волгу. — »Чтобы знать хорошо это переселеніе націй, прибавилъ онъ, надобно читать Тацита, который приготовитъ васъ, и покажетъ, гдѣ были первенствующіе народы; а Революціи Коха объяснятъ, какъ они другихъ побѣждали и разсѣялись.«

— Чтобы знать Славянъ, мнѣ кажется, надобно читать Исторіи Востока. — » Тамъ ничего нѣтъ. Потомки Чингисъ-Хана поселились въ Южной Россіи; Исторія ихъ извѣстна, но не такъ обстоятельно, какъ-бы должно. — » Монголы испортили Русскую націю: многія лица Рускихъ похожи на лица Татаръ и Калмыковъ. «—Къ несчастію, Рускіе двѣсти лѣтъ находились подъ игомъ Татаръ, и только со временъ Димитрія Донскаго начали себя чувствовать. «

Подполковнику Р*** отвели для постоя замокъ въ концѣ мѣстечка: въ домѣ всѣ окна выбиты, обои подраны, картины обветшали, и въ комнатахъ чесночный запахъ. Хозяйка, какъ старая вѣдьма, съ отвратительнымъ лицомъ, разсказывала свою исторію, что она родомъ изъ Швейцаріи, хотя казалась совершенно Жидовкою; что окна въ ея замкѣ выбили по ненависти къ ней или въ отмщеніе за то, что будто она объявила Русскому Коммисіонеру, что въ ратушѣ хранилось 80 четвертей овса, который члены магистрата хотѣли скрыть, и принуждены были отдать; что послѣ того ночью мальчишки выбили у нея каменьями окна, приговаривая: Haber! Haber! — Это мщеніе членовъ ратуши надъ бѣдною женщиною было странно и смѣшно. Пол-

ковникъ замѣтилъ о томъ Г-ну аджуанту, намѣстнику Мера, который съ замѣшательствомъ говорилъ, что эта женщина пребогатѣйшая, но скупа и зла до отчаянія; что она точно сказала Русскому Коммисіонеру, въ какомъ чуланѣ и въ которомъ углу скрытъ овесъ; но какимъ образомъ ей отмстили, того не знаетъ, и если окна дѣйствительно выбиты по приказанію членовъ, то ихъ можно опять вставить.

Изъ Пепланжа до Сааргемюна мы проѣхали только 10 верстъ. — Въ Сааргемюнѣ жители большею частію Жиды, но такъ не примѣтны, что ихъ можно почесть за Французовъ, или за Нѣмцевъ; они ходятъ во фракахъ, безъ пейсиковъ, безъ бороды и безъ ермолокъ; ихъ можно угадать только по зюзѣ (пергаментный свертокъ съ молитвою, въ ящичкѣ за стекломъ) подъ занавѣскою у окна, или гдѣ нибудь около дверей.— Кавалерія наша заняла всѣ лучшіе домы, и намъ досталось стать на квартирѣ у Жидовъ. У Полковника хорошія комнаты богатаго Жида; только на дверяхъ, вмѣсто пенашовъ, распята летучая мышь. Мнѣ отвели было квартиру у весьма отвратительной Жидовки; но я перешелъ, въ концѣ города, къ настоящему Французу, таможенному смотрителю, у котораго нашелъ пре-

красную; какъ розу, румяную дочь. Я передъ своими былъ въ выигрышѣ кварширою, и на границѣ Франціи простился съ Французами, отгостивши въ послѣдній разъ у шаможеннаго. Онъ получаетъ, сверхъ обыкновеннаго дохода отъ контрабанды, 2000 франк. жалованья, и живетъ бариномъ. Жена у него Нѣмка и великая хозяйка; у нея пролитыя капли на столѣ идутъ для мухъ, а мухи съ крошками для куръ.

Въ Сааргемюнѣ есть любопытная фаянсовая фабрика, близъ самаго моста на рѣкѣ Саарѣ. Мы осмотрѣли весь ходъ работы: сначала разбиваютъ красный камень и кварцъ, потомъ его мѣлютъ на мѣльницахъ; перемолотое варятъ въ умѣренномъ огнѣ, процѣживаютъ и дѣлаютъ густое тѣсто, изъ котораго лепятъ разную посуду. Твердость этого краснаго состава чрезвычайна; посуда шверда, какъ камень. Изъ этой фабрики выходятъ красивыя вазы съ мѣлкими фигурами, и на подобіе мрамора, съ глянцемъ, звонкія, какъ колокола. Есть фигуры весьма хорошей работы.

Въ городѣ, съ барабаннымъ боемъ была публикація жителямъ, что Сааргемюнъ принадлежитъ Австрійцамъ. По раздѣлу Союзниковъ, Эльзасъ и часть Лотарингіи отходитъ отъ Франціи къ Австріи, и Эрцъ-Гер-

цогъ Карлъ будетъ Королемъ этой страны. Жители, узнавши о своей участи, весьма пріуныли; одни сердились, другіе плакали; бабы больше всѣхъ шумѣли, и во что-бы то ни стало, хотѣли непремѣнно остаться по прежнему (*). Мы зашли въ обержу, позавтракать, и застали разговоръ о настоящемъ ихъ положеніи. » Теперь я Нѣмецъ, « сказалъ высокій тракширщикъ Французъ, съ подвязанною головою; » но мнѣ мало въ томъ нужды: лишь-бы дали спокойно жить въ домѣ и заниматься своимъ ремесломъ! « — Вотъ истинный философъ. Въ компаніи было три вдовы: одна послѣ Французскаго кирасира, другая послѣ драгуна, а третья обрученная невѣста егеря. Первыя двѣ очень сердились, и говорили, что война непремѣнно возобновится, что жители изъ Саарге-мюна уйдутъ во Францію, и Австрійцамъ останутся въ подданство однѣ кошки и крысы; третья красавица въ унынiи сидѣла у окна, за чулкомъ, и тихонько всхлипывала: она теряла надежду выйдти за мужъ за Француза. . . .

Отъ Сааргемюна до Гомбурга 8 часовъ. — Прощай Франція! я разстаюсь съ тобою не-

(*) Кажется, впослѣдствіи это назначеніе перемѣнилось, и вмѣсто Австрійцевъ заняли страну Пруссаки.

довольнѣе прежняго: я узналъ порочность нравовъ твоихъ обитателей. Въ Германіи сама природа кажется милѣе и жители добронравнѣе.

Въ Гомбургѣ Австрійскій Комендантъ отвелъ намъ весьма дурныя квартиры.

Въ Ландштулѣ мы пообѣдали у лекаря, исполняющаго должность шракширщика, по недостатку другой практики; потомъ ходили на высокую гору надъ городомъ, гдѣ видѣли живописные развалины замка: внутри его есть подземный ходъ къ подошвѣ горы на дальнее разстояніе, гдѣ въ прежнія времена скрывались разбойники. Если-бы сбросить съ горы эти развалины, то онѣ могли-бы разрушить весь городъ.

Въ Кайзерслаутернъ пріѣхали вечеромъ. Я назначенъ Квартирмейстеромъ 2-й гусарской дивизіи, для которой сочиняю дислокаціи на каждый переходъ, и съ вѣстовымъ гусаромъ отправляю ихъ къ Начальнику Дивизіи Князю Вадбольскому.

На дневкѣ въ Кайзерслаутернѣ было много письма. Хозяинъ шакъ добръ, что, не видавшись со мною, прислалъ мнѣ бутылку стараго Рейнвейна, какой я въ первый разъ пью: онъ густъ, какъ масло, весьма пріятенъ, и кажется не крѣпокъ.

Отъ Кайзерслаутерна до Кирхгейма 8 часовъ: путь прекрасное шоссе, хотя идетъ чрезъ дикія, пустынныя мѣста. Послѣ дождя, лучи солнца, обновляя предметы, представляли ландшафты, достойные кисти живописца.

Кирхгеймъ небольшое мѣстечко, и было-бы пріятно, если-бы жители были получше или добронравнѣе. Хозяйка нашего Полковника прекрасная вдова, и у нея дочь, привлекательная брюнетка; но такъ была груба эта женщина, что не хотѣла принять къ себѣ на квартиру Полковника, бранилась и спорила съ Бургомистромъ, и насилу отвела горницу безъ мебели, заставивъ Полковника спать на полу. Одинъ мужикъ, съ помощію бѣглаго Польскаго солдата, не удовлетворялъ пустыхъ требованій нашего унтеръ-офицера, схватился съ нимъ драться, и за оплеуху поднялъ на него топоръ, а тотъ обнажилъ тесакъ; дѣло дошло-бы до дуэля, но ихъ розняли. Комендантъ представилъ исторію на благоразсмотрѣніе Графу П***, который посадилъ унтеръ-офицера подъ караулъ, а мужикъ съ Полякомъ остались правы.

Оппенгеймъ не понравился намъ, хотя и стоитъ на Рейнѣ! онъ не имѣетъ привлекательныхъ видовъ, кромѣ горъ со стороны

Тюркгейма и Майнца. Квартиры дурныя. Войски располагаются тѣсно, и безпрестанно набѣгаютъ одни на другія, какъ будто въ репирадѣ, такъ, что городскіе чиновники не могутъ опомниться отъ безпрерывной сумашохи. — Комендантъ разсказывалъ намъ, что въ окрестности проявились было разбойники: по дорогѣ къ Вормсу ограбили и поранили многихъ жителей, въ томъ числѣ двухъ паспоровъ и одну женщину. Наконецъ они были преслѣдуемы Баварскими жандармами и настигнуты: въ перестрѣлкѣ одинъ убитъ, двое взяты въ плѣнъ, а трое ускакали.

Въ Оппенгеймѣ много винограда, и хорошее вино. Рейнъ проѣхали мы по понтонному мосту, длиною на 270 шаговъ. Странная вещь! въ за-прошлую зиму я любовался Оппенгеймомъ, а теперь ничего не вижу въ немъ картиннаго; даже на тихія воды Рейна смотрю безъ вниманія. Кто хочетъ находить во всемъ прелесть, тому не довольно одного воображенія, но также необходимо и расположеніе духа. Если человѣкъ доволенъ своею участію въ настоящемъ положеніи, то для него и среди морозовъ вѣютъ зефиры и блестятъ алмазы; но человѣку, угнетенному обстоятельствами, от-

врашительны розы, и досадно смотрѣть на счастіе людей....

Отъ Оппенгейма къ Дармштату двѣ дороги: лучшая, но должайшая, идетъ чрезъ Гроссъ-Герау. Я, послушавшись Гессенскаго чиновника, отъ моста поѣхалъ этой дорогой верхомъ, и сдѣлалъ кругъ въ три версты. Дорога песчаная, и половина ея идетъ черезъ сосновый лѣсъ. Тутъ не встрѣчалъ я пріятнаго мѣстоположенія, выключая того, что изъ Шварцвальдовъ гора *Геллепокусъ* была всегда предъ глазами: особенно на самой ея вершинѣ бѣлая башня точно казалась *свѣтлымъ фокусомъ*.

Въ Дармштатѣ не было этапа. Гроссъ-Герау и Дибургъ принадлежатъ къ нему. Полковникъ думалъ на эти оба этапа составить въ Дармштатѣ дислокацію; но Ландратъ не хотѣлъ того, отговариваясь, что на каждомъ этапѣ есть свой этапный Комендантъ; къ тому, прибавилъ онъ, Корпусному Оберъ-Кварширмейстеру не нужно вовсе объ этомъ заботиться, потому что дислокація уже составлена этапными Комендантами. Споръ продолжался. Полковникъ не хотѣлъ ѣхать изъ Дармштата, а Ландратъ не хотѣлъ составлять съ нимъ дислокаціи, и мы даже съ трудомъ получили ввечеру кварпиру. Безрукій Плацъ - Маіоръ

былъ исправенъ и заботливъ. Насъ разсѣяли по всѣмъ концамъ города, потому что средина была занята штабъ-квартирою 2-й драгунской дивизіи; однако квартиры были хорошія. — Меня встрѣтилъ въ большомъ домѣ низенькій старикъ, съ крестомъ Гессенскаго ордена, который, на подобіе нашего Владиміра, имѣетъ средину черную, а концы розовые; высокая жеманная старуха, супруга его, и старая Француженка мадамъ, на мой почтительный поклонъ сдѣлали прелестный книксенъ. Я догадался, что попался въ гости не къ простому Нѣмцу, и пустился въ вѣжливости; за то меня посадили на великолѣпную софу, поставили передо мною, на клугломъ столѣ, бутылку вина съ маленькою рюмочкою, и начали подчивать—политикою. Пошли разсужденія о худомъ состояніи Франціи въ настоящемъ положеніи, о замѣнѣ убытковъ, понесенныхъ въ войнѣ Германцами, о расширеніи Прусскихъ владѣній, объ отличіи Гессенцевъ (мы, встрѣчая ихъ, вездѣ называли: Teufels Kerl (*), о родословной Великаго Герцога, и проч. Отъ почтеннаго кавалера узналъ я, что Государь нашъ изволилъ ѣздить въ Бриссель, и опять возвратился въ Парижъ; что Наслѣд-

(*) Дьявольскіе слуги.

ный Принцъ Гессенскій родственникъ нашему Государю, потому что за нимъ сестра его Елисавета супругою!! Но какъ я цѣлый день не ѣлъ, то мнѣ эта политика весьма наскучила, и я, откланявшись почтенному кавалеру и прекраснымъ дамамъ, ушелъ къ своему Полковнику на закуску.

Дармштатъ большой городъ; въ немъ много хорошихъ домовъ, площадь и дворецъ; это столица Великаго Герцога, въ которой онъ рѣдко живетъ.

Возвратившись на квартиру, я посѣтилъ живущаго надъ моею комнатою, въ третьемъ этажѣ, гравёра. У него нашелъ обширный кабинетъ чучелокъ всякихъ мѣлкихъ звѣрей и птицъ, съ которыхъ онъ гравируетъ рисунки для Натуральной Исторіи, издаваемой въ Ригѣ Докторомъ Триплеромъ; за три и четыре листа эстамповъ граверъ получаетъ по сту червонцевъ. Работа чрезвычайно хороша: не льзя изобразить лучше и натуральнѣе. Всѣ наши Русскія птички и звѣрки: кукушка, сойка, пустошка, сова, ястребъ, горностай, мышка и лягушка, какъ живыя. Граверъ оканчивалъ на мѣди эстампъ прекраснаго Фазана, съ красивымъ, стоячимъ хвостомъ. Разсматривая его произведенія, я не хотѣлъ разстаться съ ними; но сѣдой дворецкій явился ко мнѣ съ сал-

фешкою, и объявилъ, что Баронъ ожидаетъ меня ужинать.

Я извинился передъ Барономъ, что очаровательный рѣзецъ гравера въ его домѣ заставилъ меня не такъ скоро предстать къ нему. За столомъ явился новый предметъ, достойный лучшаго художника: молодая, прекрасная дѣвушка, дочь Барона, выше бабушки и матушки, а потому я отъ нея такъ былъ далекъ, какъ отъ людей выше себя ростомъ. Это было замѣчено, и меня старались привлекать вопросами, на которые я отвѣчалъ очень равнодушно. Ужинъ, кажется, сочиненъ былъ для одного меня, потому что всѣ присутствующіе почти ничего не ѣли, и только меня подчивали; но я, закусивши у Полковника, къ удивленію ихъ, не былъ передъ ними объѣдалою. — Спальню отвели мнѣ въ библіотекѣ, а въ передней, вмѣсто спражи, легли спать двѣ старыя служанки. Я радъ былъ библіотекѣ, какъ козелъ огороду: рылся въ ней до полуночи.

Полковникъ, не могши переспорить Ландграфа, поручилъ мнѣ составить дислокацію въ Гроссъ-Герау и въ Дибургѣ для цѣлаго Корпуса. Я, именемъ его, пошелъ на почту за шезомъ. Мой проводникъ изъ ратуши повелъ меня съ благоговѣніемъ чрезъ старый

зàмокъ, мѣстопребываніе Герцога, котораго однако не было шутъ, и разсказывалъ мнѣ: »Эта лѣстница ведетъ въ резиденцъ-залу; а это всходъ къ самому Герцогу въ кабинетъ.« Вездѣ при томъ стояли часовые. — »Угодно-ли, я вамъ покажу его спальню?« — Не надо, не надо; покажи лучше, гдѣ шезъ мой. — Изъ зàмка пошли мы черезъ площадь. »Вотъ, продолжалъ проводникъ, на лѣво большой, бѣлый домъ: это зàмокъ Наслѣднаго Принца; а вотъ на право Военная Коллегія. Будьте осторожны: здѣсь не позволено мимо проѣзжать ни въ экипажахъ, ни верхомъ, а проходящіе должны непремѣнно снимать шляпы.«... Это та самая Коллегія, гдѣ мы вчера шумѣли съ Ландрапомъ, въ длинной залѣ, съ длиннымъ сломомъ, который покрытъ краснымъ сукномъ и заваленъ кипами бумагъ; вокругъ стола стояли красныя бархатныя кресла, а на стѣнѣ, противъ Президентскаго мѣста, во весь ростъ портретъ Герцога въ мундирѣ, подпершагося тростью.

Наконецъ мнѣ дали красноораижевый шезъ, и я поѣхалъ въ Гроссъ-Герау весьма важно. Мой почтальонъ былъ не молчаливаго десятка. »Я люблю Рускихъ, сказалъ онъ; у меня тамъ много родни (Grosse Vaterschaft):

тесть въ Петербургѣ сѣдельникомъ, братъ въ Смоленскѣ шракширщикомъ, зять въ Витебскѣ часовымъ мастеромъ, а дядя въ Ригѣ сапожникомъ.« — Остается тебѣ, любезный другъ, только ѣхать самому въ Москву, быть кучеромъ, сказалъ я. — » Да, намъ пріятнѣе теперь видѣть у себя Рускихъ, нежели прокляпыхъ Французовъ. Наша монархія потеряла съ Наполеономъ въ Россіи 7,000 храбраго войска! Это не шутка! А Маршалъ Лефевръ, съ Адъютантомъ своимъ, въ три мѣсяца съѣли у насъ 24,000 гульдена; ему каждый день надобно было давать по 24 бутылки Шампанскаго.«

Въ Гроссъ-Герау я составилъ дислокацію для Корпуса безспорно, къ удовольствію городскихъ членовъ, и меня за то хорошо накормили; но въ Дибургѣ Комендантъ много вмѣшивался и только мѣшалъ. Я писалъ до перваго часа ночи, и у меня голова заболѣла, не отъ дислокаціи, а отъ толковъ. Нѣмцы любятъ долго разсуждать и много говорить. Комендантъ цѣлый часъ выводилъ мнѣ причины, почему въ такую-то деревню должно поставить не цѣлую рошу, а только половину; почему другую деревню не льзя занимать постоемъ два раза сряду, когда та деревня въ такомъ-то году была

раззорена войною, эта деревня въ такомъ-то году пострадала отъ неурожая, а въ этой отъ бывшаго тогда-то пожара сгорѣло три дома. Все это члены рашуши подтверждали съ разными прибавленіями, перебивая другъ друга, и если-бы мнѣ вслушиваться въ ихъ исторіи, то я до утра слѣдующаго дня не успѣлъ-бы ничего сдѣлать. Мнѣ оставалось только, на всѣ постигшія несчастія изъявлять свое сожалѣніе, пожимая плечами, и писать, да писать, безъ всякаго изключенія.

Дибургъ довольно красивый и веселый городъ. Домы въ немъ новой архитектуры, отдѣлены одинъ отъ другаго заборами, и ежегодно выстраиваются новые; донынѣ ихъ 700; улицы широкія. Герцогъ споспѣшествуетъ денежными пособіями распространенію и украшенію города, который во многомъ однако уступаетъ Мангейму.—Старый Герцогъ, говорили мнѣ, покровительствуетъ науки, самъ музыкантъ и воинъ; служилъ съ Графомъ Румянцовымъ противъ Турковъ. —Въ городѣ есть превосходная Опера, отличный оркестръ, картинная галлерея, музеумъ древностей и скульптуры. Я только переночевалъ въ немъ, и потому не могъ имѣть удовольствія увидѣть и узнать цѣну всѣхъ рѣдкостей.

24-го Сентября, въ 5 часовъ утра, я вы-

ѣхалъ изъ Дибурга къ Ашаффенбургу, по песчаной дорогѣ, черезъ лѣсъ. Утренній морозъ былъ ощутителенъ: возвращаясь въ Россію, мы приближались къ своей зимѣ.

Ашаффенбургъ снаружи имѣетъ видъ лучше Дармштата; за три версты начинаются аллеи, и по ту сторону возвышающіяся горы придаютъ ему много красоты, между тѣмъ какъ Дармштатъ закрытъ лѣсомъ. Подъѣзжая къ Ашаффенбургу чрезъ перспективную аллею, видишь вправо озеро, при увеселительномъ замкѣ Шенбушѣ, въ которомъ жили прежде Курфирсты Майнцскіе, а теперь живутъ — летучія мыши. Мѣстоположеніе очаровательное. Островокъ на озерѣ, съ развѣсистыми ивами, и гордые лебеди заставляютъ собою любоваться; лучи утренняго солнца, позлащая осеннюю зелень, являютъ пріятную картину для глазъ. Рѣка Майнъ подъ самымъ городомъ спокойно катитъ свои воды; мостъ каменный, высокій. Въ городѣ, изъ всѣхъ зданій поражаетъ взоръ, стоящій влѣво, краснокирпичный огромный замокъ бывшаго владѣтеля.

26-го Сентября опять я ѣздилъ въ Дибургъ, для перемѣны въ дислокаціи, по желанію этапнаго коменданта, приносившаго жалобу Оберъ-Кварпирмейстеру. Увидѣвши меня съ перемѣнами, онъ весьма обрадовал-

ся, что важность диспута осталась на его сторонѣ. Я не могъ не замѣтить въ немъ педантства. Самъ онъ былъ въ сюртукѣ; но чтобы никто изъ приходящихъ не терялъ къ нему уваженія, то мундиръ свой, съ блестящими большими эполетами, расположилъ онъ на стулѣ передъ дверями такъ, что кто ни отворитъ дверь, всякому прежде всего бросится въ глаза эта мишура на эполетахъ.

Отсюда дали мнѣ форшпанъ съ двумя лошадьми и двухъ фурмановъ. Я хотѣлъ чтобы изъ нихъ одинъ остался, какъ ненужный; но мнѣ отвѣчали: это невозможно потому, что у каждаго своя лошадь. — Но если-бы мнѣ надобно было взять отъ васъ форшпанъ въ четыре лошади, такъ вы посадили-бы со мною четырехъ фурмановъ? — Отвѣтомъ было пожатіе плечьми. Дорогою каждый фурманъ погонялъ только свою лошадь, и выговаривалъ другому, что его не тянетъ. Но лошади ихъ были такъ-же лѣнивы, какъ они сами. Я замѣтилъ, что по лошадямъ можно узнавать физіогномію народа: лошадь Нѣмецкая такъ-же длинна, косписта и лѣнива, какъ бываютъ большею частію Нѣмцы; лошадь Голштинская тучна и тяжела, какъ сами Голштинцы; лошадь Англійская стройна и щеголевата, какъ

сами Англичане; лошадь Русская неуклюжа, сильна и прудолюбива, какъ Русскій мужикъ; лошадь Донская суха, проворна и поворотлива, какъ Донской Казакъ — и такъ далѣе. На Нѣмецкихъ лошадяхъ самою лучшею ѣздою не льзя проѣхать въ день болѣе 60 верстъ; на малѣйшую гору онѣ тянутъ шагомъ, и съ горы шагомъ; что-жь остается для рыси? Съ утра до ночи, во весь день, я проѣхалъ только 9 миль, или 63 версты.

Отъ Ашаффенбурга до Эссельбаха 8 часовъ; прекрасное шоссе идетъ чрезъ небольшія отлогія горы; по обѣимъ сторонамъ дороги лѣсъ и дикія пустынныя мѣста. На Нѣмецкихъ лошадяхъ я захватилъ часть ночи, и версты двѣ до города шелъ пѣшкомъ. Лунная ночь и пѣсни нашихъ улановъ утѣшали меня. Я очень утомился, прозябъ, и кромѣ двухъ чашекъ, поутру, овсянаго кофе, во весь день ничего не ѣлъ и не пилъ; за то съ какимъ аппетитомъ въ Эссельбахѣ, на квартирѣ, вкусилъ я діэтнаго вассеръ-супа! И какъ крѣпко уснулъ на соломѣ въ холодной избѣ. — Въ квартирахъ ужасная тѣснота, отъ того, что мы ѣдемъ съ 3-мъ Кавалерійскимъ Корпусомъ.

Намъ можно было пріѣхать въ слѣдующій день въ Вирцбургъ; но тамъ ни кому не даютъ квартиръ. И такъ мы остались ноче-

вашь въ Ремлингенѣ, ошъѣхавши только двѣ мили. Мы слѣдуемъ по Майну; при д. Ленгфуртѣ рѣка шириною не болѣе 25 саж. Виды по горамъ здѣсь живописные.

28-го Сентября проѣхали чрезъ Вирцбургъ: это была намъ особенная милость отъ голубаго часоваго. Городъ большой. При въѣздѣ цитадель даетъ ему воинственный видъ. Когда Французы занимали городъ, то, во время Лейпцигскаго сраженія, Генералъ Вреде съ Баварцами и Австрійцами бомбардировалъ его, и зажегъ достояніе своего Короля; но слѣды прошедшей войны изглажены. Крѣпость хорошая, и можетъ долго держаться съ достаточнымъ гарнизономъ, если посадишь въ нее не менѣе 10,000. Только домы внутри города весьма древніе; на каждомъ нарисованъ какой нибудь святой, или виситъ фигурная вывѣска. Мостъ чрезвычайно прочный и превосходнѣе Дрезденскаго тѣмъ, что устроенъ съ большими арками, массивно, величественно, а по сторонамъ украшаютъ его двѣнадцать колоссальныхъ Апостоловъ. Майнъ здѣсь вдвое шире, нежели въ Ашаффенбургѣ. Когда мы въѣхали на площадь и вышли изъ повозокъ, то дюжина мальчиковъ насъ окружила, прося милостыни. Мы вошли въ шракширъ и велѣли подать себѣ завтракъ. Посреди пло-

щади стоитъ пирамидальный фонтанъ, съ четырьмя дельфинами надъ бассейномъ, къ которому приходили безпрестанно черпать воду, только не Саксонскія красавицы, а Вирцбургскія каррикатуры. Между тѣмъ стояли на площади оборванные Жиды, съ лоскутьями поношеннаго платья, которое они другъ у друга вымѣнивали. Иногда мимо оконъ нашихъ мелькали шляпки, чепчики и фраки съ треугольными шляпами; но все на каррикатурныхъ лицахъ. Городъ почти такъ-же великъ, какъ Дрезденъ, только кто живетъ въ немъ? Гарнизонъ, Жиды и обветшалые Нѣмцы. Подали намъ завтракъ — студентскій: двѣ вареныя курицы, тарелку сырой капусты и двѣ бутылки вина; за все это Полковникъ заплатилъ 8 гульденовъ, или на наши деньги 19-ть рублей. Нѣмцы не упускаютъ случая брать съ насъ контрибуцію за взятыя съ нихъ реквизиціи. За то вино было хорошее. Вирцбургскій Штейнвейнъ не уступаетъ лучшему рейнвейну. Виноградъ растетъ здѣсь на горѣ, гдѣ стоитъ цитадель, и вокругъ крѣпости. — Вирцбургъ почитается древнею столицею Баваріи; кромѣ цитадели, въ немъ есть Королевскій замокъ, Университетъ и Епископство.

Баварцы, кажется, набожнѣе всѣхъ Гер-

манскихъ народовъ, а потому и не удивительно, если у нихъ церкви кажутся лучшими зданіями въ городахъ и деревняхъ. Въ Вирцбургѣ есть два весьма хорошіе древніе собора, которые намъ нѣкогда было осмотрѣть.

Швейнфуртъ на Майнѣ старинный городъ: всѣ они въ Баваріи одного покроя. Жители живутъ здѣсь очень изобильно. Одежда у простаго народа похожа на Альтенбургскую; деревенскія бабы носятъ такіе-же кокошники, какъ наши Калужскія. — Швейнфуртцы гостепріимны; вообще во Франконіи болѣе встрѣчается этой добродѣтели, нежели въ другихъ странахъ Германіи, выключая Саксонію.

До Гассфурта дорога веселая, по берегу Майна; воды его тихи. По ту сторону, отлогій берегъ покрытъ дубовыми рощицами, а по сю сторону крутой берегъ покрытъ виноградникомъ. Для сбереженія зрѣлаго винограда отъ проходящихъ войскъ, разставлены жандармы. Дорога узкая и опасная надъ крутизною: если-бы встрѣтились здѣсь два упорные экипажа, то одному-бы изъ нихъ должно было непремѣнно свергнуться въ Майнъ, сажень на десять до воды. — Настала осень: все желтѣетъ,

но пріятнѣе этой дороги въ осень не можетъ быть.

Въ Гассфуртѣ мы прогуливались по пустымъ церквамъ, и слушали игру своего товарища Капитана Неклевича на органахъ; но Гассфуртскій органистъ превзошелъ его игрою ногъ своихъ. — Этотъ Капитанъ, въ своемъ родѣ, былъ оригиналенъ. Родившись въ Польшѣ отъ хорошей Фамиліи, онъ воспитывался въ Дрезденѣ, и всему ученъ; особенно голова его напитана Нѣмецкою Метафизикою.... Память у него удивительная: весь Conversations Lexikon онъ знаетъ наизусть; о чемъ ни выбирали мы, изъ разныхъ томовъ, спрашивать, на все онъ отвѣчалъ безъ затрудненія, какъ по печатному. Вся Философія Канта, Шеллинга и Фихте извѣстна ему, какъ пять пальцевъ. Сверхъ того онъ превосходно игралъ на фортепіано, и до того усовершенствовался, что труднѣйшія ноты разыгрывалъ съ перваго взгляда, хотя-бы ихъ положить передъ нимъ навыворотъ, или къ верху ногами. Знавши наизусть лучшихъ композиторовъ, онъ самъ экспромтировалъ цѣлые концерты, подражая разнымъ инструментамъ.

Почтенный каноникъ въ Гассфуртѣ, у

котораго квартировалъ Полковникъ, повелъ насъ въ каѳедральную церковь, и показывалъ въ ней рѣдкости: Спрасти Христа на картинахъ, весьма древней работы. Онъ увѣрялъ, что это первые эстампы по изобрѣтеніи искуства печатанія; и дѣйствительно они были не лучше нашей лубочной печати. Въ престольной части церкви погребены Баварскіе герои, изъ лучшихъ фамилій. Въ стѣнѣ есть памятникъ Ульриха-Гунна, который былъ здѣсь владѣтелемъ; бронзовая фигура его, въ половину роста, въ рыцарскихъ доспѣхахъ, стоитъ надъ мраморною гробницею. По стѣнамъ церкви много есть изсѣченныхъ изъ камня фигуръ, въ память особъ, здѣсь погребенныхъ; въ томъ числѣ есть и женскія. Тутъ-же находятся памятники отдаленной древности, напримѣръ 1115 года. На полу всякая плита представляетъ фигуру погребеннаго подъ нею, такъ, что на каждомъ шагу мы попирали прахъ великихъ людей Гассфурта.

1-е Октября. — Вмѣсто семи часовъ пути до Глейзена, мы проѣхали въ объѣздъ одиннадцать. Тутъ опять горы, и не льзя было найдти лучшей дороги. На пути намъ вздумалось позавтракать; за то мы должны были обгонять по горамъ артилерію, обозы и кирасировъ: наши несчаст-

ныя повозки коверкались и шрещали. — Глейзенъ деревушка на большой дорогѣ изъ Бамберга въ Кобургъ; мы кое-какъ переночевали въ ней.

ГЛАВА IX.

ОТЪ КОБУРГА ДО ГЛОГАУ.

Кобургъ. — Красавицы Бѣлаго Лебедя.—Кирасиры. — Гармоника. — Зонненбергъ. — Комендантъ въ Юденбахѣ. — Дефиле. — Заальфельдъ.—Гера.—Альтенбургцы. — Рохлицъ. — Домъ призрѣнія. — Мейсенъ. — Фарфоровая фабрика. — Дрезденъ.—Концертъ. — Ночная прогулка.—Путь изъ Дрездена.—Венды. — Заганъ. — Фрейштатъ. — Кутлау. — Фрауштатъ. — Квартира у Жида.

Пріятно проѣзжать по знакомымъ мѣстамъ. Отъ Глейзена до Кобурга 3 часа ѣзды по прекрасной дорогѣ. Кобургскіе чиновники встрѣтили насъ съ радостію, какъ старыхъ пріятелей. Всѣ наши офицеры стали на прежнія квартиры; только мнѣ не хотѣлось тащиться въ конецъ города къ старому подагрику; за то меня поставили къ табачнику, который въ огромномъ домѣ отвелъ мнѣ комнату на чердакѣ, гдѣ только два окна, и тѣ смотрятъ на крышу: вотъ истинно поэтическое жилище!

Красавицы Бѣлаго Лебедя, двѣ сестрицы, стоили Циперскихъ жертвъ. Обыкновенно,

въ лучшихъ обержахъ Германскихъ, какъ и въ Польшѣ, есть магнитъ для богатыхъ и молодыхъ повѣсъ; но рѣдко гдѣ такой магнитъ безъ ржавчины, и такъ-же рѣдко гдѣ въ обержахъ можно найдти столь прекрасныхъ, милыхъ, благовоспитанныхъ, съ строгою нравственностію дѣвушекъ, какъ двѣ дочери содержателя трактира *Бѣлаго Лебедя* въ Кобургѣ. Увидѣвши ихъ, не льзя было не почувствовать къ нимъ склонности; старшая, Гетхенъ, шестнадцати лѣтъ, а младшая, Каролинхенъ, четырнадцати. У старшей на откры̀томъ лицѣ болѣе важности, а въ младшей болѣе живости. Это два милые цвѣточка съ различными прелестями: старшая, какъ лилія, имѣетъ тонкій, стройный станъ, нѣжный голосъ, подобный звуку лиры, а смѣхъ ея подобенъ легкой трели флейты. Она смѣло отражала каламбуры странствующихъ жениховъ нашихъ. Полковнику очень нравилось ея умное лицо: онъ ищетъ умной жены, и страстный обожатель прекраснаго пола. Но прекрасныя всегда неблагодарны къ своимъ обожателямъ, и очень дорого стоятъ жертвы, имъ приносимыя; сверхъ того раны ихъ бываютъ неисцѣлимы.... Нѣтъ ничего легче, какъ жениться на трактирной красавицѣ; мы знаемъ много тому примѣровъ — толь-

ко не въ Кобургѣ. Здѣсь всѣ дѣвушки настращены однимъ несчастнымъ происшествіемъ, и конечно Герцогъ Кобургскій не желалъ-бы умноженія своихъ подданныхъ такими случаями. — »Я-бы готовъ жениться на ней, сказалъ Полковникъ, если-бы она была Графинею.« — Да, отвѣчалъ я, тогда-бы и Гепхенъ захотѣла Королей. Но что въ ней хорошаго? Посмотрите: она нѣжна, какъ бланманже, и непрочна, какъ желе. Напротивъ, Каролинхенъ переживетъ сестрицу; она вскормлена, кажется, на Русскихъ щахъ, и натура ея крѣпка. Эта милая Цыганочка всегда румяна, какъ роза, и рѣзва, какъ бѣлка. — Подполковникъ Д*** сильно ошаковалъ ее объясненіями, какъ дядя Тримъ Сусану. Бѣдная Каролинхенъ прижалась къ очагу (это было на кухнѣ), и бросая щепочки въ огонь, находилась въ большомъ замѣшательствѣ, не зная что отвѣчать на лестныя и, кажется, ложныя предложенія молодца съ золотыми плечами. Она вѣрила и не хотѣла вѣрить ему; то отсылала его къ маменькѣ, чтобы та не разсердилась на нее; то отсылала его къ папенькѣ просить согласія. Мило было смотрѣть на замѣшательство прекрасной дѣвушки, и мило было слушать объясненія молодыхъ Полковниковъ,

которые оба имѣли страсть къ гименеизму, и не находили еще, по системѣ Канта, своихъ половинокъ. — О, если-бы наши бабушки и тетушки, изъ глубины Россіи, чрезъ волшебный телескопъ взглянули на эту кухню и на красавицъ Бѣлаго Лебедя! Онѣ-бы съ негодованіемъ сказали женихамъ: Нечестивые повѣсы! спѣшите къ намъ; у насъ есть лебедицы Меандрскія: выбирайте себѣ красивыхъ, набожныхъ, ученыхъ, или богатыхъ, и не растрачайте страсти своей по заграничнымъ тракпирамъ!...

Сегодня (3-го Октября) проходили черезъ Кобургъ два Кирасирскіе полка: Орденскій и Малороссійскій. Великая Княгиня удостоила смотрѣть ихъ изъ окна большаго дома на площади. Какъ она прекрасна въ бѣлой шляпкѣ! — Наши кирасиры, какъ драбанты рыцарскихъ временъ, въ тяжелыхъ кирасахъ и шишакахъ, на огромныхъ коняхъ парадировали галопомъ мимо Ея Высочества; Полковникъ, на куцой лошади, какъ Бригадный Командиръ, стоялъ во все время парада противъ окна Ея Высочества, съ опущеннымъ палашемъ.

Въ полдень мы пошли къ виртуозу Гульману. Его не было дома, но фортепіано стояло опкрытымъ. Нашъ виртуозъ, Капитанъ Неклевичъ, напавши на хорошій инст-

рументъ, съ перваго присѣста сыгралъ наизусть фугу, потомъ концертъ Дюссека. Мы удивлялись его искусству! Пришелъ самъ хозяинъ, сухощавый, бѣлокурый, молодой человѣкъ въ военномъ сюртукѣ, похвалилъ нашего виртуоза, и послѣ него не сталъ играть, но открылъ другой инструментъ: гармонику—и мы насладились небесною музыкою. Нѣжные тоны ея уподоблялись звуку валторнъ и флейтъ въ отдаленіи, откуда, какъ будто вѣтромъ навѣваются аккорды. Одно адажіо свойственно гармоникѣ; аллегро вовсе неприлично ей. Горе меланхолику, потерявшему любезную, или страдающему отъ измѣны жестокой красавицы, если онъ услышитъ гармонику! Звуки ея проникаютъ глубоко въ чувства и, сливаясь съ страстію души, увлекутъ его въ предѣлы неземнаго міра. Этотъ инструментъ составленъ изъ стеклянныхъ калпаковъ: самый большой изъ нихъ имѣетъ въ діаметрѣ 6 дюймовъ, а меньшой 3. Всѣ они вложены одинъ въ другой, въ умаляющейся прогрессіи, соразмѣрно тонамъ и полутонамъ, и утверждены на металлическомъ стержнѣ, такъ что вся фигура гармоники представляетъ конусъ въ $1\frac{1}{2}$ аршина величиною, изъ зеленаго стекла съ желтыми полосами; этотъ конусъ укрѣп-

ленъ концами въ спѣны ящика, на подобіе клавикорднаго, и можетъ въ немъ вертѣться. Чтобы играть, надобно открыть верхнюю половину ящика, и омочая пальцы въ воду, касаться ими до стекла конуса, который приводится въ движеніе ногою, посредствомъ подножки. — Томное и меланхолическое лицо Гульмана показываетъ, что гармоника произвела на него сильное впечатлѣніе. Это очаровательный и бѣдственный инструментъ.

Кобургцы должны быть довольны проходомъ нашихъ войскъ. Военный постой у нихъ весьма легкій, въ уваженіе резиденціи Великой Княгини. Войски проходятъ всегда парадно и забавляютъ жителей музыкою. Можно было замѣтить, что Кобургцы счастливы подъ мирнымъ правленіемъ своего добраго Герцога, живутъ изобильно и отличаются строгою нравственностью.

При выѣздѣ изъ Кобурга четверо насъ сидѣли въ одномъ шезѣ. Отъѣхавши 4 часа, въ Зонненбергѣ мы остановились для перемѣны лошадей. Здѣсь Комендантъ отвелъ квартиру для обѣда у Оберъ-Форстмейстера. Хорошо, что мы какъ нибудь да пообѣдали: намъ оставалось ѣхать до Грефенталя, черезъ горы, еще добрыхъ семь часовъ.

Зонненбергъ лежитъ у подошвы Тюрин-

генвальдскихъ горъ; мы будемъ проѣзжать бо̀льшую ихъ широту отсюда до Зааль-фельда, на 50 верстъ. Онѣ соединяются съ Шварцвальдскими горами, кончающимися у Гейдельберга, и съ Фрауенвальдскими горами, идущими отъ Бамберга.—Зонненбергъ небольшое мѣстечко, населенное ремесленниками: здѣсь дѣлаютъ лучшія дѣтскія игрушки, которыя отвозятъ въ Ниренбергъ, и тамъ продаются онѣ далѣе за Ниренбергскія. За три часа отсюда въ горахъ есть стекляный заводъ, отъкуда выходитъ хрусталь лучше Богемскаго. Здѣсь есть и фарфоровая фабрика: я видѣлъ вазу тамошнюю, очень хорошей работы, и фарфоръ походитъ на Мейссенскій. Небольшое, небогатое зданіями, мѣстечко Зонненбергъ принадлежитъ Герцогу Мейнингенскому; оно прежде составляло принадлежность Герцога Кобургскаго, но по наслѣдству достался второму брату его. Не смотря на то, что здѣсь горы, лѣса и болота, попечительное Правительство Герцога, благоразумными учрежденіями, доставило средства для благосостоянія всѣмъ жителямъ. Всего въ Герцогствѣ Мейнингенскомъ ихъ не болѣе 40,000; но они весьма семейны: черезъ три женщины одна всегда беременна, и въ одномъ этомъ мѣстечкѣ по десяти и по

тринадцати женщинъ раждаютъ вдругъ, часто двойнями. Всѣ взрослые мужчины женаты, и не позволяется юношѣ быть долго холостымъ. Сверхъ того они трудолюбивы. Воздухъ для нихъ такъ здоровъ, что рѣдкіе не проживаютъ до 80 лѣтъ.

Отъ Зонненберга до Юденбаха считаютъ два часа, и мы поднимались все на гору; по правую сторону все журчалъ ручей, имѣющій начало подъ фундаментомъ церкви въ Юденбахѣ: вода въ немъ чиста какъ зеркало, легка какъ воздухъ. Я выпилъ цѣлую кружку воды и не чувствовалъ ея.

Комендантъ въ Юденбахѣ самъ вызвался припрячь къ нашимъ двумъ сѣрымъ меренамъ еще двухъ пѣгихъ. Мы сидѣли въ шезѣ и не выходили. Онъ принесъ намъ вина; маленькій сынъ его подалъ рюмки. Малютка былъ въ мундирѣ. »Что это значитъ?« спросили мы.—» Ого!—отвѣчалъ отецъ:—онъ былъ со мною въ Кольбергѣ и въ Дижонѣ; мы съ нимъ осаждали крѣпость Пришвицъ, подъ командою Прусскаго Генерала Горша! Насъ съ Кобургскими было три тысячи, да 10,000 Гессенцевъ, всѣ подъ начальствомъ Герцога Кобургскаго. Мы съ Фрицомъ только четырнадцать дней какъ изъ Франціи.« — Откуда вы родомъ? —» Изъ Кенигсберга, и былъ въ Россіи до Можай-

ска. « — Тутъ мы выпили за его благополучное возвращеніе. Однако вмѣсто двухъ пѣгихъ, намъ привели одну кривую лошадь; но мы, довольные усердіемъ добраго Коменданша, пошащились далѣе въ гору черезъ дефиле, потомъ начали спускаться, и спускались до Грефеншталя два часа, проѣхавши величайшую высоту Тюрингенвальдскихъ горъ. Находясь на вершинѣ ихъ, мы не замѣчали высоты; но она должна быть саженъ на 700 выше горизонта Кобурга.

По этому пути Французы, въ 1806-мъ году, пробирались въ тылъ Пруссакамъ, которые стояли у Заальфельда весьма оплошно, надѣясь на Юденбахское дефиле; но Французы напали на нихъ и, преслѣдуя, разбили подъ Іеною. Между тѣмъ какъ Генералъ Ланнъ пробирался здѣсь съ кавалеріею, Ожеро маскировалъ отъ Кобурга противъ Герцога Веймарскаго, и когда Герцогъ пошелъ соединиться съ Пруссаками, то Французскіе Генералы, въ знакъ совмѣстнаго нападенія, для сигнала, зажгли Ожеро деревню, а Ланнъ м. Юденбахъ. Отъ того оно такъ бѣдно донынѣ, и много въ немъ новыхъ, деревянныхъ домовъ, покрытыхъ аспиднымъ шиферомъ.

Въ Грефеншталь пріѣхали мы поздно, ночью; я успѣлъ только занять квартиру

для всѣхъ, а другіе офицеры взяли ассигновки на фуражъ и подводы.

По горамъ пріятно ѣздить. Дикія мѣста, при пасмурной, осенней погодѣ, всегда представляютъ для глазъ картины. Въ Заальфельдѣ оканчиваются Тюрингенскія горы, и послѣднее дефиле, или ущелье, ведетъ на обширную долину, при которой лежитъ мѣстечко. Тутъ-то Французы ударили на Пруссаковъ, при чемъ красные гусары ихъ, обошедши тылъ, были причиною побѣды и смерти Принца Людовика. Если онъ не хотѣлъ занять этого ущелья, то, можетъ быть, болѣе потому, чтобы вовсе не растерять въ горахъ своего сборнаго войска. Въ войнѣ нѣтъ ничего невозможнаго, и для отважныхъ войскъ нѣтъ горъ непроходимыхъ.

Въ Заальфельдѣ скопилось работы надъ дислокаціями за три перехода, и я не прежде отдѣлался для своей гусарской дивизіи, какъ во второмъ часу ночи.

Какая жалость! Здѣсь не льзя пить ни вина, ни пива: первое поддабривается свинцомъ, а во второе подмѣшиваютъ поташь.

До Нейштата 7 часовъ. Дорога проселочная, и вмѣсто мостовой забросана каменьями, отъ чего весьма безпокойна. Пруссаки и здѣсь отхватили себѣ часть:

ихъ черные орлы, свѣженькіе, только что изъ подъ кисти маляра, смѣнили полосатые щиты Саксоніи. Мѣстечко маленькое, но довольно пріятное.

Вчера пріѣхали мы въ Геру, а сегодня (9 Октября) днюемъ въ ней. Городокъ веселый, съ 700-ми дворовъ. Кварширa у насъ въ хорошемъ домѣ скупаго хозяина, и мы вспрѣтили плохое гостепріимство. Полковникъ, пріѣхавши къ показанному дому, долженъ былъ съ часъ дожидаться на крыльцѣ хозяина, потомъ долженъ былъ идти въ трактиръ, а я долженъ былъ дать выговоръ коричневому Фраку, который пришелъ извиняться передъ Полковникомъ, что господинъ дома вышелъ, и весьма несчастливъ, что не зналъ о нашемъ прибытіи; что ему весьма прискорбно будетъ, когда узнаетъ, что мы находились на крыльцѣ въ невыгодной позиціи. Наконецъ квартира вышла порядочная; хозяинъ богатъ, но скупъ до крайности, и мы на зло ему, кто хотѣлъ, тотъ обѣдалъ тутъ и ужиналъ, не заходя на свою квартиру. Нашъ любезный Капитанъ-виртуозъ восхищалъ всѣхъ за фортепіано съ фаготомъ, бубнами и съ гитарою. Онъ экспромтомъ сыгралъ намъ нѣсколько концертовъ.

Отъ Геры до Альтенбурга 7 часовъ.

Сюда мы пріѣхали рано. Въ иныхъ городахъ, въ воскресные дни народъ гуляетъ, а здѣсь улицы пусты. Всѣ обитатели сидятъ по домамъ, какъ Жиды въ шабашъ. Съ продолжительною ходьбою, насилу показали намъ квартиру. Получивъ изъ рапуши билетъ, вошли мы въ домъ, на второй, на третій этажъ, даже на чердакъ—не было ни души; но только что одинъ изъ насъ позвонилъ въ колоколъ у лѣстницы, тотчасъ, какъ будто въ волшебномъ замкѣ, съ нѣсколькихъ сторонъ отозвались голоса: Wer ist da (кто тамъ)? и показались привидѣнія: съ одной стороны вылѣзъ тощій старикъ; съ другой курносая служанка, съ третьей толстая хозяйка, которая назначила намъ въ нижнемъ этажѣ обширную, съ вепхою мебелью, комнату, окнами на площадь. Весело было смотрѣть на проходящихъ: вотъ пасторъ — нѣтъ, это мужикъ въ мантіи пасторской, подъ круглою шляпою; вотъ женщины, какъ индѣйки полосатыя, съ кирасами на груди, вмѣсто шнуровки, и съ пирамидною на затылкѣ шапкою; юпки у нихъ до колѣнъ, съ тысячею складокъ, надуты, какъ на фижмахъ; бѣлые чулки на толстыхъ икрахъ, и туфли. Дѣвочки точно такъ-же одѣваются, какъ взрослыя. За то женщины, вообще здоровыя, круглолицыя, румяныя и весь-

ма рослыя. Говорятъ, въ цѣлой Германіи нѣтъ народа богаче Альтенбургцевъ. У Нѣмцевъ есть пословица: онъ богатъ, какъ Альтенбургскій мужикъ. Одежда ихъ, старосвѣтскаго покроя, стоитъ дороже обыкновенной; за то въ домахъ изобильное хозяйство. Они не знаютъ роскоши. Альтенбургцы составляютъ одно племя съ Саксонцами, но разнятся отъ нихъ, какъ старообрядцы, одеждою и обычаями, издревле присвоенными. Мы долго любовались проходящими. У церкви, противъ нашей квартиры, звонили въ колоколъ къ вечернѣ, и черезъ четверть часа начали собираться со всѣхъ сторонъ люди. Забавно было смотрѣть на странный нарядъ ихъ. Мы сравнивали двухъ дѣвочекъ: въ Альтенбургскомъ нарядѣ и въ обыкновенномъ Саксонскомъ. Какъ у первой было все стянуто, принужденно, смѣшно, такъ у другой все легко, пріятно и прилично. За то нѣтъ ничего восхитительнѣе, какъ видѣть прекрасную Альтенбургскую дѣвушку-невѣсту, съ обнаженными ножками.... Кажется, Альтенбургцы потому не отстаютъ отъ своего чуднаго наряда, что съ малолѣтства привыкаютъ къ нему. Смѣшно видѣть старуху и дѣвочку пяти лѣтъ, точь въ точь въ одинаковомъ костюмѣ, съ книжками въ ру-

кахъ, идущихъ чинно въ церковь; малюшки похожи на деревянныхъ болванчиковъ, или движущихся куколокъ. Купчики одѣваюпся весьма пестро, и украшаюпся, сверхъ общей формы, манпетами и кружевами.

Къ вечеру, сверхъ чаянія, выползло изъ домовъ нѣсколько фигуръ на гулянье. Мѣспо для эпого весьма романическое: около озера аллеи, посредипѣ оспровъ съ гуспою рощею, и хотя уже осень обнажила деревья, но все вмѣспѣ дѣлаепъ пріяпный видъ. Три лебедя очень смѣло и важно плещупся около берега, вблизи гуляющихъ.

Альпенбургъ принадлежалъ Герцогу Гопскому. Онъ поспроенъ на неровномъ мѣспѣ; въ городѣ, идучи по улицамъ, надобно по поднимапься, по опускапься. Домы древніе, проспые, каменные, въ нѣсколько эпажей. Замокъ опличное, огромное зданіе; пеперь онъ пуспъ, и приходипъ въ разрушеніе; много оконъ выбипо, но еще въ одномъ опдѣленіи живепъ Директоръ замка. Послѣ Французскаго гошпиталя, памъ пакъ много расплодилось блохъ, что войдши не льзя. Эпопъ замокъ славипся въ Исторіи похищеніемъ изъ него Гуномъ Кауфманомъ двухъ Принцевъ.

Полиція здѣсь исправна. Ложась спапь

у окна, я, для свѣжести воздуха, открылъ форточку. Въ полночь разбудилъ меня шумъ подъ окномъ; я вскочилъ, и увидѣлъ служанку дома съ полицейскимъ патрулемъ, который требовалъ, чтобъ я непремѣнно закрылъ форточку.

Въ Альтенбургѣ замѣтили мы древній обычай. Передъ квартирою одного изъ нашихъ офицеровъ, во всю ночь бросали и били горшки, такъ что поутру передъ дверями дома явилась ихъ большая куча. Это значило, говорилъ Нѣмецъ, что хозяйская дочка въ слѣдующую ночь будетъ женою, а потому наканунѣ сосѣди должны бить горшки передъ ея домомъ; но, кажется, подобный обычай существовалъ прежде у нашихъ Малороссіянъ и означалъ противное. Надъ домомъ цѣломудренной дѣвушки, вышедшей за мужъ, выставляли красное знамя, а передъ домомъ другой, не цѣломудренной, били горшки.

12-го Октября пріѣхали мы въ Рохлицъ, по знакомой дорогѣ, по которой ретировались отъ Люцена: тутъ Французы чуть насъ не отрѣзали.

Никогда я не имѣлъ столько причинъ досадовать, какъ сегодня: первое, изъ Альтенбурга дали мнѣ дурной форшпанъ, на

которомъ я насилу дотащился; второе, въ Рохлицѣ дали весьма дурную квартиру въ концѣ мѣстечка; третье, Маршъ-Коммисаръ и члены рашуши спорили со мною до полуночи при составленіи дислокаціи, и съ трудомъ согласились; четвертое, заказавши на квартирѣ ужинъ, я возвратился изъ рашуши, и насилу достучался въ ворота, засталъ всѣхъ спящими, а въ комнатѣ, вмѣсто ужина, нашелъ на столѣ пустую бутылку, которую бросилъ на полъ; наконецъ пятое, въ комнатѣ такъ было жарко натоплено и такъ смрадно, что я голодный переселился спать въ холодныя сѣни. А потому предалъ Рохлицъ проклятію.

На пути къ Дебельну, при Вальдгеймѣ, является прелестный видъ; я долго имъ любовался поднимаясь на гору: скалы, рѣчка и обнаженныя деревья, даже въ теперешнюю осень, представляютъ картину, достойную кисти.

Въ Вальдгеймѣ есть рѣдкость: обширное зданіе съ Русскою и Нѣмецкою надписью: *Домъ бѣдныхъ, убогихъ, смирительный, больныхъ и сумасшедшихъ.* Не льзя приличнѣе собрать въ одно мѣсто столько несчастныхъ, для состраданія благотворителей, и при томъ еще поставить на стра-

жу инвалидовъ въ бѣлыхъ мундирахъ, въ камзолахъ, въ треугольныхъ шляпахъ. Они чуть движутся подъ тяжестію ружей, на тонкихъ ножкахъ своихъ, въ черныхъ шпиблетахъ, однако — карауляшъ больныхъ и сумасшедшихъ.

15-го Октября пріѣхали въ Мейссенъ. Не будучи еще въ немъ, я воображалъ чистенькій, пріятный городъ, гдѣ во всѣхъ домахъ увижу фарфоровыя группы и вазы.

Правда, окрестности Мейссена должны быть весьма пріятны весною, потому что до города версты за три начинаются сады и мызы; вдали видны Кенигштейнъ, Лиліенштейнъ, и прочія высоты за Дрезденомъ. Городъ, находясь у самой Эльбы, открывается вдругъ; особенно бросается въ глаза замокъ Альбрехтсбургъ, расположенный надъ городомъ въ видѣ цитадели, готической, красивой архитектуры; въ немъ-то дѣлаютъ славный Мейссенскій фарфоръ. Самъ Мейссенъ городокъ небогатый, и гораздо хуже Хемница. Здѣсь этапные чиновники сдѣлались Русскими крючками, и, напуганные фальшивыми подорожными, спали очень недовѣрчивы. Мы съ трудомъ получили квартиры. Если отнять отъ Мейссена фарфоровую фабрику, то онъ останется бѣднымъ мѣстечкомъ,

потому что лежитъ между двумя лучшими городами, Лейпцигомъ и Дрезденомъ, куда стекается вся промышленность. Здѣсь живутъ только фабриканты и небольшое число ремесленниковъ.

Чтобъ быть на фабрикѣ, надобно при Лейпцигскихъ воротахъ тотчасъ вправо подняться на гору, по каменной широкой лѣстницѣ, въ замокъ, окруженный толстою стѣною съ зубцами. Говорятъ, онъ нарочно построенъ для фабрики въ то время, какъ нѣкто Бетхенъ открылъ здѣсь средство дѣлать фарфоръ; первый кубокъ краснаго фарфора его хранится въ кабинетѣ, съ лучшими произведеніями бѣлаго. При входѣ вспрѣпилъ насъ желтый швейцаръ, потому что фабрика принадлежитъ Королю. Онъ показалъ намъ залу, гдѣ хранятся новѣйшія произведенія. Зала, сажень пятнадцать длиною; посреди ея, на большомъ столѣ, разложены разной формы разрисованные чайные и столовые сервизы, отъ 90 до 100 талеровъ цѣною за каждый. Рисовка на всѣхъ чрезвычайно жива и миніатюрна. По стѣнамъ залы, на полкахъ, разставлены кружки, посуда, подсвѣчники, чернилицы, трубки, и между ними великолѣпныя вазы, на которыхъ весьма вѣрны портреты Государя нашего, Блюхера, Платова, и другихъ.

Мейссенскій фарфоръ, кромѣ чистоты своей, отдѣлки и превосходной рисовки, имѣетъ достоинство прочности, предпочтительно передъ всѣми Европейскими фарфорами, такъ что и въ огнѣ не чернѣетъ: эта тайна извѣстна только одному мастеру. Въ концѣ залы есть кабинетъ, гдѣ разставлены однѣ группы и аллегорическія фигуры, величиною не болѣе фута. Сцены взяты изъ Миѳологіи и изъ Исторіи. Очень мило представлены Граціи, обрѣзывающія у одного Амура крылья и сажающія другаго въ клѣтку. Изъ аллегорическихъ весьма хорошо изображено покореніе Тавріи, въ честь Екатерины II-й. Россія, въ видѣ женщины, увѣнчанной лаврами, представлена сидящею; у ея подножія двуглавый орелъ; передъ нею на колѣнахъ другая фигура въ Азіятскомъ костюмѣ, со щитомъ, на которомъ написано по-Русски: *Таврія*. Подлѣ нихъ стоитъ геній, указующій на портретъ Екатерины II-й, висящій надъ Россіею. — Много есть прекрасныхъ вещей, на которыя насмотрѣться мало одного дня. Лучшіе художники собраны сюда, для усовершенствованія фабрики и фарфора, чтобы сдѣлать его славнѣйшимъ въ Европѣ. Но во Франціи уже есть подобное заведеніе, да и наше Петербургское, говорятъ, не уступаетъ этому въ

отдѣлкѣ; только позолота и самый фарфоръ его непрочны. Въ другой залѣ есть также сервизы, посуда, вазы и разныя вещи, только нисшей доброты и цѣны. — Мы не могли видѣть мастерскихъ, потому что пришли въ часъ обѣденный.

Послѣ обѣда, мы съ Подполковникомъ Д*** взяли шезъ, и поѣхали по берегу Эльбы въ Дрезденъ. На пути ѣли часто виноградъ, котораго здѣсь много въ садахъ, только на правомъ берегу; лѣвый-же берегъ при Мейссенѣ крутъ и заросъ лѣсомъ. Весною этотъ путь долженъ быть весьма пріятенъ. Теперь все обнажено; едва остались на деревьяхъ клочки желтыхъ листьевъ: все черно и мрачно; только въ низкихъ мѣстахъ у воды нѣсколько зеленѣетъ. Русскій вѣтеръ дуетъ съ сѣвера. Укутанныя платками поселянки вырываютъ съ корнемъ стебли виноградника, который на зиму прячутъ въ погреба, для сохраненія отъ морозовъ: вотъ примѣръ трудолюбія!

Дрезденъ тотъ-же живой, веселый, пріятный городъ, всегда одинаковый, не смотря на постигающія его бѣдствія. Окружность города укрѣплена, и теперь Дрезденъ есть обширная крѣпость. На полянахъ, офицеры въ голубыхъ мундирахъ обучаютъ бѣлыхъ солдатъ своихъ; иные спрѣляются въ цѣль,

Для кого-бы это теперь? думалъ я; для Пруссаковъ, или Австрійцевъ? — Мы остановились въ Hôtel de Russie, лучшемъ трактирѣ, гдѣ кормятъ и поятъ по-Русски, щедро, и куда всегда собираются наши военные, кто только бываетъ въ Дрезденѣ; но зала для такой публики мала. Впрочемъ домъ распространяется и со временемъ это будетъ, въ память Русскаго, лучшее въ городѣ пристанище для путешественниковъ. Намъ попались на глаза афишки: въ одной извѣщаютъ о концертѣ, въ другой о рыцарскихъ каруселяхъ, въ третьей о прыгунѣ оленѣ. — Мы пошли въ кандитерскую подъ надписью: Au bon goût! Тутъ выпили шоколада и полакомились новомодными безе, составленными весьма нѣжно и сладострастно. Лавки и магазины здѣсь наполнены товарами всякаго рода; толпы народа въ безпрестанномъ движеніи, такъ что часть стараго города, отъ внутренней площади до моста, представляетъ всегда ярмарку. Красные гренадеры въ медвѣжьихъ шапкахъ занимаютъ карауломъ важнѣйшіе посты, и прохаживаются съ ружьями около своихъ будокъ весьма важно: ростъ у нихъ гвардейскій, стройный и лица благородныя.

Князь Репнинъ оставилъ по себѣ памят-

никъ въ Дрезденѣ устройствомъ прекрасной набережной въ старомъ городѣ, выше моста; она не велика, но, подъ тѣнію густыхъ каштановыхъ деревъ, прогулка лѣтомъ по ней должна быть пріятна. Отсюда прекрасные виды на новый городъ, по ту сторону Эльбы, и на мостъ, который совершенно исправленъ; по немъ безпрестанно кипитъ множество народа.

Ввечеру пошли мы слушать концертъ въ Hôtel de Pologne; публики было не болѣе 150 особъ, и въ томъ числѣ половина дамъ, которыя сидѣли посрединѣ залы въ креслахъ. Меня удивило, что встрѣчая между простыми Саксонками множество прелестныхъ, здѣсь, кажется въ лучшей публикѣ, дамъ находилось не болѣе двухъ, на которыхъ взоры могли остановиться, а впрочемъ всѣ были каррикатурныя маски, съ подтянутыми подъ груди таліями, съ обнаженными спинами, и въ пестрыхъ платьяхъ. Отличнѣе всѣхъ была одна Полька, укутанная соболями, которая сидѣла между мужчинами. Впрочемъ, можетъ быть публика была не изъ лучшихъ особъ, потому что за входъ требовалось только 16 добрыхъ грошей, а съ офицеровъ брали по 8-ми. — Концертъ начался увертюрою Керубини изъ оперы Ана-

креонъ. Музыка важная, гармоническая; переходы блестящіе, увлекательные. Оркестръ состоялъ изъ 30 и болѣе отличныхъ музыкантовъ. За увертюрою явился первый виртуозъ на скрыпкѣ, Клементи, который сыгралъ мудреный концертъ извѣстнаго Бешховена: соло для скрыпки удивительно, и было разыграно съ отличнымъ проворствомъ пальцевъ; только басокъ иногда дралъ уши; нѣкоторыя мелодіи взяты изъ Русскихъ пѣсенъ. Впрочемъ, и въ музыкѣ видѣнъ характеръ Нѣмцевъ: она у нихъ такъ-же холодна, мѣлочна и раздумчива, какъ они сами. Послѣ скрыпичнаго концерта, Клементи сѣлъ за плохія фортепіано, и сыгралъ попурри, при чемъ также показалъ свою твердость въ музыкѣ и проворство пальцевъ; но нашъ виртуозъ, Капитанъ Неклевичъ, сыгралъ-бы лучше его. Вторая часть концерта открылась увертюрою самого Клементи: музыка пылкая, бурная, отчаянная, такъ что у меня волосы дыбомъ становились; она весьма-бы годилась къ Шиллеровымъ Разбойникамъ, или къ подобной тому трагедіи. Между ужасами отъ ревущихъ контробасовъ и трубъ, иногда флейта, иногда гобой, а иногда фаготъ выражали жалостные стоны, которыми самъ Клементи восхищался. Послѣ этой оригинальной увертюры явилась

вокальная музыка: молодая Итальянка, Гжа Сандрини, пропѣла арію, сочиненія Пера; голосъ ея нѣсколько грубъ, за то чистъ и звонокъ; она дѣлала иногда гримасы, чтобы повыше пискнуть, однако нигдѣ не сфальшивила. Громкія рукоплесканія провожали ее со сцены. Потомъ явились два Итальянца и запѣли дуэтъ; это многихъ восхитило. Я предался всей очаровательности музыки славнаго Пера, и отдохнулъ въ пріятной мелодіи двухъ отличныхъ теноровъ, будучи до этого времени пораженъ громомъ Нѣмецкаго генералъ-баса. Весь концертъ заключилъ Клементи фантазіею на скрыпкѣ и варіяціями на Русскую пѣсню: *Чтьмъ тебя я огорчила.* Искуству его и знанію музыки по неволѣ надобно было удивляться.

На ужинъ зашли мы, я и Подполковникъ Д***, въ Hôtel de Bavière, который теперь упалъ, и гдѣ пользуются только случаемъ за что нибудь взять деньги. Отсюда пошли мы прогуляться. Въ Дрезденѣ и ночью весьма пріятно: и ночью, покуда еще не зареветъ рогъ часоваго, гуляющихъ такъ-же много, какъ и днемъ. Фонари по улицамъ, свѣтъ въ окнахъ и звѣзды на небѣ внушаютъ нѣчто романическое.

Поутру мы хорошенько позавтракали и разошлись, кто за дѣломъ, а кто за без-

дѣльемъ. Возвратившись въ свой отель, заспали уже за обѣдомъ нѣсколькихъ Саксонскихъ офицеровъ, и съ ними Тирольца въ толстомъ кафтанѣ: надъ нимъ первые подшучивали, и удивлялись его острымъ отвѣтамъ.

Мы торопились выѣхать, и насилу выбрались изъ города въ три часа; такъ время въ немъ летѣло для насъ. Обѣдали за городомъ, въ трактирѣ, и пріѣхали поздно ночью въ Кенигсбрюкъ.

Этапъ назначенъ былъ въ Бернсдорфѣ, пустой деревушкѣ, среди большаго лѣса, а потому перевели мы его въ городъ Гойерсверду.

Рѣка Эльба есть предѣлъ лучшей половины Европы: по правую сторону ея песчаныя мѣста, мрачные лѣса и бѣдныя деревушки поражаютъ примѣтнымъ различіемъ отъ пройденныхъ нами странъ, за лѣвымъ берегомъ. Мы съ Поручикомъ Д***, ѣхавши вмѣстѣ, воображали въ задумчивости, что снова перенесены въ Гродненскую губернію, и отправляемся на съемку: повозка, лошади и фурманъ, все соотвѣтствовало нашему заблужденію. Въ Бернсдорфѣ заѣхали на мызу къ Коммисару, точно такъ, какъ бывало въ Литвѣ заѣзжали по открытому листу на фольварокъ къ эконому.

Гойерсверда и Герлицъ принадлежатъ теперь Пруссакамъ. Саксонцы весьма этимъ недовольны, и остряпъ зубы, чтобы, съ помощію Австрійцевъ, Баварцевъ, или Французовъ, возвратить потерянное.

Отъ Гойерсверды до Трибеля 6 миль. Эта сторона весьма бѣдна вправленіи съ прочими мѣстами бывшей Саксоніи: путъ лѣсъ и песокъ; селеній мало. Жители Венды, Славянскаго племени, которые насъ разумѣютъ. Они весьма грубы и склонны къ пьянству. Видно, по недостатку въ лошадяхъ и волахъ, они сами запрягаются въ плѣги и свозятъ на поле навозъ. — Еще здѣсь не совершенная осень: сосновый лѣсъ свѣжъ и поля въ низкихъ мѣстахъ зеленѣютъ. Бабы вездѣ щиплютъ руками искуственную траву прилистникъ, для сѣменъ и для корма скоту.

ОтъТрибеля до Загана, чрезъ Зорау, 8 миль, проѣхали мы въ два дни. Заганъ уже не имѣетъ тѣхъ пріятностей, какія встрѣтилъ я здѣсь весною. Площадь, на которой такъ много было народа, удивлявшагося искуству канатнаго плясуна, теперь пуста и грязна. Въ саду замка деревья обнажились, дворецъ опустѣлъ. Мы хотѣли было посмотрѣть въ немъ картинъ; но увидѣвши пьяныхъ каррикатуръ, привратника

съ привратницею, опрешировались. — Квартира мнѣ досталась очень скудная. Мои хозяйки, двѣ сестрицы, пожилыя дѣвицы, думали, что я буду сыпъ ихъ гримасами. Онѣ угощали меня, какъ влюбленнаго: нѣжными взглядами и милою улыбкою. Но я пошелъ обѣдать къ Подполковнику Д***.

На дурномъ театрѣ здѣсь представляли важную пьесу: Іоганъ Монѳоконъ. Я заглянулъ въ театръ, и поскорѣе вышелъ вонъ.

Фрейштатъ мѣстечко небольшое, но пріятное, и нравится лучше многихъ городовъ. Въ немъ и жители добронравнѣе, потому что живутъ между сельскими и городскими. Квартиры у насъ хорошія. Мой хозяинъ, купецъ мѣлочныхъ товаровъ, живетъ, какъ у насъ помѣщикъ, имѣющій 200 душъ; жена его щеголиха, а онъ самъ начитанный молодецъ. Въ комнатахъ у него картинная галлерея. Здѣсь всѣ живутъ по заведенному порядку: поутру пьютъ пиво, за обѣдомъ вино, а на ночь водку. Принимаютъ насъ доброхотно, потому что не были еще обременены военнымъ постоемъ. Уже близко Одеръ; что̀ за нимъ будетъ, о томъ не думаемъ, а пользуемся настоящимъ.

Комендантъ крѣпости Глогау не хотѣлъ впустить Русскія войска, а потому ве-

лѣлъ поспроить на Одерѣ мостъ ниже крѣпости, при Нейзальцѣ; это стоило городу порядочной суммы. Онъ-же перевелъ этапъ изъ Глогау въ м. Куплау. Однако, не смотря на его распоряженія, всѣ генеральскія штабъ - квартиры отводятся въ Глогау. Въ Куплау есть только одинъ порядочный домъ, въ которомъ и Ландратъ, и Маршъ-Коммисаръ, и Плацъ-Маіоръ, и Коммисіонеры, и тайная полиція и всѣ мы помѣстились. Несчастный управитель дома не зналъ, какъ удовольствовать гостей, бѣгалъ взадъ и впередъ, какъ угорѣлый, и отъ большой суетливости казался помѣшаннымъ. Всѣ мы по разнымъ комнатамъ валялись на соломѣ, и ѣли, что попадало подъ руки.

Вотъ уже мы за Одеромъ, въ Фраустатѣ, гдѣ 99 мѣльницъ, а сотой никакъ не досчитаемся. На воротахъ у заставы Прусскій черный орелъ съ Польскимъ бѣлымъ. Здѣсь 600 домовъ и какъ будто новенькихъ; между жителями множество Жидовъ. Здѣсь уже пахнетъ Польшею. Квартиры дурныя: въ первой я угорѣлъ, а въ другой озябъ. Билеты даютъ съ надписью: ohne Verpflegung, или mit Verpflegung, то есть: *безъ продовольствія*, или *съ продовольствіемъ*. Первые даются штабъ-офицерамъ — и я доволенъ былъ, что еще оберъ-офицеръ.

Третью квартиру дали мнѣ у богатаго Жида. Хозяина не было дома; оставались супруга его и дочь; первая одѣта по-Жидовски, а вторая по-Нѣмецки. Комната, гдѣ была ихъ спальня, гостиная, столовая и моя квартира меблированы изрядно: по всѣмъ стѣнамъ отъ потолка до полу висѣли эстампы и зеркала. Портретъ хозяина, почтеннаго Еврея, въ собольей шапкѣ, изъ подъ которой вились до плечъ густые пейсики, составлялъ единственное украшеніе въ комнатѣ. Не смотря на душистые цвѣты, которыми заставлены были окна, въ комнатѣ носился жидовскій смрадъ, и всюду являлась нечистота. Въ углу комнаты стояли клавикорды, на которыхъ юная Жидовка выразительно брянчала, и пѣла жидовскія аріи, между тѣмъ какъ мой деньщикъ, сидя тутъ-же, починивалъ рейтузы.—Послѣ всего этого молодой Жидъ, во фракѣ, спросилъ меня: Какъ нравится вамъ Фраустатъ? — и конечно ожидалъ признанія, что послѣ Парижа это лучшій городъ; но услышавъ отъ меня: Очень худо, перемѣнилъ рожу и откланялся. — Поляки называютъ этотъ городъ *Схова*, потому что въ первую Конфедератскую войну схоронали, или спрятали здѣсь своихъ женъ; отъ того Пруссаки назвали его Фраустатомъ

или женскимъ городомъ. Главная промышленность жителей состоитъ въ торговлѣ хлѣбомъ, который, покупая въ Польшѣ зерномъ, они перемалываютъ на своихъ многочисленныхъ мѣльницахъ, и перепродаютъ мукою въ Пруссію, даже до Берлина.

На другой день пріѣхалъ въ Фраушштатъ нашъ Полковникъ, и объявилъ мнѣ, что Генералъ Дохтуровъ желаетъ имѣть меня при себѣ. Слѣдовательно я теперь пущусь въ большой свѣтъ; но безъ денегъ, кажется, всегда буду блуждать во тмѣ.—Полковникъ со 150 червонцами ѣдетъ въ Россію, для расписанія войскъ 3-го Корпуса на кантониръ-квартиры около Кіева. Подполковникъ Д*** остался за него Оберъ-Квартирмейстеромъ, для препровожденія Корпуса; онъ получилъ 32 червонца, а я 16. И такъ мы всѣ разъѣхались съ деньгами. Я отправился въ Глогау, для обмундированія себя по новому роду службы.

ГЛАВА X.

ОТЪ ГЛОГАУ ДО ВАРШАВЫ.

Крѣпость Глогау. — Любовная исторія. — Портной. — Опять Заганъ. — Генералъ Дохтуровъ. — Заганскій замокъ. — Кутлау. — Рейссенъ. — Угощеніе у Графини. — Погоржели. — Добржицы. — Ярмарка въ Калишѣ. — Квартира у Прусскаго Прапорщика. — О происхожденіи Рускихъ. — Ночлегъ въ Клодавѣ. — Кутно. — Ловичъ. — Жизнь шляхтича. — Путешествующая Жидовка. — Уланы. — Блоня.

29-го Октября, въѣхавши безпрепятственно въ Глогау, явился я къ Прусскому Генералу Пудлицу, который принялъ меня ласково, и приказалъ дать мнѣ квартиру на сколько дней пожелаю. Я взялъ билетъ на три дня.

Глогау большая крѣпость Вобановой системы, могущая вмѣстить въ себѣ 10,000 гарнизона; однако окрестности съ лѣвой стороны рѣки способны для произведенія формальной осады, если не будетъ отъ крѣ-

поспи подземныхъ минъ. Сѣверная часть ея довольно слаба, и ее усиливаютъ теперь новыми пристройками. Съ праваго берега рѣки крѣпость была-бы приступна, если-бы не имѣла двухъ фланговыхъ шперншанцевъ, и если-бы не надобно было переходить три раза черезъ воду. Съ этой стороны она окружена разливомъ рѣки, или болотомъ, на которомъ не льзя заложить никакихъ траншей. Берега Одера низки и покрыты дубовымъ лѣсомъ; онъ течетъ извилисто; на немъ и теперь гуляютъ лодки съ парусами. Сожженная въ прошедшую войну, по сю сторону подъ городомъ, деревня перенесена далѣе, на пушечный выстрѣлъ. Весною, проѣздомъ я видѣлъ какъ здѣсь инженеры размѣряли поле, а теперь, въ одно лѣто, деревня выстроена. Жители и въ городѣ большею частію изъ Жидовъ. Я цѣлый день ходилъ, и насилу нашелъ поршнаго Нѣмца, который взялся сшить мнѣ все, что надобно, наилучшимъ образомъ.

Хозяйки моей кварширы были двѣ сестрицы, и на первый разъ показали мнѣ комнату безъ печи; но когда я запелъ въ Кварширную Коммисію, и когда Приставъ сказалъ имъ, что меня поставятъ на ихъ счетъ въ тракширѣ, то онѣ омеблировали для ме-

ня одну изъ своихъ комнатъ съ печкою. На постоѣ у нихъ находился Прусскій инженерный офицеръ, который принималъ большое участіе въ хозяйствѣ, какъ родственникъ, но безпрестанно шатался, какъ пьяный. Дѣвицы, въ извиненіе его, говорили, что онъ, бывши въ Россіи, отморозилъ себѣ ноги, и отъ того не можетъ ходить твердо; однако не льзя было шапкосши его приписать озноблению ногъ.... Впрочемъ офицеръ былъ довольно обходителенъ; съ участіемъ вспоминалъ о своемъ другѣ Мессингѣ и о Башкирцахъ, бывшихъ въ числѣ блокадныхъ войскъ подъ Глогау. Онъ-же увѣрялъ меня, что очень любитъ Рускихъ.

Въ городѣ, или въ крѣпости, нѣтъ ни какихъ общественныхъ увеселеній. Театръ пышенъ только афишками: играютъ Гамлета, Балрда; но, кажется, одинаково съ Заганскою труппою. Ввечеру Пруссаки на гауптвахтѣ били тапту, или барабанную зорю, по нашему, съ рожками. Солдаты одѣты совершенно по Русскому покрою, и только синій цвѣтъ мундировъ отличаетъ ихъ отъ нашихъ.

Я ознакомился получше съ своими хозяйками; онѣ хорошей фамиліи, довольно достаточны и хорошо образованы. Старшая,

брюнетка, прекраснѣе меньшой, съ умнымъ лицомъ, острымъ носикомъ, и быстрыми глазами; но она всегда задумчива и крайне чувствительна, хотя очень хорошо поетъ аріи Итальянскія, Французскія и Нѣмецкія. Голосъ ея нѣженъ и трогателенъ. Она просила меня написать ей ноты для гитары на какую нибудь Русскую пѣсню; я написалъ первый куплетъ: »Вы къ намъ вѣрность никогда не хотите сохранить....« Она въ полчаса выучила, и пѣла какъ Русская. Между тѣмъ сестра ея спросила меня: Откуда вы родомъ? — Изъ Бѣлоруссіи.—Теперь куда ѣдете?—Въ Кіевъ.—*Ахъ! въ Кіевъ!* вскричали обѣ. Я удивился такому восклицанію и спросилъ: Почему вамъ Кіевъ знакомъ? — »Мы ведемъ переписку съ одною госпожею М***, сказала старшая.—Какимъ образомъ вы съ нею познакомились? — »Мы съ нею знакомы только по письмамъ, черезъ нѣкоторый случай.« — Короче, она отдала дочь свою за мужъ за одного офицера, котораго мы знаемъ — сказала младшая сестра Клара. Старшая, Каролинхенъ, заплакала и закрылась платкомъ. Это меня тронуло. Я тотчасъ смекнулъ, что тутъ скрываются любовныя проказы, и чтобы самому не заплакать, сталъ играть на гитарѣ аллегро. Горе утихло, потому что шапкій инже-

неръ часто прерывалъ насъ. Наконецъ Каролинхенъ сказала мнѣ: « Ахъ! какое-бы вы для насъ сдѣлали одолженіе, если-бы взяли письмо къ Г-жѣ М***, и посылку, которой не льзя переслать черезъ почту! « — Съ великимъ удовольствіемъ. — »Я вамъ принесу,« сказала Клара, и ушла.... Какъ я счастливъ на довѣрчивость! Уже не первый разъ бываю посредникомъ въ любовныхъ интригахъ.

Каролинхенъ, сдѣлавши маленькое предисловіе, начала мнѣ открываться въ своей склонности къ одному Русскому офицеру Украинскаго Казачьяго полка. Онъ, во время блокады крѣпости, какъ-то познакомился съ нею, влюбился и далъ честное слово, по окончаніи войны, жениться на ней. Не требуя приданаго, онъ увѣрялъ притомъ, что самъ достаточный помѣщикъ, и столько обнадежилъ, что отецъ ея, не смотря на претерпѣнное въ продолженіе войны разстроеніе, изъ послѣдняго приготовилъ дочь къ свадьбѣ, и ожидалъ съ часу на часъ жениха. Но по окончаніи перваго похода во Францію, офицеръ прошелъ съ полкомъ черезъ Бригъ не заѣхавши въ Глогау. Возвратившись въ Россію, уже въ Февралѣ слѣдующаго года, онъ прислалъ къ невѣстѣ первое письмо. Я читалъ его; оно писано перомъ отчаянія. Офицеръ пишетъ, что онъ потерялъ отца,

котораго похоронили за четыре часа до его пріѣзда; что онъ потерялъ все, кромѣ сердца своей Каролины, съ которою надѣется имѣть единственное утѣшеніе въ жизни. Онъ умолялъ ее, чтобъ она его не забывала, и просилъ непремѣнно портрета, который для него никогда такъ не былъ нуженъ, какъ въ это злосчастное время; клялся ей въ своей любви, припоминалъ всѣхъ ея родныхъ, однако о женитьбѣ ни слова.

Портретъ былъ посланъ, и жениха ожидали по прежнему съ часу на часъ. Всякая пріѣзжавшая въ городъ бричка казалась ѣдущею съ женихомъ, и Каролинхенъ съ свадебнымъ нарядомъ своимъ сидѣла вѣчно дома, не смѣя никуда въ люди показаться, потому что уже завидливыя дѣвушки начали надъ нею подшучивать. Вдругъ налетаетъ громовый ударъ съ письмомъ отъ госпожи М***, прямо къ отцу Каролины; но догадливая дѣвушка не допустила его до родителя: сама прочитала и отвѣчала. Такимъ-то образомъ онѣ познакомились. Письма госпожи М*** оригинальны по ея невѣжеству. Я читалъ два письма, изъ которыхъ видѣлъ, что эта госпожа ни что болѣе, какъ простая эмигрантка временъ Екатерины II-й, поселившаяся въ Орловской Губерніи, въ Сѣвскомъ уѣздѣ.

Въ первомъ письмѣ она пишетъ къ отцу Каролины, что хотя не имѣетъ чести знать его лично, но не думаетъ, чтобы письмо ея было для него оскорбительно: это касается важнаго дѣла, особенно для нея, которой младшая дочь выходитъ за мужъ за Михаила К***. Ей извѣстно, что К*** очень хорошо познакомился съ его старшею дочерью Каролиною, которой всѣ письма она уже прибрала къ себѣ, и спрашиваетъ у отца: обручены-ли они священникомъ, или только дано слово? Она никакъ не хочетъ наводить какими нибудь сомнительными мыслями непріятности или горя на его сѣдины; но замѣчаетъ, что молодые люди могли быть такъ вѣтрены, какъ и они, старики, бывали въ свое время (*). Заботливость матери заставляетъ ее хорошенько узнать о поведеніи того, которому она жертвуетъ своею дочерью, а потому проситъ поспѣшить отвѣтомъ. Къ счастію, Каролина успѣла перехватить это письмо: иначе оно нанесло-бы горестный ударъ почтенному старику.

Не знаю, что отвѣчала на это Каролина;

(*) Хорошая о себѣ рекомендація!

конечно она призналась госпожѣ М***, какъ матери, въ своей невинной связи съ К***, и сказала о его кляшвенномъ, честномъ словѣ на ней женишься. Но второе письмо госпожи М*** совершенно обнаружило характеръ простой бабы съ низкими чувствами. Во-первыхъ, она очень удивляется неожиданному ошвѣту отъ Каролины, и очень сожалѣетъ о ея положеніи. Потомъ, вмѣсто утѣшенія, описывая постепенно знакомство К*** съ разными дѣвушками и съ ея несноснымъ сыномъ, даетъ подозрѣніе о его дурномъ поведеніи, вѣтрености и измѣнѣ; съ насмѣшкою упоминаетъ о поршрешѣ Каролины; говоритъ, что послѣ смерти отца К*** остались шолько деревянный домишко, лошадь и коза, да еще нашли 25 рублей ассигнаціями денегъ, которыхъ не достало на похороны. Потомъ описываетъ себя, что она бѣдная вдова, пережила двухъ мужей, и шеперь имѣетъ трехъ дочерей: старшая за купцомъ, который часто бьетъ ее и толкаетъ изъ дома вонъ; другая дочь шуда и сюда, а трепью хочетъ выдать за К***. Наконецъ говоритъ, что сынъ ея повѣса, который ей въ тягость, и котораго хотѣла-бы она сбыть въ Кадетскій Корпусъ; но говорятъ, что онъ еще молодъ, хотя ему уже 14 лѣтъ, или—вотъ ея собственныя

слова: »Der Gouverneur hat nicht für gut gefunden die Krone mit einem Unhold zu belästigen. (Губернаторъ не почелъ за приличное обременять Правительство такимъ негодяемъ).

Прочитавши письма, я говорилъ Каролинѣ, что она не должна жаловаться на невѣрность К*** и проклинать его, потому что, можетъ быть, госпожа М*** ведетъ интригу, хочетъ разссорить или развести ихъ, и потомъ женить К*** на своей дочери. Обязанность всякой матери заботиться пристроить своихъ дочерей къ мѣсту, и потому она всѣ средства употребляетъ для достиженія этой цѣли. Что К*** ее любитъ, въ томъ нѣтъ сомнѣнія: иначе онъ прислалъ-бы къ ней портретъ, и нашелъ-бы много причинъ извинишься; притомъ, изъ приписки самой дочери госпожи М*** ко второму письму, видно, что она вовсе не имѣетъ склонности къ К***, и, сожалѣя объ участи Каролины, охотно отъ него отказывается. Въ утѣшеніе несчастной дѣвушки я сказалъ, что беру на себя согласить и привести это дѣло къ концу. Если К*** не въ состояніи пріѣхать къ ней и женишься, или женился уже на другой, то онъ долженъ написать Каролинѣ и возвратить портретъ:

этимъ сохранится честь дѣвушки, достойной благороднѣйшихъ жениховъ. — Бѣдная Каролинхенъ, въ цвѣтѣ красоты своей, увядала отъ тоски и мнимаго безчестія. Она никуда не показывалась. Сосѣдки говорили: »Вотъ невѣста въ свадебномъ нарядѣ, спо лѣтъ ждетъ жениха, и вѣчно будетъ сидѣть, и вѣчно ждать его.«

Таковы послѣдствія чтенія романовъ, къ которымъ дѣвушки пристрастны. Всякой смазливый повѣса кажется имъ суженымъ героемъ, и онѣ начинаютъ романизировать; но дѣло большею частію оканчивается — слезами и отчаяніемъ, потому что настоящія событія въ свѣтѣ столько различествуютъ отъ вымышленныхъ въ романахъ, сколько явныя дѣла отъ сномечтательныхъ.

Подарки заключались въ корзинкѣ и кошелькѣ, самой лучшей узорчатой работы бисеромъ. Кошелекъ для К***, съ надписью: nimm von der Liebe, was die Liebe giebt, а корзинка для дочери госпожи М***, которая не спѣшитъ ея и съ цѣлымъ семействомъ своимъ.

Я долго разсматривалъ кошелекъ, и Каролинхенъ вдругъ сказала: »Забудьте надпись и, прошу васъ, возьмите кошелекъ себѣ.« — Согласиться на это было

съ моей стороны безсовѣстно, и я сказалъ ей, что если корзинка достигнетъ своего назначенія, то я буду имѣть право на кошелекъ, а не прежде. Наконецъ, разными убѣжденіями достигъ я того, что Каролина уже не стала желать, чтобы К*** пріѣхалъ къ ней. Очарованіе любви къ недостойному ея стало въ ней охлаждаться. — Ежели дѣйствительно они разлюбятъ другъ друга послѣ такой горячей страсти, то я опять буду имѣть право сказать, что любовь есть болѣзнь души, отъ которой можно изцѣлиться, такъ-же какъ отъ нервной горячки, и что на одной любви не льзя основать своего благополучія на всю жизнь въ супружествѣ.

Я очень доволенъ, что успокоилъ Каролину. Она стала веселѣе послѣ откровенной бесѣды со мной. Я представилъ ей всѣ обстоятельства въ настоящемъ ихъ видѣ, и прибавилъ, что К***, хотя-бы еще и любилъ ее, но въ такомъ отдаленіи онъ лишенъ средствъ пріѣхать къ ней, женишься, а потому ея ожиданія тщетны; что въ разлукѣ время должно охладить ихъ склонность, и неосновательная страсть истребится; что, вѣроятно, госпожа М*** употребитъ всѣ средства изгладить ее изъ сердца К*** и выдать за

него свою дочь. Также вѣроятно, что самъ К***, имѣя передъ глазами новую красоту, невольно потеряетъ воспоминаніе о Каролинѣ и предастся новой склонности. — Совершенный конецъ горю этой доброй дѣвушки будетъ тогда, когда она получитъ обратно портретъ свой. Она только его и ожидаетъ: онъ, по ея мнѣнію, препятствуетъ ей выйдти за мужъ. Догадываюсь, по нѣкоторымъ словамъ, что она имѣетъ новыхъ жениховъ. Я-бы весьма желалъ, чтобы она совершенно успокоилась.

Каролина хотѣла послать со мною, къ госпожѣ М***, отличной работы бисерный, дамскій ридикюль; но я сказалъ, что ни госпожа М***, ни дочь ея не стоятъ драгоцѣнныхъ ея трудовъ, и не принялъ ничего. Каролина теперь только узнала, каковы мужчины, и каковы могутъ быть женщины для своего интереса: это будетъ ей важнымъ урокомъ на всю жизнь.

Между тѣмъ Г-нъ Миллеръ, портной, принесъ мнѣ платье: воротникъ шитый золотомъ! Онъ весьма вѣжливо подалъ счетъ на 48 талеровъ. Я испугался: у меня въ кошелькѣ было всего 13 червонцевъ. Торговаться съ нимъ и отжиливать что нибудь было-бы безсовѣстно; все такъ хорошо сдѣ-

лано, что не къ чему придраться. И такъ я далъ ему росписку, что черезъ четыре дня получитъ остальное. Но только онъ вышелъ съ роспискою, какъ я вспомнилъ, что далъ ему, при заказѣ, въ задатокъ, три червонца, о чемъ честный Нѣмецъ такъ-же забылъ. Слѣдовательно дѣло было кончено, и я еще остался при одномъ червонцѣ. Не теряя времени, я простился съ любезными дѣвушками, къ которымъ исполненъ былъ уваженія, и съ инженеромъ, который хотя не былъ теперь пьянъ, но все еще шатался.

Изъ Глогау поѣхалъ я въ Фрейштатъ, опять назадъ. Здѣсь квартировали гусары.

На возвратномъ пути къ Загану, гдѣ еще находился корпусный штабъ, встрѣтилъ я 7-ю батарейную роту. Прощай Артиллерія! Уже не завидна мнѣ участь ротнаго командира, ѣдущаго впереди на дрожкахъ. Теперь я свободенъ, какъ ласточка....

Въ Зорау я не нашелъ ни кого, и хотѣлъ ѣхать далѣе въ Москау, надѣясь на лошадей; но несчастныя швари не могли пробѣжать до полуночи четыре мили, по песчаной дорогѣ. Отъѣхавши верстъ 10-ть, я встрѣтился съ офицеромъ, занимающимъ квартиры для корпуснаго штаба; онъ объявилъ мнѣ, что завтра самъ Генералъ Дохтуровъ будетъ въ Зорау; тогда я возвратился въ городъ.

Къ полудню начали съѣзжаться въ Зорау штабныя брички и шѣлеги. Начальникъ Корпуснаго Штаба, Полковникъ В***, пріѣхалъ въ два часа пополудни.

Въ Заганѣ и въ Зорау есть хорошія суконныя фабрики, изъ которыхъ много и дешево продаютъ сукна.

Ввечеру, 5-го Ноября, пріѣхалъ Генералъ Дохтуровъ. Я явился къ нему. Онъ принялъ меня ласково, распрашивалъ о маршахъ войскъ до Калиша, о крѣпости Глогау, и о прочемъ, касающемся нашей части. При немъ находились: Дежурный Штабъ-Офицеръ Маіоръ Д***, и Оберъ-Провіантмейстеръ Г***, съ которымъ онъ обходился фамиліярно. По видимому, Генералъ добросердеченъ; малаго роста, довольно тученъ, съ большою головою и коротокой шеею; охотникъ говорить, но не о пустомъ; старъ до 60 лѣтъ, но живъ и проворенъ, какъ человѣкъ въ 30 лѣтъ. Таковы были многіе изъ нашихъ знаменитыхъ старичковъ, какъ-то, Графы: Салтыковъ, Каменскій, и другіе. Супруга его поѣхала на Бреславль. По словамъ Генерала, изъ Кіева онъ поѣдетъ въ свои деревни, не располагаясь служить болѣе.

Генералъ квартировалъ въ Заганѣ въ Герцогскомъ замкѣ, и полюбопытствовалъ осмотрѣть въ немъ всѣ рѣдкости. Мы по-

шли за нимъ. Директоръ замка, почтенный чиновникъ, повелъ насъ въ верхній этажъ, и показывалъ намъ лучшія картины. Генералъ узналъ много картинъ, которыя видалъ въ Парижѣ и въ Дрезденѣ. Дѣйствительно, много было здѣсь отличныхъ копій съ извѣстныхъ оригиналовъ Рафаэля, Корреджіо, Пуссеня, Рубенса и другихъ; были весьма хорошіе ландшафты. Мнѣ болѣе всего понравилась картина, изображающая семейство одного живописца, который самъ себя, жену и дѣтей всѣхъ помѣстилъ тутъ. Въ ней все было такъ живо, такъ естественно, какъ сама природа: маленькій сынъ его смѣется, какъ живой; собачка, вещая мебель и всѣ подробности весьма правдоподобны. Въ цѣлой картинѣ нѣтъ яркихъ красокъ, и потому она имѣетъ особенную оригинальность. Въ комнатахъ много портретовъ Герцогской фамиліи; отличнѣе всѣхъ портретъ дочери послѣдняго Герцога, столько-же прекрасной, какъ и мать ея; она сосватана за родственника Французскаго Министра Талейрана. Однако всѣ ея четыре сестры не живутъ съ своими мужьями. — Тутъ-же портреты нашихъ Генераловъ: Чернышева, Фельдмаршаловъ Суворова, Кутузова, и двухъ Паниныхъ. Генералъ былъ въ восхищеніи, какъ будто увидѣвши старыхъ своихъ друзей,

и увѣрялъ, что портреты очень похожи. »Этотъ Панинъ, взявшій Бендеры, « говорилъ онъ, »дѣлалъ губами perpetuum mobile.« —Въ холодной залѣ театра стояли большіе, во весь ростъ, портреты нашихъ Государынь. Императрица Екатерина II-я представлена во всемъ блескѣ своей красоты и величія, въ алмазной коронѣ и съ царскими регаліями. Эти отличныя картины, свѣжей кисти, стояли безъ рамъ, прислоненныя къ стѣнамъ одна на другую, и отъ сырости могли попортиться. Тутъ-же висѣлъ портретъ старика Леонтьева, который былъ другомъ Герцогу Бирону въ Сибири; нынѣ потомокъ его, пятаго колѣна, служитъ у насъ въ кирасирахъ Генераломъ.—Танцовальная зала еще не кончена; она имѣетъ въ длину 60 шаговъ, и справедливо сказалъ нынѣшній Прусскій Король: на что такая зала для Загана.—Въ одной изъ гостиныхъ комнатъ находятся дорогіе, большіе, древніе часы съ курантами и куклами. Тутъ-же есть богатый шкафъ, въ видѣ Минервина храма съ музыкою, гдѣ играютъ только флейты съ гитарами.

Заганскій замокъ построенъ Валленштейномъ, потомъ принадлежалъ Графу Лобковичу, и купленъ Герцогомъ Бирономъ. Но въ немъ теперь никто не живетъ изъ фами-

ліи, а пріѣзжаютъ иногда весною. — Нѣкоторыя комнаты обшянуты внутри ошличными обоями, и убраны по-царски; постели съ великолѣпными занавѣсами стоили того, чтобы спать на нихъ безпробудно.

Я поѣхалъ чрезъ Фрейштатъ въ Нейштетель, гдѣ долго не могъ найдши себѣ пристанища, потому что весь городъ занятъ былъ Главною Квартирою Фельдмаршала.

7-го Ноября переѣхали мы въ Куплау. Генералъ Дохтуровъ не хотѣлъ останавливаться съ своимъ штабомъ въ Глогау. Если Пруссаки не пропускали союзныхъ войскъ черезъ крѣпость, то не должно было намъ становиться Генераламъ; что однако не всѣ исполняли. Нашъ Генералъ хотѣлъ показать, какъ мало онъ занимается перемѣщеніемъ этапа изъ Глогау въ Куплау; онъ позволилъ, по предложенію земскаго Коммисара, сдѣлать небольшія перемѣны въ дислокаціи, и остановился для ночлега въ пустомъ домѣ.

Чрезъ Фраушштатъ достигли мы до Рейсена. Здѣсь встрѣтила насъ настоящая Польша и зима: два дня шелъ снѣгъ. Квартиры дурныя; но я, сверхъ чаянія, поставленъ былъ еще къ Нѣмцу, свѣчному фабриканту. Средняя дочь его, Вильгельмина, усер-

дно мнѣ прислуживала, и была-бы прекрасна; но жаль, что всегда запачкана саломъ и пахнетъ мыломъ. Не смотря на то, она сѣла за клавикорды, сыграла вальсъ, и потомъ запѣла пріятною фистулою арію, сочиненія своего органиста. Чего болѣе желать отъ дочери свѣчнаго фабриканта?

Здѣсь есть замокъ Графа Сулковскаго. Мѣст. Рейссенъ, по признакамъ архитектуры нѣкоторыхъ домовъ, и по готической фигурѣ каменнаго колодезя, было нѣкогда значительно; теперь въ немъ все черно и грязно, съ перемежкою снѣговой бѣлизны.

Прощай и Германія! Съ сердечнымъ участіемъ и признательностію разстаюсь съ вами, заграничные народы! Примите дань благодарности за ваше гостепріимство не отъ врага, шедшаго съ оружіемъ, но отъ гражданина, который желаетъ вамъ благоденствія, и который, наблюдая ваши нравы, содѣйствовалъ только истребленію враговъ своего отечества. О вздохъ! лети къ тѣмъ дальнимъ мѣстамъ, за Эльбу, за Рейнъ, гдѣ блуждали мои взоры! Повторись во всѣхъ стѣнахъ тѣхъ жилищъ, которыя были свидѣтелями моихъ радостей, гдѣ я находилъ сладкую отраду своему существованію, и гдѣ пріятныя впечатлѣнія врѣза-

лись въ сердцѣ моемъ неизгладимыми чертами, до конца жизни!

Вмѣсто м. Кребена, штабъ нашъ заѣхалъ въ с. Хечевицы, въ замокъ богатой вдовы, Графини М***. Переходъ небольшой, но дорога чрезвычайно дурна, такъ что Генералъ пріѣхалъ уже подъ вечеръ. Замокъ новой архитектуры, обширнаго устройства, однако, безъ хозяина-мужчины, кажется опустѣлымъ. Вдова Графиня М*** лѣтъ 40, но еще довольно свѣжа; у нея пять сыновей. Двое старшіе женаты, а трое младшіе дома, воспитываются по Французски.—Столъ былъ накрытъ съ утра, и на немъ выложили все серебро, сколько было его въ замкѣ. До прибытія Генерала намъ не подали и стакана воды; за то мы изощрялй аппетитъ свой. Обѣдъ вмѣстѣ съ ужиномъ былъ довольно хорошъ и продолжителенъ. Насъ сидѣло за столомъ всего до двадцати особъ. Одинъ только Генералъ К*** былъ въ полной формѣ, при шарфѣ, а впрочемъ всѣ наши штабные не хотѣли ослѣплять Графиню блескомъ своихъ мундировъ, и даже я къ сюртуку не надѣлъ аксельбанта. Генералъ безпрестанно занимался съ хозяйкою. Разговоръ за столомъ начался *piano*, потомъ дошелъ до *fortissimo*, причемъ слышнѣе всѣхъ былъ голосъ Оберъ-

Провіантмейстера. — Ночлегъ не соотвѣтствовалъ столу: всѣ мы, кромѣ Генерала, валялись по полу на соломѣ.

На другой день пріѣхали въ м. Погоржели. Такъ называется оно потому, что нѣсколько разъ горѣло; прежде именовалось Савино. Зима насъ преслѣдуетъ. Я квартирую у мужика. Они жалуются на своего пана, которому безпрерывно работаютъ, и онъ не даетъ имъ щепки даромъ изъ своего лѣса. Избы здѣсь еще не курныя и довольно сносныя, но за то какая бѣдность! Я ѣлъ сегодня одни клёцки, картофель, и пилъ воду. Таковъ переходъ отъ Реймсской дичи, персиковъ, и отъ эпернескаго вина!

Добржицы принадлежатъ Варшавскому Сенатору, пану Г***, который, однако, въ два послѣдніе года сюда не заглядывалъ. Замокъ его обширенъ, но безпорядоченъ. Мой хозяинъ, у котораго я квартирую, Нѣмецъ и кузнецъ, разсказывалъ мнѣ, что въ этомъ замкѣ при Пруссакахъ водились злые духи, а именно: черная собака и бѣлая кошка, которыя ночью всегда прогуливались вмѣстѣ, пугали часовыхъ, и отправляли свой шабашъ на чердакѣ. Добрый Нѣмецъ прибавилъ еще, что въ 1813-мъ году Поляки хотѣли здѣсь вырѣзать всѣхъ Пруссаковъ и Жидовъ; по этому, для сигнала, въ каждомъ

мѣстечкѣ были при ихъ домахъ выставлены соломенныя вехи. Въ 1812 году, во время похода несмѣтныхъ силъ Французовъ, пасторша мѣстечка предсказывала имъ, что они всѣ погибнутъ въ Россіи, и Рускіе будутъ въ Парижѣ. Такъ и случилось!

Въ Калишѣ засталъ я добрую зиму: снѣгу такъ много, что можно было въ саняхъ ѣздить. Въѣзжая въ городъ, я думалъ встрѣтишь рогатку, какъ бываетъ на границѣ; но вмѣсто того встрѣтилъ толпы народа и конскій торгъ; далѣе по всему городу видѣлъ ярмарку. Но эта ярмарка теперь не такова, какъ она здѣсь бывала. Въ прежнее время съѣзжалось сюда много купцовъ изъ Бреславля, Берлина и Познани съ сукнами, матеріями и галантерейными вещами для Польскихъ пановъ; а теперь видны только мѣлочные товары внутренней промышленности. Теперь купцы не имѣютъ выгоды возить сюда товары издалека, платить въ таможню большую пошлину и продавать немногое шляхтичамъ. Здѣшніе Польскіе поселяне похожи на нашихъ Малороссіянъ: такіе-же рослые, неуклюжіе гуляки; одѣваются тепло и опрятно, въ синія и сѣрыя свитки сверхъ кожуховъ.

При въѣздѣ въ городъ являются Русскіе

двуглавые орлы, съ бѣлыми Польскими и съ надписью: Krulewstwa Polskiego. Отсюда эти орлы распространяются по всему царству.

Рѣка Просна служитъ здѣсь границею Царства Польскаго. Хотя она и отдѣляетъ предмѣстіе отъ города, лежащаго за нею, однако весь Калишъ съ своими окрестностями принадлежитъ намъ. До Пруссаковъ это было простое мѣстечко; въ двѣнадцать лѣтъ они вовсе перемѣнили видъ его и сдѣлали городомъ. Кромѣ частныхъ, хорошихъ зданій, обержей, церквей и присутственныхъ мѣстъ, выстроенъ Кадетскій Корпусъ на 150 мальчиковъ. Зданіе весьма хорошее, только не на видномъ мѣстѣ. Я мелькомъ видѣлъ одного уланика въ шпиблетахъ, который долженъ быть кадетъ. Теперь ихъ не болѣе 60, потому что содержаніе дорого стоитъ родителямъ. За городомъ, у самой рѣки, на мѣстѣ, куда свозили всякой соръ, Пруссаки устроили садъ. На рѣкѣ мѣльница, съ пятью большими колесами, всегда шумитъ, и вода, падая пятью каскадами, занимаетъ взоръ проходящаго. Противъ сада, по тополевой улицѣ, построены три красивые загородные домика, и улица названа именемъ Королевы Луизы; Поляки при Наполе-

онѣ перемѣнили ее въ Іозефинину; Государь нашъ возстановилъ по прежнему. Въ красивыхъ домикахъ, вмѣсто ресторацій, учрежденъ гошпиталь. Изъ всѣхъ трактировъ въ городѣ виднѣйшій и самый худшій есть Hôtel de Pologne, гдѣ за чепыре злота кормятъ весьма дурно; напротивъ того, близъ гауптвахты, въ невидномъ трактирѣ, я всегда находилъ хорошій столъ за умѣренную цѣну.

Въ Калишѣ съ трудомъ можно было получить квартиру. Мнѣ по билету досталось стать у бѣднаго отставнаго Пруссака Прапорщика, имѣющаго большое семейство. Въ прежнія времена у него былъ лучшій домъ въ Калишѣ; но годъ отъ году бѣднѣя, онъ переходитъ въ худшіе и, кажется, умретъ — въ лачужкѣ. Увидѣвши меня съ билетомъ въ рукахъ, онъ вскричалъ: Mein Gott! wieder Einquartierung! (Боже мой! опять постой) и покачавши головою, сказалъ: Посудите, уже девять лѣтъ мы страдаемъ! — »А я двадцать восемь лѣтъ страдаю, отъ самаго рожденія!« сказалъ я. Онъ усмѣхнулся, и повелъ меня въ бѣдную, холодную комнату. Когда я, поговоривши съ нимъ, собрался идти въ трактиръ обѣдать, почтенный Прапорщикъ этимъ обидѣлся и позвалъ меня къ своему столу. Мнѣ было

совѣстно. »Это не ваша обязанность, сказалъ я; отъ Калиша мы должны жить за свои деньги.« — »Нужды нѣтъ! я прошу васъ, чѣмъ Богъ послалъ.« — Я охотно согласился, и отобѣдалъ у него по-Нѣмецки, весьма умѣренно; однако доволенъ былъ, что сберегъ свои два злота. До жалованья еще далеко, и такъ надобно будетъ поговѣть.

Къ Генералу Дохтурову пріѣхала въ Калишъ изъ Бреславля супруга, и онъ посылаетъ меня въ Варшаву, занять для его семейства выгодную квартиру. Я радъ былъ этому порученію, и, взявши сани, хотѣлъ прокатиться; но при выѣздѣ нагналъ Артиллерійскаго Генерала К***, который остановилъ меня, спросилъ куда, зачѣмъ ѣду, и пригласивъ пройдти нѣсколько вмѣстѣ съ нимъ пѣшкомъ, завелъ важный разговоръ. Сначала разсказывалъ, какъ онъ на этихъ поляхъ давилъ Французовъ одною артиллеріею, и валялъ ихъ картечью; потомъ дошелъ до любимаго своего предмета: о древности и происхожденіи Русскаго народа. По его системѣ, Рускіе, или Славяне, произошли отъ Ассирійской и Вавилонскій монархій, потому что Сарматы или *Сиро-Миды* происходятъ отъ смѣшенія Ассирійцевъ съ Мидійцами. Скиѳы, первые народы, вышедшіе изъ Азіи въ Россію, назывались *Скиты*, то

есть *скитающіеся*. Городъ Вавилонъ, или *Бабійлонъ*, былъ распутный городъ, основанный Семирамидою, и принадлежалъ Рускимъ. Верея и другіе города, лежащіе около Москвы, находятся у него на древней карпѣ Ассирійской монархіи. Подобнымъ образомъ Генералъ доказывалъ, что большая часть Европы принадлежала Рускимъ, потому что древніе Галлы и Нордманы происходили отъ Рускихъ: это были *Галки*, *Галганы* и *Норики*, то есть люди безъ пристанища, скитающіеся по норамъ, а потому городъ Парижъ произошелъ отъ Русскаго слова *пары*, ибо лежитъ въ низкомъ мѣстѣ, а р. Сена, разумѣется, потому названа такъ, что по ней возили и возятъ на судахъ *сѣно*. Городъ Дрезденъ долженъ быть *Дроздовъ*, Трибель значитъ *прибыль*; рѣка Спрея, значитъ *спираетъ*, а м. Москау, которое прошли мы не доходя Загана, есть начало нашей Москвы, и тамъ живутъ Рускіе, хотя называютъ ихъ Вандалами. » У меня есть—продолжалъ онъ—книги; я вамъ дамъ почитать » ихъ, чтобы вы увѣрили въ истинѣ всего » сказаннаго мною вашихъ товарищей. Мы » происходимъ не отъ Чукчей, Вотяковъ и » Мордвы, составлявшихъ Новгородскую рес» публику; надобно о происхожденіи своемъ вы» ше думать. Большая часть, да и почти вся

» Европа наполнена Славянами или Руски-
» ми; а потому намъ надобно стараться от-
» нять все, что принадлежало намъ. Вы
» знаете, Вандалы первые наводнили Ев-
» ропу; ихъ потѣснили Скиѳы, или Скиѳы
» Славяне, которыхъ владычество простира-
» лось почти до Рейна, и даже Гунны не могли
» истребить ихъ. Когда Римляне усилились
» и начали прибирать къ себѣ Славянскія
» области, которыя не составляли цѣлаго Го-
» сударства, но были раздѣлены на стани-
» цы, тогда они стали расходиться: одни
» подъ именемъ Галловъ, или Галгановъ, по-
» шли во Францію и въ Испанію, другіе, Но-
» рики, или по вашему Нордманы, пошли на
» Сѣверъ въ Данію и Англію; Сарматы и
» Руссы, то есть русоволосые, остались на
» мѣстѣ, а прочіе составили Венгрію, Тран-
» сильванію, Булгарію, Сербію, Валлахію,
» Далмацію и Черногорію. Но какъ Римляне
» заставляли принимать свою вѣру и я-
» зыкъ всѣ покоренные народы, то отъ этого
» и вышло различіе въ языкахъ: Француз-
» скомъ, Испанскомъ, Нѣмецкомъ, Англійскомъ,
» весьма несходныхъ съ Славянскимъ и съ
» нынѣшнимъ Русскимъ. Поляки были ближе
» всѣхъ къ Рускимъ; но Папы и Римскіе
» Императоры старались раздѣлить ихъ: за-
» вели свои буквы вмѣсто Славянскихъ, ввe-

» ли Римско-Католическую вѣру, и тѣмъ » старались раздѣлить Поляковъ и Рускихъ. » Подстрекая первыхъ и вспомоществуя » имъ они хотѣли покорить Россію; только » Греко-Россійская вѣра и соединеніе Россій- » скихъ Княженій въ одно Царство, а равно » и мудрая политика нашихъ Царей, опро- » вергли всѣ замыслы враговъ нашихъ. Весь- » ма-бы справедливо было, если-бы Государь » нашъ пожелалъ опять присоединить къ » своему народу всѣ Славянскія поколѣнія, » оторвавшія отъ насъ случайно. Это наши » братья! Они страдаютъ подъ иноземнымъ » игомъ! Ихъ должно свести подъ одну Дер- » жаву и подъ одни законы съ нами! Спро- » сите ихъ, они то-же скажутъ вамъ!« — Сколь благородная и высокая мысль Генерала К*** достойна вниманія. Я не жалѣлъ, что прошелъ съ нимъ болѣе трехъ верстъ — за то очень поздно пріѣхалъ въ Спавичинъ.

Въ Клодаву, на другой день, пріѣхалъ ночью. Въ Калишѣ была зима, а здѣсь оттепель, дождь, слякоть и гололедица. Самый терпѣливый путешественникъ, въ такое несносное время, потеряетъ терпѣніе. Передрогши, обмокши и поскизаясь, въ полночь я насилу достучался къ Коменданту, который конечно проклиналъ меня; потомъ

я насилу дождался, отъ бурмистра, билета, и наконецъ пошелъ на квартиру. Проводникъ, дрожа отъ холода, шерся около меня такъ близко, что я его толкнулъ; онъ упалъ въ грязь и разсмѣшилъ меня. Въ квартиру также насилу достучался: всѣ спали, спали просыпаться, и вздули огонь. При входѣ въ хашу, меня поразила, съ пріятною теплотою, несносная, смрадная духота, и встрѣтили сонныя, почесывающіяся лица: шляхтичъ въ шулупѣ, и полуобнаженная Имость (госпожа). Мнѣ показали готовую постель въ общей спальнѣ. Я съ радостію повалился на мягкую перину и не замѣшилъ, кто около меня спалъ. Поутру, проснувшись, увидѣлъ всѣхъ на лицо, и думалъ, что нахожусь у бабы-ягой, въ ея волшебной избушкѣ: всѣ присутствующіе, которые спали со мною, какъ-то: усатый шляхтичъ, носастая супруга его, рябая кухарка, закопченая дѣвка, всѣ дѣти, и даже кошка и бутылка, всѣ были толстяки, и всѣ они на меня, худощаваго, смотрѣли, какъ въ странѣ горбатыхъ и хромыхъ, на прямаго урода.

По открытому листу Начальника Корпуснаго Штаба здѣсь не хотѣли мнѣ дать лошадей; но я догадался выпросить такой-же у Дивизіоннаго Генерала К***, который просилъ позаботиться въ Варшавѣ для него

о квартирѣ. Здѣшніе эпапы невыгодны для семейныхъ Генераловъ. Въ одной комнатѣ сидѣли всѣ: Генералъ съ Генеральшею, гувернантка въ шляпкѣ, кормилица съ ребенкомъ, и тутъ-же висѣла походная люлька, а на полу была разостлана солома. Для иностранной гувернантки все это, какъ я замѣтилъ, казалось весьма не по вкусу.

На ночь пріѣхалъ я въ Жидовское мѣстечко Купно. Здѣсь меня то-же встрѣтило, что и въ Клодавѣ. Я два раза поскользнулся, упалъ въ лужу, бранился и смѣялся. Квартиру показали мнѣ у богатой Жидовки, смрадной красавицы. Ужиналъ я въ шрактирѣ. Жидовская комната была меблирована и составляла общую спальню. Жидовки, между которыми находился только одинъ юноша-Жидъ, родственникъ хозяйки, разсуждали между собою вслухъ о ночлегѣ. Я, завалившись на софу, притворился спящимъ и слушалъ. Надъ молодою хозяйкою подшучивали другія, что она будетъ спать въ одной комнатѣ съ офицеромъ, и не безъ опасности; красавица сердилась на нихъ и смѣялась. Какъ онѣ улеглись, я не замѣтилъ, но только видѣлъ, что вся кровать хозяйки была заставлена стульями, на которыхъ растянулся Жиденокъ не раздѣваясь, будто для стражи.

Но я съ дѣтства имѣлъ антипатію къ Жидамъ, и предпочелъ-бы лучше жить вмѣстѣ съ Цейланцами, нежели съ ними; а потому спалъ безъ всякаго волненія въ крови, гораздо спокойнѣе, нежели всѣ Жидовки, если-бы только въ полночь толстая сестра хозяйки, отъѣзжая въ Варшаву, не надѣлала шуму.

На здѣшнихъ подводахъ, и съ остановками на этапахъ, не льзя проѣхать въ день болѣе двухъ станцій или пяти миль. Ловичъ изрядный городокъ. Здѣсь квартировали гусары. Ночлегъ мой былъ у шляхтича. На досугѣ я разсуждалъ о состояніи здѣшнихъ шляхтичей, дворянъ-однодворцевъ, какихъ и въ Россіи много. Шляхтичъ не отличается отъ мужика въ образѣ жизни, но ищетъ приблизиться къ дворянскому быту. У него одна комната, за то большая; въ ней спальня, гостиная и кухня, все вмѣстѣ. По стѣнамъ картинки, зеркальце, а на окнахъ гардины и цвѣты. Въ комнатѣ кошки, собаки; часто бываютъ куры и поросята. Самъ Васпанъ въ тулупѣ, сидитъ, обыкновенно съ трубкою тютюна, или передъ нимъ стоитъ чарка водки. Имость, нахлобучивъ на уши чепчикъ, грѣется у печки, или перебитъ за уши дѣтей,

или играетъ въ карты. Сыновья читаютъ сказки о сорокѣ и воронѣ, а панна брянчитъ на гитарѣ. Между тѣмъ оборванная, запачканная, босая кухарка тутъ-же возится въ печкѣ съ горшками, или трется около своихъ пановъ. Это несчастное животное трудится одно для всѣхъ, для пановъ, для коровъ, для свиней и куръ, и въ ней заключается все панство его мосця.

Поутру пришла цѣлая капель музыкантовъ къ моему хозяину на сниданье. Имость проспала; вскочивши съ постели, стала бить кухарку, и кое-какъ сварганился гульшайскій бикосъ (родъ солянки) для голодныхъ гостей. Я, не дожидаясь приглашенія, уѣхалъ скорѣе.

Сухачевъ также черное, Жидовское мѣстечко. Здѣсь у бурмистра застalъ я Жидовку, путешествующую изъ Кракова, которая похожа была на Пандору съ ящикомъ человѣческихъ бѣдствій: столько черная и тощая фигура ея съ подслѣпыми глазами была отвратительна. Въ ящикѣ у нея скрывались таинственные порошки: подновляютъ зубы, выводятъ пятна, освѣжаютъ лица, выгоняютъ веснушки, наводятъ красоту. Для всѣхъ этихъ очаровательныхъ порошковъ и эликсировъ, она сама представляла живую пробу. — И это безполезное твореніе пре-

буешъ себѣ свободнаго пропуска! И ея печатный паспортъ испещренъ печатями! Какъ люди бываютъ иногда снисходительны!

На ночь пріѣхалъ я въ Блони, и съ трудомъ досталъ себѣ квартиру. Гусары все заняли. Лишь только было я расположился для ночлега, какъ прислали уланскихъ офицеровъ. Для меня пріятна была ихъ бесѣда. Они были очень говорливы. Рѣчь зашла о Чугуевцахъ: какимъ порядкомъ они существуютъ и формируются. Уланы хвалили житье въ Гамбургѣ, доброхотство жителей, богатство ихъ, удовольствія жизни; удивлялись укрѣпленіямъ Гамбургскимъ: тройной стѣнѣ крѣпости, и пушкамъ, стрѣляющимъ на милю. Потомъ припомнили Молдаванъ, ихъ невѣжество, образъ жизни и плодородіе земли.—Я-бы желалъ чаще встрѣчаться съ подобными офицерами, съ которыми время проходитъ пріятно и полезно.

Изъ Блони я не могъ выѣхать ранѣе двѣнадцати, часовъ отъ недостатка въ подводахъ. Гусары слишкомъ много ихъ забираютъ, и нѣтъ порядка въ доставленіи. Съ споромъ и угрозами, наконецъ я добылъ двѣ одноконныя подводы, которыя превратилъ въ одну пароконную.

Не доѣзжая Варшавы, увидѣлъ я два полка Польскихъ конныхъ егерей: люди молодцы, стройны, щеголевaты, рождены быть воинами. Здѣсь ихъ комплектовали.

ГЛАВА XI.

ОТЪ ВАРШАВЫ ДО ПИНСКА.

Варшава. — Комендантъ. — Квартирная Коммисія. — Выѣздъ изъ города. — Зима. — Крестьянская дѣвочка. — Свои границы. — Таможня. — Квартира въ Брестъ-Литовскѣ. — Кобринъ. — Земскій судъ. — Вечеръ въ гостяхъ. — Исправникъ. — Анекдотъ. — М. Яновъ.

Въѣздъ въ Варшаву со стороны Торна, весьма не занимателенъ. Деревня *Воля*, гдѣ прежде собирался сеймъ шляхтичей для избранія Королей, смежная съ предмѣстьемъ, вовсе раззорена, и почти не существуетъ: остались пустые, полуразрушенные домы. Я долго ѣхалъ отъ Вольской рогатки до Сенаторской площади, версты полторы, полагая, что все это еще предмѣстіе; наконецъ вздумалъ спросить: Гдѣ-же городъ? — Вы давно въ немъ, отвѣчали мнѣ. Тогда я велѣлъ остановиться у перваго трактира, переодѣлся и пошелъ къ Коменданту, въ Краковское предмѣстіе. Онъ обѣдалъ:

здѣсь вездѣ обѣдаютъ въ 4 часа, такъ-же какъ во Франціи. Я объявилъ Коменданту, что пріѣхалъ для занятія квартиръ Генераламъ Дохтурову и Капцевичу, и что второй преимущественно желаетъ остановиться у него. Такимъ извѣстіемъ Комендантъ приведенъ былъ въ нѣкоторую робость, и отвѣчалъ мнѣ, что въ домѣ у него весьма тѣсно и мѣста вовсе нѣтъ, но что онъ постарается для Генерала пріискать хорошую квартиру. Комендантъ тотчасъ приказалъ выдать мнѣ билеты въ Квартирную Коммисію, и я по нимъ скоро получилъ квартиры, за которыми прочіе искатели ихъ ходили дня по три. Комендантъ довольно важенъ и строгъ. При мнѣ онъ не принялъ отъ Графини Потоцкой письма, присланнаго съ Казакомъ, и побранилъ Казака, сказавши ему: »Ты, братецъ, служишь Государю, а не Графинѣ!«

Въ Квартирной Коммисіи содомъ: сквозь кучу требователей на квартиры, я съ трудомъ могъ пробиться до предсѣдателей: одинъ проситъ перемѣнить билетъ; другой жалуется на двойной постой; третій, что конюшни нѣтъ.... Пане Францъ, раздаватель милостей, удовлетворяетъ всѣхъ съ великимъ проворствомъ; у него въ головѣ цѣлая Варшава: не только онъ знаетъ напе-

речешъ всѣ домы и хозяевъ ихъ, но знаешъ наизустпь, гдѣ кто кваршируешъ, кшо у кого нанимаешъ; знаешъ всѣхъ посессоровъ и локаторовъ, и знаетъ куда еще можно сунупь новаго гостя. Въ Варшавѣ шеперь до 8,000 домовъ годныхъ и жилыхъ; на постоѣ у нихъ 70 Генераловъ, 600 офицеровъ и до 10,000 войска, какъ увѣряли меня господа члены Коммисіи.

Ввечеру я пошелъ на свою кварширу, въ большой домъ какого-шо Президенша; за отсупспвіемъ его встрѣтила меня хозяйка, копорая, по обыкновенію, начала хвалипь Французовъ и сожалѣшь о несчастной ихъ участи. Вскорѣ явился Президенпъ, и далъ мнѣ билешъ на другую кварширу, попому чшо въ его домѣ офицеръ кваршируешъ безсрочно. Но какъ онъ былъ Президенпъ, шо я могъ догадаться, чшо у него вовсе нѣшъ никакого посшоя, и конечно пану Францу досшалось за шо, чшо онъ хошѣлъ меня ввесши къ нему въ госши. Проголодавшись и упомившись, я попащился на другую кварширу, въ обширный домъ кузнеца Бокка, у коппораго Графиня Попоцкая нанимаешъ покои. Здѣсь долго я ожидалъ прибышія самого хозяина, безъ коппораго дворникъ не впускалъ въ домъ. Наконецъ, по приказанію господина кузнеца, мнѣ отвели

холодную комнату съ четырьми стѣнами, или просто кладовую. Я шумѣлъ, бранился, проклиналъ Варшаву, и съ трудомъ выхлопоталъ себѣ хромой стулъ, кривой столъ и пукъ соломы на полъ для ложа. Потомъ повѣрилъ свою казну; счетъ въ минуту былъ конченъ, и на повѣрку вышло, что я долженъ отказать себѣ не только во всѣхъ удовольствіяхъ жизни, но и ограничить собственное содержаніе. А нѣтъ ничего досаднѣе и скучнѣе, какъ жить въ большомъ городѣ безъ денегъ.

24-го Ноября поутру проходили черезъ городъ церемоніяльно уланы и казаки; послѣдніе съ распущенными знаменами, на которыхъ изображены Святые. Я былъ у Коменданта съ требованіемъ о фуражѣ и о лучшей квартирѣ Генералу Дохтурову. Ему отвели прекрасныя комнаты въ гостинницѣ Hôtel de Londres.

Въ Варшавѣ добыть что нибудь по ассигновкамъ трудно, а за деньги дорого. Впрочемъ, говорятъ, никогда въ Варшавѣ не было такъ весело, какъ теперь. Королевство Польское восхитило Поляковъ; имъ велѣно сформировать 60,000 войска.

1-го Декабря я собирался къ выѣзду изъ Варшавы, проживши въ ней недѣлю безъ всякой пользы. Здѣсь воображеніе мое оспы-

ло; никакія пріятныя мысли не шли въ голову, и руки не хотѣли взяться за перо, хотя предметовъ для наблюденій было довольно. Причиною была моя простуда, жестокій кашель, съ которымъ я не могъ показаться даже у Генерала Дохтурова, ни гдѣ не былъ, и потому жизнь моя ограничивалась ближайшею гостинницею, куда я ходилъ постоянно каждый день за два злота обѣдать. Тутъ видѣлъ Русскаго гуслиста, путешествующаго Нѣмца съ кларнетомъ, и Нѣмку съ арфою, которые давали вокальные концерты. Видѣлъ еще отставнаго солдата, который игралъ разомъ на семи инструментахъ: свирѣль и дудочки привязаны были у него подъ губами, гитара въ рукахъ, шапка съ колокольчиками на головѣ, тарелки привязаны къ колѣнамъ, за спиною барабанъ Турецкій, къ одному локтю привязана колотушка, а къ другому вѣникъ. Приведя все въ движеніе, онъ игралъ хоромъ.

Наконецъ занялъ я у одного изъ своихъ добрыхъ товарищей сто рублей ассигнаціями, и успѣлъ видѣть въ театрѣ волшебную оперу: *Палацъ Люцифера.* Музыка была шумная; акторы и актрисы пестрые и размалеванные. Вотъ все, что я могъ видѣть въ Варшавѣ.

Разрывъ моста на Вислѣ запруднилъ переправу войскъ и остановилъ ихъ на нѣкоторое время въ тѣсныхъ квартирахъ.

2-го Декабря я выѣхалъ изъ Варшавы, оставляя этотъ революціонный городъ весьма равнодушно. Всякой судитъ по своимъ впечатлѣніямъ. Если-бы съ утра до вечера я проводилъ время въ лучшемъ обществѣ города, занимался-бы очаровательными Польками, переходилъ-бы отъ обѣда къ обѣду, отъ бала къ балу, отъ одного удовольствія къ другому, имѣя въ карманѣ неистощимый запасъ дукатовъ, тогда-бы я сказалъ: какой прекрасный городъ Варшава! Это рай! я-бы жизнь свою хотѣлъ въ немъ кончить! Но при моемъ недостаткѣ въ деньгахъ, почти безъ общества людей, переходя изъ шрактирнаго міра въ холодную квартиру, я чуть не умеръ въ Варшавѣ отъ простуды и скуки.

Ледъ и груды снѣга на Вислѣ привалили къ мосту такъ, что переправа стала удобна. Мостъ разорвало у самаго берега къ городу, видно, потому, что здѣсь самое быстрое теченіе рѣки упирается въ крутизну берега. Мостъ на судахъ слабъ, длиною 700 шаговъ; его обыкновенно на зиму снимаютъ, но теперь еще оставили для прохода войскъ. Прага, или предмѣстіе по ту

сторону Вислы, есть большая деревня, гдѣ ежедневно сельская ярмарка, или свозъ свиней и куръ. Варшава по берегу спелется слишкомъ на двѣ версты, и должна быть довольно красива весною.

Меня опять назначили Кварширмейстеромъ гусарской дивизіи, которой я предшествую. На первой станціи, по дорогѣ къ Брестъ-Литовску, я ночевалъ въ м. Минскѣ, въ пустомъ фольваркѣ. Здѣсь сборщикъ податей, шляхтичъ, занимающій должность этапнаго Коммисара, былъ такъ гордъ, что не хотѣлъ придти ко мнѣ для составленія дислокаціи; однако послѣ просилъ меня дать ему свидѣтельство, что онъ исправный Коммисаръ.

Сѣдлецъ похожъ на Свислочъ; при Французахъ онъ былъ департаментный, или главный въ округѣ городъ. Съ трудомъ я достадъ себѣ подводу; гусары все забираютъ. Зима, однако, не жестока: я ѣхалъ подъ одною шинелью, причемъ странно мнѣ было смотрѣть на другихъ, обгонявшихъ меня, которые были одѣты въ шулупы и укутаны до носа, а съ ногъ похожи на медвѣдей. Обычай одѣваться тепло я почелъ за предразсудокъ, когда самъ испыталъ теперь, что воображеніе болѣе холодитъ людей, нежели

самый холодъ. — На ночь я пріѣхалъ въ м. Лосицы и самъ занялъ квартиру у мужика, въ чистой, опрятной хатѣ, что мнѣ весьма понравилось послѣ Варшавской квартиры.

Въ мирной хижинѣ я жилъ два дня, любуясь сельскимъ благополучіемъ доброй семьи крестьянской. Казалось, что невидимый духъ покровительствовалъ ей. Изъ всего семейства замѣчательна была милая двѣнадцатилѣтняя дѣвочка Крися, или Христина. Особенная ловкость ея, острота ума и нѣжность, заставляли думать, что она выше своего состоянія. Я всегда поручалъ ей покупать съѣстные припасы, и каждый разъ дарилъ по нѣсколько бубликовъ. — Вотъ это за то — говорилъ ей отецъ — что ты усердно молилась Св. Николаю; отдай-же ихъ ему. — »Да, какъ же!« отвѣчала она. »Св. Николаю я поставлю свѣчку: съ него и будетъ; а бублики мнѣ.« — Въ мѣстечкѣ много было семействъ Уніатскаго исповѣданія. — Ввечеру Крися пропѣла мнѣ нѣсколько гимновъ, и я восхищался ея пріятнымъ, чистымъ голосомъ. Я училъ ее писать, и она скоро понимала. Съ такими способностями юная Христина облегчала половину трудовъ своей матери, и весьма заботилась о своемъ

хозяйствѣ, четырехъ курочкахъ, которыхъ безпрестанно ласкала и кормила.

7-го Декабря ночевалъ я въ м. Константиновкѣ, въ Жидовской корчмѣ, какъ будто умышленной противоположности съ прежнимъ ночлегомъ. Тутъ вся семья въ проказѣ. — Это въ крови у нихъ, сказалъ мнѣ проѣзжавшій въ Россію лекарь, который въ 27 дивизіи началъ службу съ фельдшера, а теперь съ женою ѣдетъ искать теплаго мѣстечка въ Симбирскѣ, гдѣ намѣренъ пріумножить свое достояніе числомъ больныхъ, и гдѣ, говорилъ, даютъ за визитъ не по пяти рублей. — »Это въ крови у нихъ, и въ Медицинѣ у насъ болѣзнь называется verinica Polonica. Жиды родятся съ нею; только богатѣйшіе лечатся, но и тѣ не могутъ вовсе изцѣлиться.« — Несносно было мнѣ ночевать въ смрадной корчмѣ, вмѣстѣ съ Жидами, ребятами и козами; но такова судьба военнаго человѣка: переходитъ изъ хорошаго въ дурное, изъ изобилія въ нищету.

Вмѣсто этаповъ Бяла и Залене, по маршрутту, короче было идти на Прагулинъ, и я такъ сдѣлалъ дислокацію, соображаясь еще съ тѣмъ, что магазины продовольствія изъ тѣхъ этаповъ перевели въ одинъ. Опъ

Константиновки до Брестъ-Литовска 5 Польскихъ миль. Холодъ къ вечеру усилился, воздухъ сгустился, и все покрылось туманомъ, который превращался въ иней.

Въ Тирасполѣ, стоящемъ противъ Бреста по сю сторону Буга, я переодѣлся, прошелъ по мосту и проскочилъ чрезъ пограничную рогатку. Тутъ какое-то ощущеніе потрясло меня: ни радость, ни печаль. Я вовсе не сожалѣлъ, что ушелъ отъ легкомысленныхъ, непостоянныхъ, опасныхъ Французовъ, или отъ холодныхъ, мрачныхъ, скупыхъ Нѣмцевъ. Впрочемъ Французы, Нѣмцы, Рускіе, Татары, все одни и тѣ-же люди, съ пороками и слабостями, между которыми, какъ на глыбахъ снѣга, блестятъ иногда искры добродѣтели. Въ хладной зимѣ своего отечества я-бы желалъ чаще встрѣчать эти блестки, чтобы болѣе полюбить своихъ. Насмотрѣвшись на многое хорошее за границею, испытавши во многихъ мѣстахъ добродушный, ласковый пріемъ, я не желалъ-бы видѣть между своими нищету и невѣжество; не желалъ-бы встрѣчать плутовскую корысть, или буйство, или одурѣлость; не желалъ-бы на каждомъ шагу подвергаться обманамъ. Можетъ быть еще дымится на развалинахъ городовъ и селъ дошлѣ-

вающій пепелъ прошедшихъ пожаровъ войны! Можетъ быть еще не отерлись слезы несчастныхъ вдовъ и сиротъ, пораженныхъ военными бѣдствіями!... И такъ, вступая въ границу своего отечества, я испыталъ ощущеніе не радости, не печали, а — сострадания.

Со мною въѣхали два гусарскіе офицера. При таможенной рогашкѣ, въ караульнѣ, полураздѣтый писарь записалъ въ книгу наши подорожныя; потомъ пошли мы къ таможенному смотрителю, который долженъ былъ засвидѣтельствовать нашъ пропускъ.

Отсюда пошли мы къ Брестъ-Литовскому Коменданту, женатому Маіору. Услышавъ отъ меня о слѣдованіи сюда 27-й дивизіи, онъ, служившій тамъ, и жена его, вскрикнули отъ радости, что увидятъ опять старыхъ пріятелей, возвращающихся съ пріобрѣтеніями, и заговорились-бы со мною до полуночи; но я напомнилъ имъ, что еще не имѣю квартиры. Покуда писали для насъ билеты въ Квартирную Коммисію, толстый офицеръ, съ желтымъ воротникомъ, увѣрялъ насъ, что мы никого не найдемъ въ Коммисіи, потому что всѣ члены сидятъ — въ пивной. Въ самомъ дѣлѣ, въ Коммисіи нашли мы

только трехъ Жидовъ, которые ни на что не рѣшались безъ почетныхъ членовъ. Гусары, потерявъ терпѣніе, пошли отыскивать шракширъ, а я пошелъ опять къ Комендантшу, и просилъ его приказать отыскать старшаго члена. Офицеръ съ желтымъ воротникомъ взялся проводить меня. »Скажи, что я караулъ къ нему приставлю!« крикнулъ Комендантъ офицеру; а мнѣ: »И вы попугайте его!« — Питейная была подъ бокомъ; но она походила на кандитерскую, потому что на полкахъ стояли три или четыре банки съ бумажными свертками, и цѣлыя батареи штофовъ и бутылокъ съ разноцвѣтными напитками. Компанія была шумная. Едва мы вступили въ двери, какъ многіе голоса вскрикнули:—Вотъ онъ! а мы тебя ждали! — »Я къ вамъ привелъ гостя,« сказалъ офицеръ и подошелъ со мною къ старшинѣ. Я напалъ на него съ легкимъ упрекомъ. Онъ поставилъ недопитый стаканъ, посмотрѣлъ на мой блестящій аксельбантъ, и сталъ извиняться, что ему не возможно ежедневно съ утра до вечера сидѣть въ Коммисіи; потомъ благодарилъ офицера.—Хорошъ, братъ! спасибо! зналъ куда привести! — Офицеръ хохоталъ и, казалось, былъ доволенъ какимъ-то мщеніемъ. »Да допей-же!« отвѣчалъ онъ. — Но

старшина объявилъ мнѣ, что въ городѣ нѣтъ квартиръ, потому что Рыльскій полкъ всѣ занялъ. Однако я требовалъ пристанища, потому что болѣе трехъ часовъ мытарствовалъ по городу. Наконецъ меня стали водить отъ одной корчмы до другой: вездѣ Жиды и смрадъ. Утомившись, я долженъ былъ остановиться въ одной, которая показалась мнѣ лучшею. Чтобы скрыть себя отъ взоровъ приходящихъ за водкою и пивомъ, я огородилъ свой уголъ съ окномъ простынями, и составилъ себѣ комнату въ три шага длины и въ два ширины.

Нѣсколько дней жилъ я въ своемъ углу такъ странно, какъ еще никогда не случалось мнѣ жить. Въ корчму безпрестанно приходили весельчаки пить: входятъ громко, но Жидъ шикнетъ, указывая на мои занавѣсы — и выходятъ тихо. Иные выпускали красныя словца, подозрѣвая за занавѣсками у Жида что-то, скрывающееся не даромъ.... но тамъ скрывался — чудакъ за книгою.

Ночью Брестъ-Литовскъ показался мнѣ разсѣянною деревнею; но днемъ онъ похожъ на обыкновенное Жидовское мѣстечко. Городъ когда-то имѣлъ свое значеніе: это показываютъ остатки древняго костела на площади, въ которомъ теперь магазинъ; еще

Жидовская синагога, существующая, по увѣренію Евреевъ, 1200 лѣтъ: толстыя стѣны ея поддерживаются огромными контрфорсами; вся она колоссальная, древней архитектуры. Безпрестанные пожары истребили лучшіе домы въ городѣ, и онъ изъ года въ годъ дѣлается хуже. Въ городѣ не живетъ ни одинъ Полякъ; первѣйшую знать составляютъ здѣсь Рускіе, земскіе чиновники. Изъ лавокъ замѣтилъ я одну Русскую съ Европейскими товарами, другую Греческую съ Азіятскими, и три маркитантскихъ; а прочія всѣ мѣлочныя Жидовскія. Домовъ 400, то есть Жидовскихъ однообразныхъ корчемъ и малыхъ избъ; но порядочнаго дома я не замѣтилъ ни одного. Жидовъ здѣсь такъ много, что отъ нихъ тѣсно по улицамъ; за то по Субботамъ городъ какъ будто пустѣетъ. Не смотря на ихъ промышленную жизнь, не въ базарный день ничего для продовольствія достать не можно. Сами Жиды существуютъ отъ крестьянъ, которые съ жизненными припасами съѣзжаются сюда по воскреснымъ днямъ, и сколько выручатъ денегъ у Жидовъ, имъ-же оставляютъ, выплачивая долги, или за водку. Удивительно, какъ Жиды умѣютъ жить не занимаясь ничѣмъ инымъ, какъ только мѣлочною торговлею, или перепродажею товаровъ изъ рукъ

въ руки. Во всякомъ домѣ, гдѣ живетъ Жидъ, есть шинокъ, или корчма: тамъ продаютъ водку, пиво, медъ. Находится-же сколько пьяницъ Христіанскаго рода, отъ которыхъ существуютъ эти шунеядцы и обманщики!... Въ городѣ есть шляхетскіе трактиры, гдѣ за полтину серебромъ обѣдъ: тутъ найдешь секретаря и экономa, офицера и шляхтича. Не всякой приходитъ за дѣломъ, то есть пообѣдать; большею частію измѣряютъ глазами приходящихъ, заводятъ бесѣду, приглашаютъ къ билліарду, къ штосику, банчику, и стараются обыграть почище. Днемъ на лубковыхъ саняхъ катаются пестрыя бабочки, жены чиновниковъ, въ сопровожденіи армейскихъ кавалеровъ. Каждое утро на площади разводъ, съ церемоніею, батальона Ревельскаго полка, здѣсь квартирующаго.

Сегодня, 12-го Декабря, по случаю Высокоторжественнаго дня, Жиды выставили иллюминацію, то есть поставили въ домахъ на окна по одной свѣчкѣ домашней фабрики. Я вышелъ полюбоваться иллюминаціею, и отъ души смѣялся, оступаясь въ потьмахъ: тусклый свѣтъ изрѣдка мелькалъ кой-гдѣ изъ оконъ на улицу.

Меня назначили Квартирмейстеромъ 24-й

пѣхотной дивизіи, которую я долженъ вести теперь къ Чернигову. Въ Кобринѣ составилъ я дислокацію на четыре перехода, и поручилъ Капитанъ-Исправнику доставить ее Дивизіонному Командиру, чѣмъ надѣлалъ ему много хлопотъ. Иначе не льзя было. Здѣсь уже не даютъ подводъ безъ прогоновъ. Вчера я съ трудомъ могъ выѣхать изъ Брестъ-Литовска; насилу выхлопоталъ себѣ одноконную подводу, на которой дотащился до Кобрина. Въ Кобринѣ надобно было часа два ходить изъ одного конца города въ другой, отыскивать Исправника и Городничаго; этого послѣдняго нашелъ я у Маршалка, или Уѣзднаго Предводителя Дворянства, въ пріятельской компаніи. Душа бесѣды были карты, а пища этой души—пуншъ и дымъ табачный.

На другой день поутру, въ 7 часовъ, надѣвши свой блестящій мундиръ, вошелъ я въ домъ къ Городничему. Вскорѣ самъ онъ явился въ мундирѣ. Я началъ толковать о своемъ дѣлѣ, то есть о размѣщеніи въ городѣ дивизіоннаго, бригаднаго и полковыхъ штабовъ. Городничій долго торговался со мною, желая выторговать по крайней мѣрѣ полковые штабы: онъ хотѣлъ, чтобы я не ставилъ ихъ въ городѣ, и за то приглашалъ меня къ обѣду.

Отъ Городничаго пошелъ я въ Нижній Земскій Судъ. Старый Исправникъ не узналъ меня въ моемъ блескѣ, и сказалъ: »Что вы такъ нафрунтились?« —Для Царской службы—отвѣчалъ я.

За то вечеръ былъ для меня романическій. Я нашелъ Исправника въ гостяхъ у Полковника Ревельскаго полка. Въ передней комнатѣ полковые пѣвчіе распѣвали нѣжныя пѣсни, иные прищурясь, другіе зажмурясь, съ пріятными гримасами, подъ мелодію заунывнаго рожка. Въ другой комнатѣ бостонъ и кости. Но здѣсь молодыя красавицы, сидя по спѣнкамъ, слушали нѣжныя пѣсни, между тѣмъ какъ пожилыя дамы занимались картами. Полковые офицеры, туго застегнутые въ мундиры, на вытяжку расхаживали взадъ и впередъ, стараясь не развлекать вниманія бостонистовъ и не разстроивать очаровательной гармоніи пѣвчихъ. Но я и здѣсь потревожилъ всѣхъ, вытащивши изъ-за стола Исправника, которому поручилъ отослать куверты къ Дивизіонному Командиру. Хозяинъ подошелъ ко мнѣ съ такимъ привѣтствіемъ: »Извините, у насъ по-Русски, въ пріятельской бесѣдѣ, какъ восемь пробьетъ, такъ пьютъ водку, а въ девять расходятся. Этому онъ

научилъ меня« — указывая на Исправника.— Извините, я не пью водки. — »Чего-же вамъ угодно?« — Ничего, кромѣ вашего расположенія.—Мнѣ пріятно было видѣть себя опять въ кругу красавицъ, хотя съ принужденіемъ зашнурованныхъ въ шнуровки, сидящихъ неподвижно и безгласно, но довольно милыхъ. Жена Исправника, огненная брюнетка, въ цвѣтѣ лѣтъ, приступила ко мнѣ: »Кажется, я имѣла удовольствіе васъ видѣть!« — Можетъ быть, прошедшаго года, когда у васъ зубы болѣли, и я вамъ привезъ рецептъ. — »Ахъ! точно; такъ это вы!« ... Разговоръ завязался о Генералахъ 24-й дивизіи, о заграничномъ житьѣ-бытьѣ, и такъ далѣе. Меня стали болѣе и болѣе осыпать со всѣхъ сторонъ вопросами, и, кажется, я этотъ вечеръ провелъ съ удовольствіемъ.

На другой день рано выѣхалъ я изъ Кобрина, такъ что при мили уѣхалъ до свѣта. Опъ недостатка подводъ, на тѣхъ-же крысахъ проѣхалъ еще четыре мили.

Въ Сохѣ встрѣтился я опять съ Исправникомъ у помѣщицы, имѣющей обширное семейство. Она не вдова, но оставлена мужемъ, который въ 1812-мъ году бѣжалъ во

Францію, въ службу Наполеона. Она столько его любитъ, что посылаетъ ему ежегодно деньгами, сколько можетъ собрать со всѣхъ доходовъ. У доброй помѣщицы мы пообѣдали. Исправникъ пригласилъ меня ѣхать вмѣстѣ, и я свою подводу съ экипажемъ отправилъ впередъ въ м. Яновъ. Дорогою сопутникъ мой разсказывалъ о своей тяжбѣ съ Маршалкомъ О***, при покупкѣ для кавалеріи лошадей. Маршалъ получилъ деньги, и вмѣсто того, чтобы покупать лошадей, собралъ съ уѣздныхъ дворянъ и шляхтичей реквизицію лошадьми, да за проводъ ихъ, будто-бы въ Петербургъ, взялъ съ помѣщиковъ по 50 червонцевъ. За Маршаломъ прислали курьера, который тотчасъ отвезъ его въ Гродно; тамъ помыли Маршалу голову, велѣли всѣ деньги возвратить помѣщикамъ и сдать покупку лошадей Исправнику. Послѣ такого происшествія Маршалъ О*** заболѣлъ—и умеръ. Далѣе узналъ я несчастіе всей фамиліи этого Маршала. Оставшаяся послѣ него вдова, въ цвѣтѣ лѣтъ, была столько привлекательна, что кирасирскій Генералъ Д*** сильно сталъ за нею приволакиваться. Всѣ думали, что онъ на ней женится: въ 1813 году, уходя за границу въ походъ, онъ оставилъ ей завѣщаніе, въ которомъ обѣщалъ, возвратившись,

по окончаніи кампаніи, женишься на ней, а если не будешъ живъ, то дѣлалъ ее наслѣдницею своего имѣнія. Но это завѣщаніе, со шкапулкою, неизвѣстно какимъ случаемъ, пропало изъ дома Маршалковой, и слухи разнеслись, что Генерала Д*** нѣтъ въ живыхъ. Маршалкова была въ отчаяніи, не столько о смерти Генерала, какъ о потерѣ завѣщанія со шкапулкою, и въ утѣшеніе своей горести не мало раздала денегъ ксёнзамъ, чтобы молитвами очистили путь душѣ Превосходительнаго жениха въ царствіе небесное. Наконецъ, въ 1814 году, является Генералъ Д*** цѣлехонекъ. Маршалкова, въ восхищеніи, назначаетъ день свадьбы; но—чѣмъ чортъ не шутитъ!—Генералъ, вмѣсто матери, влюбился въ дочь ея, прекрасную Іозефину. Чтобы согнать это бѣльмо съ глаза, Маршалкова на скорую руку выдала дочь за повѣсу изъ разжалованныхъ, Драгунскаго Корнета, Князя Д***, а сама ожидала Генерала на свадьбу; но онъ—вѣроломный! — съ страстнымъ сердцемъ уѣхалъ за границу, къ цѣлительнымъ водамъ!

Мы пріѣхали въ Гуповъ.

Въ Стрѣльнѣ, за 9 верстъ до Янова, застигла насъ ночь и мы заѣхали для ночлега къ помѣщику С***, который жилъ

открыто и радушно. У него было много гостей: кромѣ полудюжины своей семьи, вертѣлись тутъ два гусара и три піонерные офицера. Угощеніе отъ хозяина было изобильное, особливо Исправнику. Подъ конецъ вечера, хозяинъ, для потѣхи гостямъ, заложилъ три червончика банка, и гусары съ піонерами ихъ расклевывали. Въ другой комнатѣ домашніе горячились за цвикомъ. Я сидѣлъ безмолвнымъ зрителемъ, смирнѣе мухи, и удивлялся, что у насъ душею общества обоихъ половъ всегда карты и карты! Неужели люди такъ тупы, что не находятъ для себя благороднѣйшихъ занятій въ пріятной бесѣдѣ, въ музыкѣ, или въ иныхъ невинныхъ забавахъ! Неужели для оживленія общества нужно, чтобы деньги безпрестанно, посредствомъ картъ, переходили изъ одного кармана въ другой!...

Въ Яновѣ я заѣхалъ къ Габріелю Орѣшкѣ. Онъ не скоро узналъ меня, но былъ очень благодаренъ, что я къ нему въ д. Лясковичи назначалъ для постоя роту артиллеріи, вмѣсто полковаго штаба. Въ домѣ у него квартировалъ гусарскій полковникъ, низенькій, толстенькій, и столько занятой собою, что выходя обѣдать и ужинать за общій столъ, онъ садился на первомъ мѣстѣ, посматривалъ на присутствую-

щихъ, и, ни съ кѣмъ не говоря ни слова, кушалъ да слушалъ, и уходилъ не раскланиваясь.

Дубой, бѣдная деревушка; посреди хижинъ ея является огромный помѣщичій замокъ, какъ тыква между рѣпами. Помѣщица, говорятъ, такъ скупа, что сама продаетъ вяленыя груши; главный доходъ ея отъ рыбной ловли, по канавамъ и рвамъ съ заворами.

Пополудни пріѣхалъ я въ Пинскъ.

ГЛАВА XII.

ОТЪ ПИНСКА ДО ЧЕРНИГОВА.

Городничій. — Пинскъ. — Давыдъ-городъ. — Жиды. — Туровъ. — Уніяты. — Припять. — Петриковъ. — Мозырь. — Русскіе крестьяне. — Лоевъ. — Малороссія. — Въѣздъ въ Черниговъ. — Кулачный боецъ. — Видъ Чернигова. — Генералъ В***. — Балъ. — Уединенная жизнь. — Заключеніе.

Пинскій Городничій замысловатѣе Кобринскаго: тотъ грубъ, а этотъ хитръ. Онъ долго торговался со мною о постоѣ, и на возраженія мои отвѣчалъ усмѣшками, такъ, что я пересталъ съ нимъ спорить; однако сдѣлалъ какъ должно: назначилъ въ городъ три полковые штаба и роту артиллеріи.

Квартиру показали мнѣ въ трактирѣ, въ отдѣльномъ флигелѣ на дворѣ, двѣ холодныя комнаты безъ всякой мебели; я съ трудомъ добылъ себѣ старую кровать, пукъ соломы и столъ о трехъ ножкахъ. Въ трактирѣ жить надобны деньги, а у меня ихъ было очень мало.

Дислокацію написалъ я, съ Исправникомъ, по уѣзду до Давыдъ-города безъ карты, составляя такую по однимъ распросамъ. Пинскій уѣздъ, раздѣляемый р. Пиною и многими впадающими въ нее рѣчками, представляетъ водянистую, болотную, лѣсистую съ песчанымъ грунтомъ плоскость безплодной земли, гдѣ населеніе разсѣянное, рѣдкое, и жители бѣдны; а потому цѣлой пѣхотной дивизіи, изъ шести полковъ состоящей, идти вдругъ по этапамъ было-бы весьма тѣсно; да и для жителей это было-бы разорительно. Такія обстоятельства побудили меня послать рапортъ къ Дивизіонному Командиру и просить, чтобы раздѣлили бригады, и пустили ихъ идти полкъ за полкомъ въ столь бѣдной, и, можно сказать, безжизненной странѣ до самаго Днѣпра.

Въ Пинскѣ я жилъ пять дней, и не находилъ въ немъ ничего занимательнаго. Этотъ уединенный, пустой, унылый городъ, съ деревянными лачужками, можетъ быть пріятенъ для тѣхъ, кто привыкъ жить въ немъ, занимаясь торговлею соли. Городъ погруженъ въ болото при р. Пинѣ; домы всѣ деревянные, ветхіе, хотя въ окрестности много лѣса. Здѣсь только два зданія замѣчательны посреди города: недостроенный

монастырь и пракширъ. Первый шѣмъ любопытенъ, что огромностію своею бросается въ глаза между лачужками, и что среди города монахи думали жить въ уединеніи; а въ другомъ всегда множество праздnаго народа. Теперь господствуютъ шутъ гусары: пьютъ, ѣдятъ, волочатся за дешевую цѣну, мечутъ банкъ и поншируютъ безпрерывно.

25-е Декабря день торжественный, и большой праздникъ Рождества Христова; однако ни въ церкви, ни въ костелѣ не было тѣсно отъ богомольцевъ. Иллюминаціи не зашѣвали; только у Городничаго была вечеринка для званыхъ пріятелей.

На другой день, выѣхавши изъ Пинска, остановился я для ночлега въ д. Плотницѣ, у мужика въ избѣ съ трубою, которыя недавно стали у нихъ заводиться. Мужикъ самъ признается, что съ трубою лучше. Можетъ быть скоро всѣ сознаются въ томъ и станутъ жить благовиднѣе, особенно если Правительство побудитъ ихъ къ тому. Зима въ этой болотной странѣ распустилась; деревни очень рѣдко раскиданы, и жители весьма бѣдны.

Между тѣмъ я боленъ: нервное разслабленіе, ломъ въ зубахъ, желѣза подъ челюстя-

ми, и какой-то дьяволъ сидитъ въ горлѣ, который давитъ меня. Что за слабое твореніе человѣкъ! Каждый переходъ, изъ одной страны въ другую, изъ тепла въ холодное, съ скоромнаго на постное, съ вина на воду, изъ хорошаго въ дурное, измѣняетъ существо его самымъ непріятнымъ образомъ.

Квартира моя въ корчмѣ у гагальнаго Жида. Я и здѣсь занялъ уголъ, какъ въ Брестъ-Литовскѣ, только безъ занавѣса. Вѣчный шумъ отъ плачущихъ Жидятъ, и непріятный видъ неопрятнаго Жидовскаго семейства развлекаютъ меня въ моихъ занятіяхъ.

Здѣсь я болѣе ознакомился съ Жидами, и не столько ненавижу ихъ, какъ прежде. Они такіе-же люди, какъ и Христіане; тѣ и другіе съ одинаковыми слабостями и пороками, только подъ разною наружностію. Христіане столько-же сребролюбивы, и бываютъ такіе-же плуты, не упуская случая поживиться на счетъ ближняго, какъ и Жиды; только Жиды хитрѣе обходятся. Въ краю, гдѣ они поселяются, вся торговля переходитъ въ ихъ руки; обманъ есть основаніе ихъ промышленности. Не имѣя земли, не всѣ они занимаются ремеслами, особенно въ мѣстечкахъ. Чтобъ жить одною мѣлочною торговлею такъ, какъ они живутъ,

исправляя блестящіе шабаши, надобно употребить много плутовства. Отъ того, естественно, всѣ Христіане имѣютъ недовѣрчивость къ Жидамъ, какъ-бы они ни казались честны. — Обыкновенный Жидъ, имѣющій домъ, или шинокъ, даетъ сто червонцевъ въ приданое за дочерью, а богатые даютъ по пяти сотъ, и болѣе. Во время свадьбы выдается молодой половинная сумма приданаго; сверхъ того жемчужное ожерелье, наушники и богатое платье. Родъ ихъ безпрестанно умножается, по причинѣ великой плодовитости и малой убыли: они умираютъ естественною смертію. Рекрутъ съ нихъ не берутъ; за это они оплачиваются деньгами (*). Я видѣлъ, какъ мужики, привозившіе сельскіе продукты, съ почтительностію кланялись своему пану Гиршѣ, и какъ онъ ласково чествовалъ ихъ горѣлкою.—Здѣсь узналъ я, что значитъ у Жидовъ *трефное* и *кашерное*. Трефное, или негодное, есть все то, что было въ болѣзни у четвероногихъ: если легкое приросло къ

(*) Съ 1828-го года, по особенному учрежденію Царствующаго Императора, они стали давать рекрутъ натурою.

ребрамъ, или внутренность чѣмъ либо повреждена; у птицъ если крыло, или нога перешибена или булавка въ пупкѣ; изъ рыбъ всѣ, не имѣющія чешуи. Такихъ они не употребляютъ въ пищу, а продаютъ. Напротивъ того все здоровое и годное въ пищу, есть *каширъ*. Ни одинъ Жидъ не смѣетъ самъ зарѣзать курицы, утки, барана, и проч., но относитъ обрѣченную на съѣденіе жертву къ рѣзнику, который, какъ древній жрецъ, или убійца животныхъ, получаетъ за то достойную плату: по грошу отъ мѣлкой штуки. Такой обычай не худобы завести и между Христіанами, для отвращенія охоты въ иныхъ къ пролитію крови. Изъ Жидовъ рѣдко попадаются уголовные преступники: воры и разбойники.

Мѣстечко Давыдъ-городъ имѣетъ до 6000 домовъ Жидовскихъ, и принадлежитъ Князю Лудовику Радзивилу. Арендаторы сосутъ крестьянъ его, какъ пауки мухъ.

1816-й годъ.

I-го Января. Въ м. Туровѣ со вчерашняго дня начался шабашъ. Меня не хотѣли по-

спавишь къ Жиду, а поспавили къ Русскому мужику. Я доволенъ былъ, что у Русскихъ встрѣтилъ новый годъ, желая короче ихъ узнать и полюбить.

Мужикъ, у котораго я квартировалъ, кажется былъ богатъ. Хата его не курная, бѣлая, однако тѣсная; шутъ онъ живетъ въ семействѣ съ курами и поросятами. По словамъ его, такихъ бѣлыхъ хатъ только три въ цѣломъ мѣстечкѣ, имѣющемъ 500 дворовъ, изъ которыхъ половина Жидовскихъ.— »Панъ, говорилъ мужикъ, еще за дѣда нашего велѣлъ срыть курную хату до оконъ, и заставилъ насъ сдѣлать печь съ трубою, а Поляки хотѣли ввести свою Папскую вѣру. Уже солдаты съ палашами готовились рубить нашихъ православныхъ, собравшихся въ церковь; но умный протопопъ сказалъ имъ, что мы всѣ служимъ одному Богу, для котораго все равно, какъ-бы ни молились ему, по-Папски, или по-Гречески. Солдаты повѣрили, и наши остались при своей вѣрѣ, называясь Уніятами.« — И такъ я согласенъ съ мнѣніемъ почтеннаго Генерала К***, что гдѣ осталось донынѣ въ Польшѣ Уніятское исповѣданіе, тамъ издревле поселились Рускіе, принявшіе Греческую вѣру, которую Поляки, при помощи

Папской духовной власти, шѣснили и превратили въ Уніятскую.

Моя кварширa не похожа на Французскую съ каминомъ и съ большими окнами, или на Нѣмецкую съ обширнымъ хозяйствомъ. Вчера ввечеру, на порогѣ встрѣтила меня румяная баба, красавица, съ сковородою въ рукахъ, на которой шипѣли сальныя аладьи, Я обрадовался этой Русской встрѣчѣ, и хотѣлъ было разговѣться аладьями; но откусивши одной, бросилъ ее поскорѣе: онѣ были еще не по моему вкусу. — »Это, панокъ, я для ребятъ пеку, сказала баба, и ништо, шѣсто не удалось!« — Подлинно, въ продолженіе цѣлаго вечера приходили подъ окна мальчишки, съ пѣснями на *святый вечеръ*, и хозяйка, черезъ маленькое, задвижное окошко, выбрасывала имъ по двѣ аладьи. Маленькая сестра ея, соревнуя ребятишкамъ, просилась то-же сходить попѣть подъ окнами. — »Чи ты не видала лапковъ?« сказала хозяйка. »Слава Богу, есть что ѣсть. Мнѣ »батька говорилъ, когда я была въ дѣвкахъ: »тебя и за печкой найдутъ люди: золото »и въ пеплѣ свѣтитъ. Никогда не пускалъ »ни на игрища, ни въ подворья.« — Вотъ чистая нравственность! Этотъ вечеръ пе-

редъ новымъ годомъ пріятенъ былъ для меня между Рускими...

Если всѣ Рускіе такъ рослы и здоровы, а женщины такія красавицы, то этотъ народъ не уступитъ въ силѣ Римлянамъ. На женщинахъ одежда: красные корсеты; синія юпки и бѣлые передники. Лучшее украшеніе у нихъ длинныя, какъ будто кисейныя, съ красными вышивками повязки на головѣ, спускающіяся отъ затылка почти до пятъ. — Хозяева мои удивляются, видя меня окруженнаго книгами и бумагами. Они думаютъ, что я по нимъ могу колдовать, и съ нѣкоторою боязнію остерегаютъ ребятъ близко подходить къ моему святилищу Музъ.

Туровъ стоитъ на правомъ берегу рѣки Припяти. Здѣсь мѣсто привала для барокъ, идущихъ изъ Кіева къ Пинску, а оттуда чрезъ Мухавецъ въ Кобринъ, въ Брестъ-Литовскъ и по Бугу въ Вислу до Данцига. Другой водяной путь идетъ отъ Пинска черезъ Ясёлду и Огинскій каналъ въ р. Щару, а потомъ въ Нѣманъ черезъ Гродно до Тильзита. Такимъ образомъ соединяется Черное море съ Балтійскимъ. Рѣка Припять, начинаясь изъ болотъ Ковельскаго уѣзда отъ м. Нудиже, протекаетъ по южной части Минской губерніи, и принимаетъ мно-

го значительныхъ рѣкъ; ниже Пинска тотчасъ сходятся съ нею Пина, Ясёлда, Стырь; потомъ Горынь, Случь, Уборть и Птичь до Мозыря; наконецъ Словечна и Ужъ. Теченіе Припяти простирается на 450 верстъ, между обширными болотами и лѣсами; впадаетъ она въ Днѣпръ, съ правой стороны его въ 65 верстахъ выше Кіева. По этому, въ военномъ отношеніи, путь отъ Бреста-Литовскаго до Чернигова, идущій большею частію по р. Припяти, чрезъ означенныя рѣки и болота, столько-же неудобенъ, какъ чрезъ какой-либо горный хребетъ. Природа въ этихъ низкихъ мѣстахъ представляетъ такія-же препятствія водою, какъ въ горахъ скалами.

Отъ Турова до Пеприкова 12 миль; дорога переходитъ на лѣвую сторону Припяти, черезъ болота и лѣса; мѣста пустынныя, почти необитаемыя.

Въ Пеприковѣ не болѣе 200 маленькихъ курныхъ хатъ. Строить ихъ весьма легко: сколотить концами десятка четыре бревенъ, влепить въ нихъ глиняную печь, да прорѣзать въ стѣнахъ скважины, вмѣсто оконъ: вотъ и вся работа. Такія жилища можно перевозить съ мѣста на мѣсто. Здѣсь три Русскія церкви и одинъ костелъ. Жидовъ немного. Изъ Святѣйшаго Синода часто присылаютъ сюда книги о

превосходствѣ Грекороссійской Вѣры надъ Католическою, для того, чтобы не ослаблялось православіе первой. Квартируя у церковнаго старосты, я имѣлъ случай прочитать одну изъ такихъ книгъ: Бесѣду испытующаго съ увѣреннымъ.

Изба моего хозяина лучшая въ мѣстечкѣ, съ широкимъ дворомъ, а внутри ея печь съ трубою занимаетъ ровно четвертую часть всего пространства. Стѣны до половины заставлены древними иконами, за которыми тараканы и прусаки имѣютъ ненарушимое убѣжище. Все семейство, по чину церковнаго старосты, молится передъ иконами по утрамъ и вечерамъ очень долго, шепотомъ, съ тихими восклицаніями, кладя земные поклоны. Ѣдятъ они по четыре раза въ день. — Дѣти природы! растительная жизнь ваша была-бы счастлива, если-бы съ одной стороны не угнетали васъ паны и арендаторы, а съ другой не выманивали-бы добытыхъ за куръ грошей Жиды съ соблазнительною горѣлкою.

На Крещенье я, какъ нарочно, попалъ въ городъ Мозырь, и прямо на обѣдъ къ Городничему. Въ жилищѣ градоправителя засталъ я гостей, между которыми вертѣлись: гусаръ, инженеръ и нѣсколько дѣвицъ. Городничій былъ Русскій хлѣбо-

солъ, радъ гостямъ, и для праздника св. Крещенья угощалъ насъ изобильнымъ обѣдомъ. Опъ инженера узналъ я о его несчастной службѣ и счастливой женитьбѣ. Инженеръ женился на дочери Городничаго только наканунѣ вечеромъ, и только что начинаетъ наслаждаться гименеизмомъ. Съ другой стороны, гусаръ разсказывалъ о трудностяхъ и недостаткахъ продовольствія въ настоящемъ маршѣ. Хозяйка перебила рѣчь, почитая ничтожными всѣ военныя тягости, сравненіи съ безпокойствомъ ея мужа, который ежедневно самъ провожаетъ обозы черезъ рѣку по льду, подвергаясь ежеминутно опасности провалиться въ воду. — Всякой больной утвердитъ о своей болѣзни!

Поблагодаривши Городничаго за хлѣбъ за соль, я отправился къ Исправнику, и засталъ его въ чуланѣ, за пуншемъ, однако при столѣ, накрытомъ краснымъ сукномъ и заваленномъ бумагами. — Неужели это присутствіе ваше? — спросилъ я.— » Что жь дѣлать! по милости Городничаго, « отвѣчалъ Исправникъ пожавъ плечами.—Изъ этого, и впослѣдствіи узналъ я, что между ними разладица: одинъ другому насылаютъ крючковатыя эпистолы. Для составленія дислокаціи я потребовалъ карты уѣзда; мнѣ показали несчастную, вытертую, земле-

мѣрскую, на которой я не могъ ничего разобрать. — »Козинки! не забудьте Козинки!« швердилъ мнѣ Исправникъ при выходѣ. »Это большая деревня!« — то есть, мыза Городничаго.

Мозырь, какъ обыкновенное Польское мѣстечко, наполненъ Жидами. Изъ 300 дворовъ, разбросанныхъ по правому берегу Припяши, я не замѣтилъ ни одного порядочнаго дома, или городскаго, выключая жилище Городничаго. На грязной площади, вмѣсто лавокъ, является около десятка Русскихъ маркитантовъ въ ихъ походныхъ, лубочныхъ балаганахъ, а напротивъ нихъ обжорный рядъ, гдѣ сидятъ бабы съ своими горячими произведеніями. Все это составляетъ, сказали мнѣ, ярмарку. Подлинно, для шляхтичей, для солдатъ, для Жидовъ и для мужиковъ, было чѣмъ заниматься и любоваться.

За Мозыремъ, по пути къ Днѣпру, въ Рѣчицкомъ повѣтѣ, встрѣчается болѣе поселеній. Въ Микулицахъ я догналъ Засѣдателя. Вчера ночевалъ я въ мѣст. Хвойникахъ, куда только что пріѣхалъ помѣщикъ, Графъ П***, уличенный во многихъ злоумышленіяхъ въ прошедшую войну съ Французами, за что не позволено ему никуда выѣзжать изъ своего помѣстья.

Отъ Барбарова по дорогѣ встрѣчалъ я разъѣзжающихъ въ бричкахъ и кибиткахъ многихъ помѣщиковъ и помѣщицъ. Мужики здѣсь живутъ лучше Мозырскихъ, Пинскихъ и Кобринскихъ. Мнѣ стали отводить квартиры въ бѣлыхъ крестьянскихъ избахъ, гдѣ печи съ трубами. Я съ удовольствіемъ любовался сельскимъ хозяйствомъ и заботливостію бабъ около дѣтей своихъ. Жаль только, что крестьяне здѣсь не любятъ опрятства: въ избѣ у нихъ всякая всячина. Въ Барбаровѣ я вошелъ въ избу, полную свиней. — Неужели вы любите жить съ ними?—спросилъ я. — »А какъ-же, батюшко, сказала баба; вѣдь только и осталось добра изъ всего товара. Какъ не любить ихъ!« — Къ вечеру собралась семья: четыре сына, юноши красавцы, какихъ не всегда найдешь и между дворянами, бѣлые, нѣжные, стройные. Лишь отъ суровой жизни и грубыхъ трудовъ они будутъ такъ-же черны, какъ отецъ ихъ. Какъ не быть имъ терпѣливымъ и сносливымъ? Спятъ они на голыхъ доскахъ; ѣдятъ грубую пищу; работаютъ какъ волы.

15-го Января я достигъ величественнаго Днѣпра при Лоевѣ. Наканунѣ здѣсь былъ такой дождь, какъ осенью, и зима необыкновенно распустилась. — Помѣщиковъ нигдѣ не вид-

но; всѣ они репируются, по старой привычкѣ, далѣе, внутрь губерніи. Ночую въ избахъ, вмѣстѣ съ крестьянами. По времени года, для пищи съ прудомъ можно купить курицу; ни молока, ни яицъ, ни масла, и надобно питаться постною кашею. Крестьяне здѣсь сами, большею частію, постничаютъ. Экономическое хозяйство у нихъ неисправно. — На пути отъ Пинска не разъ вспоминалъ я обширное хозяйство и преизобильную экономію Нѣмецкихъ поселянъ. За то въ Лоевѣ, у эконома, я нашелъ Русскій обѣдъ, то есть, все съ рыбою. Однако въ Днѣпрѣ рыбы ловится мало. — И здѣсь все еще я слышу Польскій и Жидовскій языки, которые для меня стали несносны непріятнымъ воспоминаніемъ о походѣ черезъ Польшу.

Выѣхавши изъ Лоева и переправясь черезъ Днѣпръ на байдакѣ, я тотчасъ встрѣтился съ Исправникомъ, Черниговской губерніи Городненскаго уѣзда. Онъ дѣйствительно былъ исправенъ; весьма заботился о переправѣ артиллеріи, обозовъ и прочихъ войскъ. Для обѣда завелъ онъ меня въ береговую деревню Каменку, къ овдовѣвшему помѣщику, гдѣ я съ удовольствіемъ увидѣлъ себя въ Малороссіи: свиное сало, вмѣсто сливочнаго масла, какъ національное лаком-

ство, первое явилось у меня передъ глазами, вмѣстѣ съ жареными колбасами, около крафинчиковъ съ разноцвѣтными настойками: запеканкою, полынковкою, и проч. За обѣдомъ борщъ, голубцы, индюкъ и вишнёвка. Для услажденія взоровъ, посадили меня между двумя милыми дѣвушками, дочерями хозяина, которыя, какъ осиротѣвшія ласточки, сидѣли скромно и неподвижно, не смѣя подымать глазъ далѣе своихъ тарелокъ. Я такъ былъ нѣмъ при нихъ, что ни слова не находилъ сказать, и къ тому еще не зналъ, какимъ языкомъ начать говорить, между тѣмъ какъ хозяинъ съ Исправникомъ раздобарывали по своему. Помѣщикъ, кажется, не бѣденъ: домъ у него расписанъ внутри узорами, и всѣ потребности для физической или растительной жизни въ изобиліи. » Заплати подушныя и рекрутскія — сказалъ онъ по Русски — и когда есть кусокъ хлѣба, то сиди въ своемъ углу да ѣшь.«—Это значитъ, что здѣшніе помѣщики не согласны между собою, и живутъ каждый про себя. По разсказамъ хозяина и Исправника, въ цѣлой Малороссіи любятъ заводить тяжбы и входить въ доносы. Для этого есть особенное сословіе людей, заводящихъ ябеды въ свою пользу. Особенно, когда на вечеринкахъ подгуляютъ, то есть *выпьютъ добрѣ варену-*

хи, тогда вся душа на языкѣ и въ кулакахъ. У нихъ недавно былъ замѣченный сосѣдами въ похищеніи казеннаго лѣса. Однажды онъ вздумалъ шумѣть въ собраніи; тогда всѣ присутствующіе безъ политики сказали ему: Господинъ Совѣтникъ, вы не можете быть у насъ въ собраніи. — »Какъ такъ!« вскричалъ Маршалъ. — Да! отвѣчали Маршалу; вы можете ему позволить быть въ собраніи, а намъ не можете приказать оставаться съ нимъ! — Взяли шляпы и откланялись. »Теперь мы немного просвѣтились,« сказалъ Исправникъ, »и не всякому позволимъ шумѣть у себя.« — Браво! сказалъ я, этотъ анекдотъ дѣлаетъ честь вашей націи. Онъ показываетъ сознаніе въ собственномъ достоинствѣ членовъ дворянскаго собранія, ихъ правоту, откровенность и твердость характера. Желательно, чтобы вездѣ такимъ образомъ оцѣнивали негодяевъ; тогдабы дурныя качества и гнусные пороки не смѣли прятаться подъ благовидною личиною; тогда-бы общественное мнѣніе исправляло нравы, чего до сего времени у насъ, къ сожалѣнію, еще не заводится.

Отъ Лоева до Чернигова 70 верстъ; дорога грязная. Зима распустилась, снѣга нѣтъ. Однако по землѣ ѣздятъ въ саняхъ, потому что зимнее время. Предразсудокъ

шакъ силенъ, что крестьяне равнодушно смотрятъ на несчастныхъ лошадей своихъ, не смѣя перемѣнить заведеннаго обычая, чтобъ ѣздить въ зимнее время на дѣлегахъ, когда снѣгу нѣтъ.

Въ м. Рѣпкахъ расположились гусары Маріупольскаго полка очень тѣсно.

Въ Рѣпкахъ я не могъ найдти квартиры для ночлега. Сотникъ жаловался, что не можетъ установиться съ гусарами. » То для калавура, то для писарей; то давай конюшни для лошадей. « Малороссіяне живутъ здѣсь бѣднѣе нежели крестьяне въ Литвѣ и Польшѣ; за то помѣщичьи мызы великолѣпны. Хаты у мужиковъ такъ малы и тѣсны, что похожи болѣе на собачьи канурки, нежели на жилища людей. — Я отправился далѣе.

Въ Черниговъ въѣхалъ почти ночью, и разъѣзжалъ въ немъ около двухъ часовъ, отыскивая чиновниковъ и пристанища. »Есть-ли тутъ Комендантъ?« — *Не знаю.* — » Есть-ли Городничій? « — *Есть.* — »Гдѣ онъ живетъ?« — *Не знаю.* — » Есть-ли тутъ Полиція?« — *Есть.* — » Гдѣ она? « — *Не знаю.* — Это были отвѣты всѣхъ тѣхъ, кого я спрашивалъ по улицамъ и въ домахъ. Нѣкоторые сказывали, что Городничій живетъ у Краснаго моста; я велѣлъ везти себя туда,

и раза три проѣхалъ по этому Красному мосту, который казался мнѣ весьма черным: меня отсылали съ одной стороны на другую. Наконецъ одинъ добрый человѣкъ сказалъ мнѣ: »Да вы спросите *на съѣзжей* десятника, такъ онъ вамъ все покажетъ.«—Въ самомъ дѣлѣ, какой я недогадливый! Въ Русскомъ городѣ надобно спросить только *съѣзжую*: это первое пристанище для каждаго заблудшагося. — »Гдѣ съѣзжая?« — Вотъ тамъ на углу! — Всякой знаетъ. На съѣзжей, гдѣ содержатся дневные и ночные преступники, Кварталный съ десятникомъ отослалъ меня къ Маіору Внутренней Стражи. Маіоръ лежалъ въ спальнѣ куря трубку. Я велѣлъ деньщику его сказать обо мнѣ, и разсматривалъ въ передней комнатѣ картинки за черными рамочками. Черезъ пять минутъ явился молодой Маіоръ, въ сюртукѣ съ куньимъ воротникомъ на выворотъ. Онъ велѣлъ написать для меня отношеніе въ Квартирную Коммисію. Покуда писали и носили къ нему для подписи бумагу, я занялся пріятною бесѣдою съ почтенными инвалидами его команды. Ихъ здѣсь баталіонъ. Почти всѣ они 1812-го года, а въ гарнизонѣ за ранами и за выслугою лѣтъ.

Изъ Квартирной Коммисіи отослали меня

въ Полицію; изъ Полиціи Квартальный приказалъ десятнику отвести меня во вторую часть. Здѣсь чиновники, въ тѣсной хатѣ, полуобнаженные, съ огаркомъ свѣчи на столѣ, грѣлись около печки; они чуть не прибили моего провожатаго за грубое предложеніе, когда, подавши одному изъ чиновниковъ бумагу, онъ сказалъ: »На, веди къ Ивану Ивановичу!« — Чиновникъ надѣлъ шулупъ и повелъ меня къ Ивану Ивановичу. Два раза я долженъ былъ за нимъ перелѣзать черезъ заборъ, цѣпляясь своимъ аксельбантомъ, чтобы добраться до жилища Ивана Ивановича. Это былъ Частный Приставъ, встрѣтившій насъ въ нагольномъ шулупѣ. »Що вамъ треба? Кто вы? ась!« громогласно вопросилъ онъ меня. Я также громогласно прокричалъ ему, что я Свиты Его Императорскаго Величества по Квартирмейстерской части Штабсъ-Капитанъ, и что онъ крѣпко огородился заборами. — »Да, это за тымъ, що стучатся и меня безпокоятъ!« Послѣ этого два чиновника въ нагольныхъ шулупахъ совѣтовались, куда меня поставить: къ тому *не льзя*.... къ другому *не можно*.... къ третьему *неизвѣстно*.... и оставались въ нерѣшимости. Наконецъ, потерявъ терпѣніе, я сказалъ:—Дайте-же какую нибудь квартиру! Уже полночь!—»Дав-

же до завтра, а шамъ мы вамъ перемѣнимъ!« сказалъ Иванъ Ивановичъ и проводилъ меня за двери. »Теперечки якъ вамъ угодно; хиба черезъ вороша!«

Прошедши столько мытарствъ, я упѣшался надеждою отдохнуть въ хорошей кварширѣ. Не тутъ-то было. Толстая хозяйка встрѣтила меня съ проводникомъ, какъ кабачница, бранью и проклятіями. Проводникъ сказалъ ей: »Якъ соби хочешь, а офицеру дай миспо!« и ушелъ. Я утѣшалъ раздраженную, говоря, что завтра сойду непремѣнно, и занялъ уголокъ. Пристанище было тѣсное, смрадное: тутъ и ребята въ колыбеляхъ, и куры на насѣстѣ.

Проходя по улицамъ, я забавлялся, по крайней мѣрѣ, слыша въ одномъ мѣстѣ балалайку, въ другомъ пѣсни, въ третьемъ насвисты: это обнаруживало не унылый народъ. И среди грязи, въ темнотѣ, изрѣдка освѣщавшейся свѣтомъ изъ оконъ нѣкоторыхъ домовъ, прогулка моя была довольно романическая.

На другой день, насилу отдѣлался я, составленіемъ дислокаціи для 24-й пѣхотн. дивизіи на зимнія кварширы, занимаясь съ Губернскимъ Землемѣромъ по его картѣ.

Кварпира у меня весьма дурна: бабы, ре-

бяша, куры и чадъ, не позволяли мнѣ ни чѣмъ заниматься. Я безпрестанно тревожилъ Ивана Ивановича о перемѣнѣ квартиры, который все твердилъ одно: »Давже до завтра! «

Губернаторъ здѣсь Тайный Совѣтникъ Б***, почтенный старецъ: онъ принялъ меня весьма вѣжливо, и сказалъ мнѣ новость, что нашъ Корпусный Командиръ, Генералъ отъ инфантеріи Дохтуровъ, уволенъ отъ службы съ полнымъ пенсіономъ.

Уже около двухъ недѣль не принимался я за перо, не встрѣчая ничего замѣчательнаго. Съ того времени, какъ Иванъ Ивановичъ доставилъ мнѣ другую квартиру, въ двѣ квадратныхъ сажени, съ угарною печкою, я, по принятому здѣсь всѣми обычаю, не выхожу изъ подъ калпака и тулупа. Какой метаморфозъ послѣ заграничнаго! — Хозяинъ мой, мѣщанинъ, торгующій гвоздями, веревками и дегтемъ, иногда посѣщаетъ меня, и мы съ нимъ кой о чемъ бесѣдуемъ. Между прочимъ онъ разсказывалъ мнѣ забавные анекдоты о своемъ удальствѣ въ кулачныхъ бояхъ. Въ блаженныя времена, когда еще не возбранено было народу сходиться толпами, стѣна на стѣну, подносить другъ другу зубочистки, подставлять фонари и давать подживотины, мой хозяинъ

былъ изъ первыхъ героевъ. Но онъ дорожилъ своимъ искусствомъ, и не прежде выходилъ на побоища, какъ уже видя, что сопротивная стѣна одолѣваетъ, а къ нему прилетаютъ гонцы за гонцами съ печальнымъ извѣстіемъ: *нашихъ бьютъ!* Иогда онъ выпьетъ кваршу горѣлки, разгладитъ усы, засучитъ до локтей рукава, насунетъ на ухо шапку, и пойдетъ, какъ Сампсонъ на Филистимлянъ. Тутъ-то начинаетъ онъ косить сопротивниковъ, такъ, что отъ ударовъ его скулы трещатъ, зубы выпадаютъ, шапки летятъ вверхъ, и все падаетъ ницъ, обливаясь кровью, и все кричитъ: *Чупренко! Чупренко!* — и все бросается въ бѣгство, съ ужасомъ. — Подлинно, мой Чупренко былъ атлетъ, способный для такихъ подвиговъ. Однажды, говорилъ онъ, явился въ городѣ достойный ему соперникъ, отставной драгунскій вахмистръ, который косилъ всѣхъ бойцовъ, какъ солому, и въ продолженіе нѣсколькихъ дней недуга моего хозяина, одолѣвалъ его стѣну. Наконецъ, оправившись, Чупренко назначилъ день для боя. Явились двѣ несмѣтныя толпы изъ цѣлаго города, за Краснымъ мостомъ. Дѣло началось, какъ обыкновенно, съ мальчишекъ; потомъ стали подскакивать взрослые; мѣшались болѣе и болѣе; ни кто ни

кого не одолѣвалъ, какъ вдругъ показался вахмистръ, здоровый мужичина, и началъ колошить нашихъ; тогда Чупренко пошелъ прямо на него. »Это ты, бойкій Хохолъ!« вскричалъ вахмистръ, и прежде нежели тотъ успѣлъ развернуться, влепилъ ему въ високъ такой гостинецъ, что Хохолъ присѣлъ; очи у него ошуманились, голова закружилась — и Вахмистръ въ торжествѣ погналъ стѣну.—»Ой! злый Москаль!« вскричалъ Чупренко. »Винъ не руками бье! Попрывайте-жь, хлопци; ось я оправлюсь — зобачимо!« — Отдохнувши на Красномъ мосту, онъ приказалъ своимъ непремѣнно поймать Москаля и осмотрѣть, нѣтъ-ли у него въ рукахъ свинцовки. Пошли, схватили вахмистра сзади, повалили, сѣли на него, и открыли въ рукѣ костъ, налитую свинцомъ.—Такъ вотъ въ чемъ состояло удальство его! »Бисовъ Москаль сталъ виниться и каяться; но мы,« говорилъ Чупренко, »наказали его своимъ судомъ.« Они взяли вахмистра за руки и за ноги, и поднявши вверхъ три раза, бросили на землю. — »Сердяга не вынесъ: на третій день померъ!« — Что-же вамъ было за это? — »Ничего!« — Въ потѣхѣ что случалось, то не бѣда: кому зубы на вылетъ, кому глазъ вонъ, кому скулы на сторону, все сходило съ

рукъ. Слава о кулачныхъ подвигахъ моего Чупренки распространилась по всей губерніи, такъ что уже никто не смѣлъ являться передъ нимъ на состязаніе. Однако, пріѣзжіе, Московскіе ямщики съ товарами, хотѣли попробовать кулачной силы моего бойца, и стали вызывать его, одинъ на одинъ. Коренастый ямщикъ, съ рыжею бородою и съ бычьей шеею, говорилъ мѣщанамъ: — Ну, ну, гдѣ-сша Хохолъ вашъ, прославленный боецъ? подавай-ка намъ его!— Герои сошлись, смѣряли другъ друга глазами. Рускій сказалъ: Велика Ѳедора!... Ну, начинай! — »Жаль мнѣ тебя, говорилъ Чупренко; задоръ великъ, да будетъ-ли сила.« — Не бойсь, сладимъ. — Между тѣмъ положено побѣжденному платить магарычи. Вотъ бойцы засучили рукава, приладились, пригнулись, подскочили одинъ къ другому, и, для начала, ударили по бокамъ. Потомъ Рускій поднесъ Хохлу зубочистку, отъ которой тотъ пошатнулся. — »Попрывайже, бисовъ Москаль!« сказалъ Чупренко, и, развернувшись, далъ Рускому такую заушину, что тотъ, перевернувшись, оплелъ на сажень и упалъ навзничь. — Наша взяла! вскричали мѣщане; а лежачій кричалъ: »Ай, Хохолъ! угодилъ-сша; вотъ угодилъ!« — Бойцы запили мировую, причемъ ямщики

приглашали Чупренка въ Москву, гдѣ обѣщали ему большіе барыши, говоря, что онъ тамъ будетъ изъ первыхъ бойцовъ. Удалой Чупренко уже собирался было въ путь, какъ вдругъ послѣдовалъ указъ о запрещеніи кулачнаго боя. Съ тѣхъ поръ, у самыхъ лучшихъ бойцовъ руки опустились и кулаки завяли. — Слушая разсказы моего героя, я соображалъ пользу и вредъ отъ этого древняго обычая Славянскаго народа. Польза была та, что люди съ малолѣтства дѣлались бойкими, ловкими, неустрашимыми; а вредъ происходилъ отъ искалѣченья, забіячества и пошери времени, потому что бои заводились почти ежедневно; охотники бросали ремесла и всякія занятія, желая подарить кого нибудь зубочисткою, или самому придти домой съ фонаремъ подъ глазомъ. Въ праздничные дни производились страшные бои, которые оканчивались даже убійствомъ. По улицамъ не льзя было тогда ни кому пройдти: забіяки, не разбирая званія, налетали, и ни за что, ни про что давали заушины, или сбивали съ ногъ мирныхъ прохожихъ.

Черниговъ показался мнѣ скучнымъ городомъ; но весною онъ долженъ быть веселѣе, потому что подлѣ него протекаетъ Десна. Строенія въ городѣ плохія; между лачужка-

ми, кой-гдѣ, являются большіе домы новой архитектуры, или огромныя церкви. Это возобновленіе хорошихъ зданій началось здѣсь при Военномъ Губернаторѣ Князѣ Куракинѣ; но жаль, что все хорошее разсѣяно между дурнымъ; лучш-бъ было отдѣлывать одну часть города, потомъ другую, и такъ далѣе. Нынѣ, послѣ войны, всѣ матеріялы и рабошники очень вздорожали, и потому нѣтъ охотниковъ строиться. Помѣщики сидятъ на мызахъ, по деревнямъ, а въ городѣ остаются одни мѣщане и мѣлочные купцы, довольные своими хатами. Противъ собора устроенъ булеваръ, и улица была-бы хороша, если-бы сломали на ней безобразные, ветхіе домишки. На возвышенномъ мѣстѣ, къ рѣкѣ, гдѣ стоитъ соборъ, была когда-то крѣпость, которой остатки видны въ разрытомъ валѣ: еще до сихъ поръ лежатъ двѣ чугунныя пушки близъ большой ямы. Внутри пространства крѣпости осталось еще одно древнее, каменное зданіе, можетъ быть прежнее жилище Удѣльнаго Князя; теперь тамъ хранится архивъ. Въ городѣ три площади. Самая большая на концѣ города, называемая Красною; вокругъ нея казенныя зданія: домъ Губернатора, Госпиталь, Полиція, домъ сумасшедшихъ, острогъ, и проч. Посрединѣ этой площади, не знаю для чего,

сдѣлана бесѣдка, въ видѣ храма Весты. Другая не большая, но пріятная площадь, прошивъ церкви св. Глѣба и Бориса. Тушъ одинъ веселый домикъ привлекаетъ къ себѣ взоры проходящихъ вывѣскою модной торговки. Я любовался на всѣ четыре стороны этой площади, замѣчая пріятные виды: на лѣво соборъ и булеваръ, на право вдали церковь св. Богородицы; впереди огромный храмъ св. Глѣба и Бориса, и назади улица къ рынку, всегда полная народа. Посрединѣ города есть тротья площадь, съ лавками; но видно потому, что здѣсь часто бываютъ ярмарки, всѣ лавки пусты, и торгаши сидятъ съ ничтожными товарами. Въ городѣ есть замѣчательныя заведенія: благородное училище, въ которомъ теперь не болѣе 60 учениковъ, и школа ремесленниковъ, гдѣ обучаются помѣщичьи крестьянскія дѣти разнымъ ремесламъ, и выпускаются по губерніи для просвѣщенія народа въ художествахъ. Желательно, чтобы такія училища завелись во всѣхъ губернскихъ городахъ, и образовались-бы у насъ цехи, на подобіе того, какъ въ Германіи. Еще при каждомъ губернскомъ городѣ надлежало-бы устроить экономическую, хозяйственную ферму, какъ для усовершенствованія земледѣлія,

такъ равно для распространенія полезныхъ растеній, улучшенія скотоводства, и проч. Вообще земледѣліе и промышленность нашихъ крестьянъ не процвѣтаютъ отъ того, что ни помѣщики, ни поселяне не умѣютъ надлежащимъ образомъ пользоваться произведеніями природы. Не странно-ли видѣть проѣзжающему изъ-за границы, на нѣсколько верстъ вокругъ городовъ нашихъ пустынные выгоны, заросшіе дурманомъ и полынью, гдѣ искусство могло-бы устроить луга, рощи, планпаціи, и проч. Но для этого надобно еще много учиться.

Наконецъ 24-я пѣхотн. дивизія вступила на зимнія квартиры въ Черниговскую губернію, и войски, пришедшія съ долины Вершю изъ Франціи, черезъ всю Германію, началали отдыхать послѣ пятимѣсячной прогулки. — Отъ Варшавы до Чернигова 795 верстъ. — Генералъ В***, начальникъ дивизіи, благодарилъ меня за выгодныя сокращенія въ маршѣ войскъ, отъ чего я дѣлалъ имъ лишнія дневки, и безъ карты довелъ въ опредѣленное время до назначеннаго мѣста. Я былъ въ восхищеніи отъ ласковаго пріема этого Генерала, и нарисовалъ Е. П-ву подробную карту расположенія всей дивизіи, съ означеніемъ разстояній. — Обхожденіе его со всѣми окружающими было пріятное.

Какъ ученикъ Князя Багратіона на полѣ брани, онъ спалъ извѣстенъ еще въ Финляндскую кампанію. Егерскій полкъ его, за Краонское сраженіе во Франціи, получилъ серебряныя Георгіевскія трубы. Самъ онъ увѣшанъ знаками военныхъ отличій. — По словамъ его, онъ находился въ большой милости у Государя Императора, такъ что въ 1807 году, когда въ авангардѣ у Князя Багратіона, Французы отбили у него все имущество, Государь изволилъ лично подарить ему 600 червонцевъ.

Генералъ преисполненъ къ Государю своему глубочайшей благодарности, и почти со слезами говорилъ о его благодѣяніяхъ. Этотъ Генералъ, при воинскихъ достоинствахъ, имѣетъ гражданскія добродѣтели: хорошій мужъ и добрый отецъ. Онъ сознается, что всякому желаетъ такого счастія, или спокойствія душевнаго, какое самъ пріобрѣлъ; что его не мучатъ ни зависть, ни химеры: онъ доволенъ настоящимъ и не гоняется за мечтами.

2-го Февраля.—Насилу могъ я опомниться отъ вчерашняго бала у помѣщика, отставнаго Генерала М***. По какому случаю сочинили балъ, мнѣ не извѣстно, но, кажется, для того, чтобы посмотрѣть пришедшихъ изъ за границы и себя показать. —

Въ 7 часовъ вечера, одѣвшись парадно, пріѣхали мы съ Генераломъ В*** въ освѣщенный домъ. Хозяинъ, препочтенный физіогноміей, во фракѣ и съ двумя звѣздами, встрѣтилъ насъ вѣжливо, разными привѣтствіями. Зала уже полна была кавалерами во фракахъ и въ мундирахъ. Черезъ нѣсколько минутъ пробѣжали изъ гостиной, мимо насъ, барышни и важно прошли барыни; чинно всѣ усѣлись, посматривая на гостей; загремѣла музыка и начались танцы. Военные танцовали усердно; гражданскіе уступали имъ первенство; все шло чинно, скромно, благопристойно. Дамы и барышни вели себя важно. Хотя изъ нихъ не было красавицъ, но были миловидныя. Не замѣчалъ я въ нихъ ни живости Француженокъ, ни сантиментальности Нѣмокъ; но простота ихъ была очень мила. Которая изъ дѣвицъ устава́ла и не хотѣла танцовать, та просто говорила кавалеру: *не хочу*, и уходила; иная тутъ-же, безъ церемоній, поправляла поясокъ свой или башмачекъ. Всѣ были одѣты щеголевато, по своему вкусу, и наиболѣе въ бѣлыхъ атласныхъ платьяхъ. Дочери хозяина, двѣ замужнія и двѣ дѣвушки, были усыпаны брилліантами и жемчугами: діадемы на головахъ, фермуары на шейкахъ, пряжки на по-

ясахъ и на плечахъ, большія серьги—ослѣпляли блескомъ драгоцѣнныхъ камней. Казалось, они родились въ домѣ у хозяина, или превращались изъ окристаллизованной соли, которою онъ велъ обширную торговлю. Европейскій вкусъ его и богатство видны были въ цѣломъ домѣ: въ драпировкѣ оконъ, въ мебеляхъ, въ ливреѣ. — Съ нами находился одинъ егерскій офицеръ, иностранецъ изъ Женевы, недавно опредѣлившійся въ службу, и едва вѣрилъ, что онъ въ Россіи: такъ ему все нравилось. Мы сами удивлялись и не ожидали найдти въ Малороссіи, особенно въ Черниговѣ, то, что теперь видѣли. Многія изъ дѣвицъ говорили по-Французски и танцовали прекрасно; въ мазуркѣ особенно отличилась своею ловкостію дочь Почтъ-Директора. Такое усовершенствованіе въ воспитаніи пріятно видѣть у своихъ, и мы увѣрялись, что не для чего намъ искать у чужихъ, за границею, того, что можемъ найдти у себя. — Молодежь кружилась до двухъ часовъ ночи, между тѣмъ какъ важные люди въ другихъ комнатахъ занимались бостономъ и вистомъ. Ужинъ былъ изобильный; гости расположились по всѣмъ комнатамъ, выключая дамъ, которыя сидѣли съ хозяйкою за большимъ столомъ. Хозяинъ дѣя-

шельно угощалъ, подходя къ каждому столу, и самъ пробовалъ вина. Въ заключеніе всего полилось шампанское: городскіе выпили за здоровье пришедшаго со славою изъ за границы войска, а мы выпили за здоровье почтеннаго хозяина и всего сословія дворянъ, принявшихъ насъ съ такимъ дружелюбіемъ. Этотъ балъ продолжался до четырехъ часовъ утра. Мы, очарованные гостепріимствомъ Малороссійскаго вельможи, разошлись, полусонные и утомленные, по своимъ хатамъ, досыпать день въ пріятномъ мечтаніи о привлекательныхъ Малороссіяночкахъ, съ которыми всю ночь такъ мило рѣзвились.

Наконецъ я сталъ развлекаться посѣщеніями къ дивизіонному Генералу и къ важнѣйшимъ особамъ города. Катанье на саняхъ за милыми дѣвушками снова оживило меня, и розовыя ланиты ихъ, съ томными глазками изъ подъ голубыхъ шляпокъ, стали отогрѣвать мое охладѣвавшее сердце. Но все это было не на долго. Почтенный Генералъ уѣхалъ въ отпускъ; помѣщики разъѣхались по деревнямъ; городъ почти опустѣлъ, и я получилъ предписаніе отъ Корпуснаго Оберъ-Квартирмейстера пріѣхать въ Кіевъ, съ назначеніемъ быть Квартирмейстеромъ 7-й пѣхотной дивизіи.

Въ ожиданіи денегъ для отправленія въ Кіевъ, я проводилъ время въ Черниговѣ уединенно. Жизнь моя была такъ единообразна, какъ воды тихаго ручья. Квартира моя у кулачнаго бойца не могла-бы ни кому понравиться: это такая канурка, въ которой разсвѣтаетъ въ полдень и вечеретъ до захожденія солнца. Но этому шестинедѣльному заключенію моему, въ уединеніи, я многимъ обязанъ. Цицеронъ говорилъ сыну своему Марку: »Если-бъ можно было найдти, посредствомъ волшебнаго жезла (virgula divina), способъ пропитать себя безъ помощи людей; то надлежало-бы удалиться отъ общества ихъ и, посвятить драгоцѣнное время наукамъ.« — Я, не отыскивая этого жезла, старался всегда слѣдовать Цицеронову правилу, особенно тамъ, гдѣ вовсе не было ни какого общества, потому что я не почитаю обществомъ людей, убивающихъ время за картами, такъ-же какъ и людей, толпящихся около обжорнаго ряда. Ходить изъ дома въ домъ, выигрывать деньги, слушать и молоть безсмысленный вздоръ, и вздыхать около нѣмыхъ красавицъ, значило-бы посвятить себя праздности, отъ которой вскорѣ можно одурѣть и быть вовсе безполезнымъ трупнемъ, для себя и для другихъ. Но эти шесть недѣль, послѣ четырехлѣтняго стран-

сшвія по Европѣ, проведенныя мной въ чуланѣ у кулачнаго бойца, обрашили меня къ самому себѣ. Въ бесѣдѣ съ Музами и науками, я не замѣчалъ полеша времени: книги, Лишерашура, рисованье, музыка занимали меня поперемѣнно. Рано поушру, съ пѣшухами, вспавалъ я съ соломеннаго ложа, и при свѣчахъ садился за свой сполик. Передъ полуднемъ слышалъ моношонный звонъ шрехъ церковныхъ колоколовъ, въ гармоническомъ молль-шонѣ, чшо мнѣ напоминало обширный Реймсъ, гдѣ я слышалъ шакой-же звонъ; а съ шѣмъ вмѣсшѣ приводило на памяшь любезную вдовушку, Мадамъ Ганріо, и ея лакомый сполъ, шогда какъ деньщикъ приносилъ мнѣ здѣсь грибной супъ и гречневую кашу. Впрочемъ, каждая сшрана производишъ свои лакомсшва, и каждый народъ имѣешъ свои прихоши. — Я избѣгалъ вечеринокъ, ни къ кому не ходилъ съ визишами, и меня ни кшо не зналъ. Черезъ эшо *я сберегъ время, мундиръ и себя.*

Вошъ конецъ моихъ Походныхъ Записокъ. Чшо видѣлъ, мыслилъ и чувсшвовалъ, въ продолженіе чешырехъ лѣшъ, шо писалъ наскоро, безъ пригошовленія, а пошому не думаю, чшобы кришики сшрого спали осуждашь меня за недосшашки, или за излишнюю ошкровенносшь, и иногда за мѣлочныя

подробности. Повторю сказанное мною въ началѣ и подтвержденное опытомъ, что частная жизнь людей, всякаго званія, открываетъ современный характеръ, образъ мыслей, степень просвѣщенія и нравы народовъ. Это полезно для Исторіи. Прошедши два раза вдоль Европы; я участвовалъ въ знаменитыхъ сраженіяхъ и видѣлъ различные народы; я старался замѣчать военныя происшествія и вникать въ нравы людей. Замѣчанія мои передаю соотечественникамъ, безъ всякаго преувеличенія хорошаго и дурнаго.

Мы всѣ странники въ здѣшнемъ мірѣ. Замѣчая все, насъ окружающее, научаемся познавать людей и самихъ себя, для пріобрѣтенія опыта. Этой науки не преподаютъ ни на какихъ каѳедрахъ — а она необходима для счастія въ жизни.

Конецъ четвертой и послѣдней части.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ЧЕТВЕРТОЙ ЧАСТИ.

ГЛАВА I. Отъ Бѣлостока до Калиша.—Начало новой кампаніи. — Походъ. — Тыкочинъ. — Остроленка. — Прасницы. — Замѣшательство на маршѣ. — Цихановъ. — Плоцкъ. — Переправа черезъ Вислу. — Кутно. — Газетныя извѣстія. — Хвастунъ. — Калишъ. — Разныя встрѣчи. 5

ГЛАВА II. Отъ Калиша до Альтенбурга.—Островъ.—Познанскій округъ. — Равичъ. — Романическія картины. — Христосъ воскресъ. — Силезія. — Гурау. — Мѣсто поединка. — Глогау. — Театръ. — Заганъ. — Замокъ его. — Плясунъ. — Разговоръ женатаго съ холостымъ. — Венды. — Котбусъ. — Прогулка по кладбищу. — Пѣшій курьеръ. — Мильбергъ. — Путь за Эльбою. — Гримма. — Грозный шпіонъ. — Ночные трубачи. — Борна. — Пріѣздъ въ Альтенбургъ. 29

ГЛАВА III. Отъ Альтенбурга до Кобурга.—Альтенбургъ. — Трудолюбіе поселянъ. — Шлейцъ. — Лобенштейнъ. — Газетныя вѣсти. — Ночной путь до Кронаха. — Крѣпость. — Путь къ Кобургу. — Порученіе. — Путь до Кёнигсгофена. — Путь черезъ горы до Брукенау. — Дорога до Киссингена. — Засѣданіе ландрихтеровъ. — Минеральныя воды. — Возвращеніе въ Кобургъ. 71

ГЛАВА IV. Отъ Кобурга до Франкфурта. — Парадное молебствіе. — Кобургъ. — Жалобы ландрихтеровъ. — Квартира. — Размѣщеніе войскъ. — Путешествіе пѣшкомъ. — Артиллерійская рота. — Военные приказы. — Биргартенъ. — Ландрихтеръ въ Минерштатѣ. — Сабина. — Гамельбургъ. — Шлихтернъ. — Кривая колокольня. — Достопамятности. — Ганау. — Путь къ Франкфурту. — Общая квартира. 96

ГЛАВА V. Отъ Франкфурта до Реймса. — Жиды. — Корреджіева картина. — Театръ. — Прогулки. — Извѣстіе о пораженіи Наполеона. — Движеніе войскъ. — Выѣздъ изъ Франкфурта. — Майнцъ. — Окрестности. — Дорога до Кузеля. — Натуральный кабинетъ у пастора. — Дорога до Гомбурга. — Диспозиція войскъ. — Саарбрикъ. — Сенцъ-Авольдъ. — Бюсси. — Расположеніе жителей. — Образъ жизни Французовъ. — Извѣстіе о занятіи Парижа. — Путь до Энерне. — Занятіе Реймса. 123

ГЛАВА VI. Реймсъ. — Состояніе города. — Квартира. — Жизнь въ Реймсѣ. — Гессенцы и Рускіе. — Театръ. — Нѣчто о Француженкахъ. — Музыкальный вечеръ. — Невѣжество Французовъ. — Странность въ театрѣ. — Поѣздка на мызу. — Энтузіазмъ Французовъ. — Частныя обстоятельства. — Мнѣніе Французовъ о Рускихъ. 152

ГЛАВА VII. Рекогносцировка и смотръ. — Выѣздъ. — Сенъ-Мену. — Начало работы. — Французы желаютъ быть въ подданствѣ у Рускихъ. — Окрестности Меца. — Состояніе жителей. — Правила общежитія. — Происшествіе въ Гравелотѣ. — Квартированіе войскъ — Бѣдные эмигранты. — Буйство Французовъ. — Худой политикъ. — Марвиль. — Пушечные выстрѣлы. — Праздникъ Дѣвы. — Вердёнъ. — Работа въ Сенъ-Мену. — Еще нѣчто о Фран-

цуженкахъ. — Мосьё Форшень. — Реймсъ. — Карта рекогносцировки. — Путь въ Вертю. — Расположеніе арміи. — Маневры. — Молебствіе. — Конецъ дѣлу. 177

ГЛАВА VIII. Обратный путь до Кобурга.—Шалонъ.—Путь до Сенъ-Міеля. — Скульптурная рѣдкость. — Кружевницы. — Понтъ-а-Муссонъ.—О женщинахъ. — Смѣшное мщеніе. — Сааргемюнъ. — Фаянсовая фабрика. — Участь жителей. — Путь къ Дармштату. — Ландратъ. — Квартира у Барона. — Почталіонъ. — Дибургъ. — Ашаффенбургъ. — Вирцбургъ. — Швейнфуртъ. — Дорога къ Гассфурту.—Рѣдкости. — Путь до Кобурга. 219

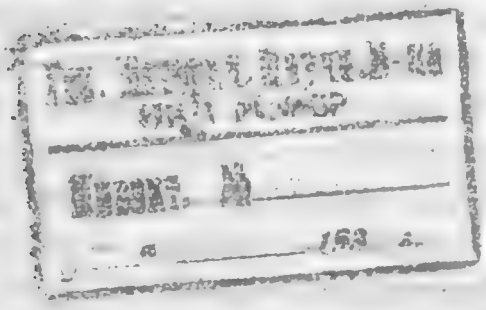
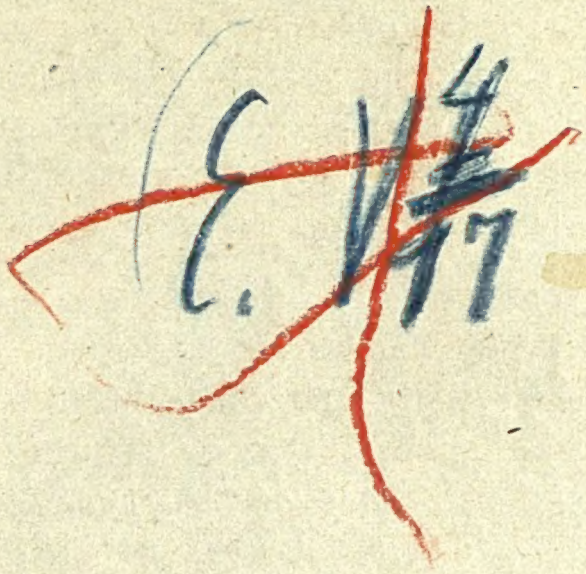
ГЛАВА IX. Отъ до Глогау Кобурга.—Красавицы Бѣлаго Лебедя. — Кирасиры.—Гармоника.—Зоннебергъ. — Комендантъ въ Юденбахѣ.—Дефиле. —Заальфельдъ.—Гера. — Альтенбургцы.—Рохлицъ. — Домъ призрѣнія. — Мейссенъ. — Фарфоровая фабрика. — Дрезденъ. — Концертъ. — Ночная прогулка. — Путь изъ Дрездена. — Венды. — Заганъ. — Фрейштатъ. — Куплау. — Фраушштатъ. — Квартира у Жида. 255

ГЛАВА X. Отъ Глогау до Варшавы. — Крѣпость Глогау. — Любовная исторія. — Портной. — Опять Заганъ. — Генералъ Дохтуровъ. — Заганскій замокъ. — Куплау. — Рейссенъ. — Угощеніе у Графини. — Погоржели. — Добржицы. — Ярмарка въ Калишѣ. — Квартира у Прусскаго Прапорщика. — О происхожденіи Рускихъ. — Ночлегъ въ Клодавѣ. — Купно. — Ловичъ. — Жизнь шляхтича. — Путешествующая Жидовка. — Уланы. — Блонія. 285

ГЛАВА XI. Отъ Варшавы до Пинска.—Варшава. — Комендантъ. — Квартирная Коммисія. — Выѣздъ изъ города. — Зима. — Крестьян-

ская дѣвочка. — Свои границы. — Таможня. — Квартира въ Брестъ-Литовскѣ. — Кобринъ. — Земскій Судъ. — Вечеръ въ гостяхъ. — Исправникъ. — Анекдотъ. — М. Яновъ. 318

ГЛАВА XII. Отъ Пинска до Чернигова. — Городничій. — Пинскъ. — Давидъ-городъ. — Жиды. — Туровъ. — Уніаты. — Припять. — Петриковъ. — Мозырь. — Русскіе крестьяне. — Лоевъ. — Малороссія. — Въѣздъ въ Черниговъ. — Кулачный боецъ. — Видъ Чернигова. — Генералъ В***. — Балъ. — Уединенная жизнь. — Заключеніе. 340



٤٠٧ ١٦